

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
ВЫПУСК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

КРАСНАЯ ГОРКА

ГЛАВНЫЕ ТЕМЫ НОМЕРА

100-ЛЕТИЕ
ГОРОДА КЕМЕРОВО

100-ЛЕТИЕ
В. Д. ФЁДОРОВА

ББК 63.3 (2Р-4кем)
УДК 908 (571)
К89

12 + «Красная Горка. Кемерово» №1 (19) 2018

При поддержке администрации города Кемерово

Учредитель и издатель: муниципальное автономное учреждение «Музей-заповедник «Красная Горка»

Адрес редакции и издателя: 650044, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Красная Горка, д. 17, тел.: 8 (3842) 64-24-12.
E-mail: redhill-kemerovo@mail.ru
Печатное СМИ "Красная Горка. Кемерово"

Свидетельство: ПИ 12-1052 от 12.02.2002. Выдано Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Отпечатано в ООО «Издательский дом «Вояж»: 630048, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, д. 104
Тираж 999 экз.

Дата выхода в свет: 29. 11. 2018г.

Заказ № 38750

Цена свободная

Главный редактор

Ю. В. Сергеев

Ответственный секретарь

Н. А. Шелепова

Редколлегия:

Е. Н. Бабкин, З. Ф. Волкова, И. В. Захарова,

Л. Ф. Кузнецова, И. В. Левина, И. Ю. Усков

Дизайнер

Д. Ю. Сергеев

Корректор

Л. В. Алехина

ISBN 978-5-9908788-1-5

**КРАСНАЯ
ГОРКА**

© «Музей-заповедник «Красная Горка», 2018

В НОМЕРЕ

Визит Президента стр. 6

100-ЛЕТИЕ ГОРОДА КЕМЕРОВО

Село Усть-Искитимское (Щегловское) стр. 8

Документы Щегловской уездной
земской управы стр. 14

Из жизни молодого города стр. 18

Мое детство на Нижней Колонии стр. 26

Беседа с А. А. Ефремовой стр. 35

Князев и другие стр. 38

Из истории храма стр. 45

Генеральный план города 1969 года стр. 48

История Кемеровского отделения Союза художников
РСФСР стр. 54

Кемерово глазами кемеровчан стр. 60

Кемерово глазами парижанина стр. 64

О чем рассказали камни стр. 70

100-ЛЕТИЕ В. Д. ФЁДОРОВА

Звёздный сын города Кемерово стр. 76

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Приключения Рут Кеннелл в Красной России стр. 84

ГЕРОИ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

Коллекция стр. 99

МУЗЕЙНЫЕ СОБЫТИЯ

Посол Нидерландов на Красной Горке стр. 102

Потомки колонистов из Голландии стр. 104

100-летие города Кемерово стр. 106

Самый важный документ стр. 108

Кемерово на экране стр. 110

Объединены единой целью стр. 114

Новому времени - новые форматы стр. 116

Новая выставка стр. 118

Кемерово держит марку стр. 120

Музыкальный салон у камина стр. 122

Музей + стр. 124

Авторская кукла стр. 126

Наши авторы стр. 128

Губернатор Кемеровской области
Сергей Евгеньевич Цивилев

Дорогие друзья!

Вы держите в руках 19-ый выпуск альманаха «Красная Горка». Он издаётся с 2001 года одноимённым музеем-заповедником. И каждый раз выход нового издания — это интересное путешествие в прошлое, знакомство с историко-культурным наследием и анализ современных проблем Кузбасса. Новые загадки, новые рубрики и новые авторы всегда радуют не только профессионалов, но и любителей истории родного края.

В этом году главной темой выпуска стал юбилей г. Кемерово. Ровно 100 лет назад наша областная столица получила статус города. Это важное событие и для кемеровчан, и для жителей всей области. Именно на территории современного Кемерово, на правом берегу реки Томи в 1721 году открыты первые месторождения угля — открыт Кузнецкий угольный бассейн.

С тех пор слава о сибирском «горючем камне» только ширится. Ценнейшая находка круто изменила историю государства и во многом определила будущее развитие города, региона, страны. По следам первых рудознатцев шли ученые, специалисты, которые проверяли открытия, опробовали руды, организовывали разработку месторождений и добычу полезных ископаемых.

Сегодня Кемеровская область — это край с мощной промышленностью и активно развивающейся социальной сферой. Наши города крепнут, расцветают, становятся комфортнее и современнее. Здесь реализуются крупные образовательные, культурные и научные проекты.

И мы должны изучать опыт предыдущих поколений. Ведь они закладывали фундамент всех этих масштабных изменений, происходящих на наших глазах. Нам очень важно сохранять традиции, знать историю своей малой Родины, чтить память тех, кто создавал наше сегодняшнее благополучие, кто свой труд и талант посвятил служению Кузбассу.

В 2021 году мы будем отмечать 300 лет открытия Кузнецкого каменноугольного бассейна. Уже стартовала подготовка к этому большому празднику, идёт обратный отсчёт — тысяча дней до юбилея. У нас серьёзные, амбициозные планы. Нам всем вместе предстоит сделать Кузбасс регионом номер один. И я уверен, те перемены к лучшему, которые уже происходят на Кузнецкой земле, коснутся каждого её жителя.

С уважением,
Губернатор Кемеровской области
С. Е. Цивилев

Путин возложил цветы к монументу «Память шахтерам Кузбасса» на Красной Горке

*Владимир
Владимирович
Путин возлагает
цветы к монументу*

*Монумент
«Память шахтерам
Кузбасса»*

Сергей Евгеньевич Цивилев, Владимир Владимирович Путин, Сергей Иванович Меняйло на Красной Горке

27 августа Президент РФ Владимир Путин возложил цветы к монументу «Память шахтерам Кузбасса». Вместе с главой государства в церемонии приняли участие врио губернатора Кемеровской области Сергей Цивилев и полпред президента в Сибирском федеральном округе Сергей Меняйло.

Поздравляя шахтеров, Владимир Путин подчеркнул, что День шахтера отмечается не только в угледобывающих регионах, но и широко по всей стране. «Ваш нелегкий труд требует от человека особых качеств. Высокая компетентность, выдержка, понимание важности и востребованности своей работы – во все времена отличали представителей горняцкой профессии, помогали им достойно решать поставленные задачи, из поколения в поколение передавать традиции товарищества, взаимовыручки.

Уверен, что ответственный подход к делу, опора на опыт своих предшественников, гордость за принадлежность к шахтерскому братству – и впредь позволят вам добиваться значительных производственных успехов, повышать конкурентоспособность отечественной угольной промышленности, вносить серьезный вклад в укрепление энергетического, индустриального потенциала страны».

СЕЛО УСТЬ-ИСКИТИМСКОЕ (ЩЕГЛОВСКОЕ)

НА ПУТИ К СТАТУСУ ГОРОДА: ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ В ИСТОЧНИКАХ:

1750 год — «Ландкарта Удорской провинции Кузнецкого и Томского уездов» (обозначена как д. Щеглова) ¹.

МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Верхотомское волостное правление — между 1795-1816 гг. (вероятно, с 1804 г.).

Резиденция земского управителя (до 1864 г.), мирового посредника (1864-1878 г.), крестьянского начальника (1878-1917 гг.).

Щегловское волостное земство и волостная управа (сентябрь 1917 — май 1918 гг.).

Щегловский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (9 мая — 4 июня 1918 г.)

Щегловская городская дума и городская управа (август 1918 — декабрь 1919 г.).

Щегловское уездное земское собрание и уездная земская управа (май — декабрь 1919 г.).

В 1919 в Щегловске имеют местопребывание: управление уездной милиции, управление переселенческим подрайоном, инспектор труда, акцизный надзиратель, Нижне-Томское лесничество, местный гарнизон в составе 230 человек, два уполномоченных министерства снабжения и продовольствия.

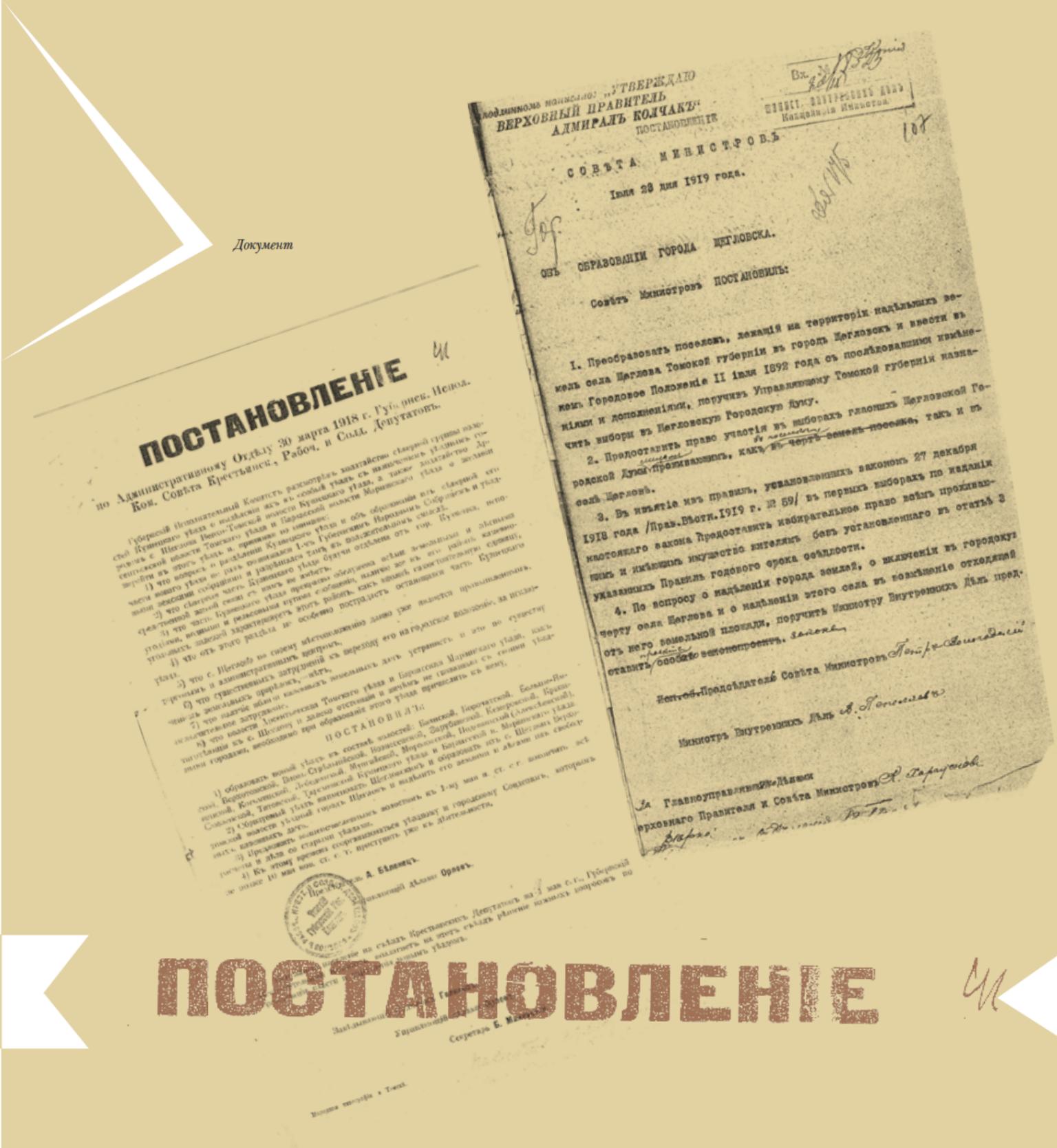
ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (д. ОБ. П.; ДО 1861 Г. — ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН)²

1763 г.	1795 г.	1834 г.	1859 г.	1900 г.	1904 г.	1911 г.	1920 г.
164	241	212	273	448	644	1260	10375*

*В том числе: в г. Щегловске — 5845, Кемеровском руднике 2828, Химическом заводе 1762 чел.

В мае 1919 г. домовладений в Щегловске — 1131, в том числе в старожильческом селе — 431 (из них 180 — старожильческого приписного населения), в городском поселке — 700³.

Документ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

44

ЦЕРКОВЬ

1846 г. построен храм во имя святителя и чудотворца Николая Мирликийского; деревня Усть-Искитимская преобразуется в село.

В 1895 г. освящено новое здание церкви, которое по приговору от 16 декабря 1912 г. было расширено в длину и ширину на 10 аршин⁴.

ТОРГОВАЯ, ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ, КРЕДИТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

С 7 апреля 1894 г. открыт еженедельный базарный день (по субботам), с 1911 г. — по пятницам и субботам.

1897 г. — учреждена ежегодная семидневная Михайловская ярмарка с 8-го по 15-е ноября.

21 сентября 1912 г. разрешено открыть вторую ежегодную семидневную ярмарку в девятую пятницу после св. Пасхи под названием Девятая Пятница.

На 1904 год в селе находились сельский хлебозапасный магазин, три мануфактурных лавки и казенная винная лавка.

На 1911 год в селе находились сельский хлебозапасный магазин, два склада земледельческих орудий, 5 мануфактурных и 2 мелочных лавки, казённая винная лавка, два ренсковых (виноградных вин) погреба, пивной склад, паровая мельница, кожевенный завод, пароходная пристань.

На 1913 год — семь складов с.-х. машин и орудий. «С конца 1912 г. в торговой жизни этого центра наблюдается застой. У некоторых торговцев были «заминки» в платежах, другие за расстройством дела закрыли торговлю. На складах с.-х. машин тоже затишье, так как наученные горьким опытом прошлого года крестьяне откладывают приобретение машин до момента, когда урожай определится более точно».

В 1919 году промышленных предприятий: заводы — крахмально-паточный, 3 кожевенных, 3 мыловаренных, 2 лесопильных, 5 кирпичных, 1 маслобойный, одна паровая мукомольная мельница и одна водяная мельница.

С 1912 г. в селе находилось Управление Щегловского кредитного товарищества. Основной капитал товарищества в сумме 3000 рублей был ссужен из сумм Государственных Сберегательных касс под круговую ответственность товарищей на 13 лет, с условием возврата этой суммы начиная с пятого года по открытии в течение следующих лет.

В 1919 году кредитных учреждений два: отделение Кузнецко-Томского Банка и Государственная сберегательная касса⁵.

Образование

Сельское одноклассное начальное училище Министерства внутренних дел открыто 6 ноября 1873 г. в здании бывшей Усть-Сосновской сельскохозяйственной школы, выкупленного с торгов Верхотомским волостным обществом.

Кузнецкое уездное земское собрание 7 декабря 1917 г. постановило поручить земской управе возбудить ходатайство перед Министерством народного просвещения об открытии в с. Щегловском с 1 июля 1918 г. смешанного высшего начального училища, ассигновав для этого из средств уездного земства 4810 рублей, а также поручило земской управе возбудить ходатайство перед Министерством о принятии всех расходов по названному училищу за счет казны.

26 августа 1918 г. Щегловская городская дума постановила открыть одноклассную школу на 200 детей и высшее начальное училище на 150 учащихся, которое должно было состоять из двух первых и подготовительного классов. Городской управе поручалось подыскать помещение и пригласить учителей.

14 сентября 1918 г. Щегловская городская дума постановила открыть смешанную гимназию (с ходатайством о разрешении перед министром народного просвещения), высшее начальное училище не открывать. Начальницей приглашена Екатерина Дмитриевна Фаге, которой поручалось сделать публикацию в газете об открытии первых трех классов гимназии с началом занятий не позже 20 октября.

На июль 1919 года в Щегловске учащихся всего 600, преподавательского персонала, содержимого на средства города 14 человек (на средства земства 8, местного населения — 4).

Министерство народного просвещения сообщило, что оно откроет на средства казны 4-х классную смешанную гимназию, при условии, если земство обеспечит вновь открываемое учебное заведение помещением, необходимой классной мебелью и примет на себя хозяйственные расходы сверх ассигнований из Государственного Казначейства. Принимая во внимание, что на весь уезд не имеется ни одной школы 3 ступени и нужда в таком учебном заведении самая острая, Щегловская уездная земская управа 16 сентября 1919 г. постановила принять предложение министерства.

18 августа 1919 г. Щегловская городская дума приняла решение открыть при городской гимназии с началом нового учебного года 5-й класс, при этом помещение под вновь открываемый класс должна была предоставить уездная земская управа, а оборудование мебелью и хозяйственные расходы принять городская управа.

5 октября 1919 г. Щегловская городская Дума рассматривала вопрос о переименовании младших классов гимназии в высшее начальное училище, согласно предложению (от 20 сентября с. г.) Министерства народного просвещения. Дума согласилась на преобразование четырех младших классов в высшее начальное училище, оставив при городской гимназии 5-й класс.

31 октября 1919 г. Щегловская уездная земская управа принимает постановления об оборудовании и выделении средств городскому высшему начальному училищу (заведующий — В. А. Кунаев) и казенной смешанной гимназии⁶.

ВРАЧЕБНОЕ ДЕЛО

Протоколом врачебного отделения Томского губернского управления от 28 апреля 1913 г. № 77 лекарь Геннадий Бухвостов допускался, согласно прошению, к исполнению обязанностей Усть-Искитимского участкового сельского врача, Кузнецкого уезда, с производством присвоенного этой должности содержания.

Больница открыта в 1913 году.

В 1919 году — земская больница с двумя врачами, одна аптека (частная), два аптекарских магазина⁷.

ПОЧТА

Сбор денег на открытие почтового отделения Томского почтово-телеграфного округа проводил в 1910 г. волостной старшина Ефремов, произошла растрата собранных средств, но дознание по этому делу было приостановлено.

1 марта 1912 г. открыто почтовое отделение, которое производило обмен почт с почтовым отделением Поломошное.

Начальниками Щегловского почтового отделения назначались:

с 1 марта 1912 г. — почтово-телеграфный чиновник 6 разряда Таежной п. т. конторы коллежский регистратор Плуталов;

с 1 августа 1912 г. — почтово-телеграфный чиновник 6 разряда Чулымского п. т. отделения неимеющий чина Мороз;

с 1 сентября 1912 г. — почтальон Ачинской почтово-телеграфной конторы Афанасий Егоров;

(после 16 ноября 1913 г.) — Порфирий Сычук;

16 января 1915 г. — почтово-телеграфный чиновник 6 разряда Ново-Николаевской почтово-телеграфной конторы Иван Олешкевич.

В штат Щегловской почтовой конторы определены: Иван Тестов (с 1 февраля 1916 г.), Ольга Пименова (с 1 мая 1916 г.).

При почтовом отделении открыта почтово-телеграфная сберегательная касса.

В начале 1917 г. почтовое отделение реорганизовано в почтово-телеграфное, которое размещалось недалеко от базарной площади. Тем не менее, задержки корреспонденции на неделю — две продолжали оставаться нормой⁸.

(Endnotes)

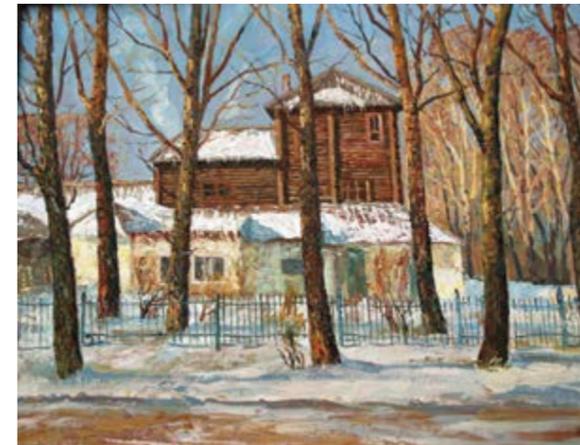
- 1 Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. д-50, оп. 12, д. 231а.
- 2 ГААК, ф. д-1, оп. 2, д. 151, л. 276об.; ф. д-2, оп. 1, д. 8285; ф. д-169, оп. 1, д. 229; Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 3, оп. 44, д. 1630; Список населённых мест по сведениям 1859 г. Томская губерния. СПб., 1868. С. 107; Памятная книжка Томской губернии на 1904 г. Томск, 1904. С. 488-489; Список населённых мест Томской губернии на 1911 г. Томск, 1911. С. 520-521; Список населённых мест Томской губернии. Томск, 1923. С. 39-40.
- 3 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. р-141, оп. 8, д. 151, л. 90.
- 4 ГАТО, ф. 170, оп. 1, д. 978, л. 23; Адаменко А.М. Из истории прихода с. Усть-Искитимского // Архивы Кузбасса. 2006. № 1 (9). С. 84.
- 5 ГАРФ, ф. р-141, оп. 8, д. 151, л. 90; Томские губернские ведомости (ТГВ). 1894. № 17 (5 мая); 1897. № 3 (16 янв.); 1912. № 42 (13 июля), № 74 (7 окт.). Часть офиц.; Сибирская жизнь. 1913. 28 июля; Памятная книжка Томской губернии на 1904 г. Томск, 1904. С. 489;

Список населённых мест Томской губернии на 1911 г. Томск, 1911. С. 521; Ягунов Ф. Девятая пятница // Красная горка. 2008. Вып. 9. С. 142-145.

6 Государственный архив Кемеровской области, ф. р-124, оп. 1, д. 1, л. 54; ф. р-629, оп. 1, д. 6, л. 95-95об., 144-144об., 146-146об.; ГАТО, ф. р-1362, оп. 1, д. 162, л. 4об., 7об.-8; д. 461, л. 70-70об., 78-79; ГАРФ, ф. р-141, оп. 8, д. 151, л. 90; Народная газета (г. Томск). 1918. № 71 (17 окт.); Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1897 год. Томск, 1897. С. 202; Гизей Ю.Ю. Усть-Искитимская школа // Балибаловские чтения. Мат. пятой науч.-практ. конф. Кемерово, 2008. С. 21.

7 ГАРФ, ф. р-141, оп. 8, д. 151, л. 90; ТГВ. 1913. № 31 (1 мая). Часть офиц.; Подробно см.: Усков И.Ю. Развитие здравоохранения в Верхотомской волости и городе Щегловске в конце XIX – первой четверти XX вв. // Научный диалог. 2017. № 5. С. 303–318.

8 ТГВ. 1912. № 19 (11 марта); № 51 (15 июля), № 60 (12 авг.); № 73 (3 окт.); 1914. № 13 (12 фев.); 1915. № 5 (18 янв.); 1916. № 21 (16 марта); № 40 (12 июня). Часть офиц.; Сибирская жизнь. 1911. 13 февраля, 1917. 16 февраля.

Чернов А. С.

16 школа, 2002 г. х/м

Чернов А. С.

Музей Красная Горка, 2002 г. х/м

Чернов А. С.

Март, 2002 г. х/м

ДОКУМЕНТЫ ЩЕГЛОВСКОЙ УЕЗДНОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Письмо Щегловской уездной земской управы в Томскую губернскую земскую управу (20 ноября 1919 года)

Период правления Александра II известен как эпоха глубоких преобразований — крестьянской, земской, военной и других реформ. 1 января 1864 года в рамках проведения земской реформы было утверждено «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», в соответствии с которым создавались губернские и уездные земские собрания и управы.

На Сибирь действие положения не распространялось до самого 1917 года. В Кузбассе, как и по всей Сибири, земские учреждения начали создаваться на основании постановления Временного правительства от 17 июня 1917 года «О распространении земских учреждений на сибирские губернии», а уже в конце 1919 года в связи с приходом Красной Армии прекратили свое существование.

Один из фондов, хранящихся в Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО) — фонд Щегловской уездной земской управы. Объем фонда — 7 дел. Ранее фонд находился на хранении в Государственном архиве Томской области, но в 1987 году был передан в ГАКО. Кроме документов данной управы, в фонде отложились и некоторые другие документы — списки волостей, селений, земельных, земельно-лесных и лесных дач Мариинского, Но-

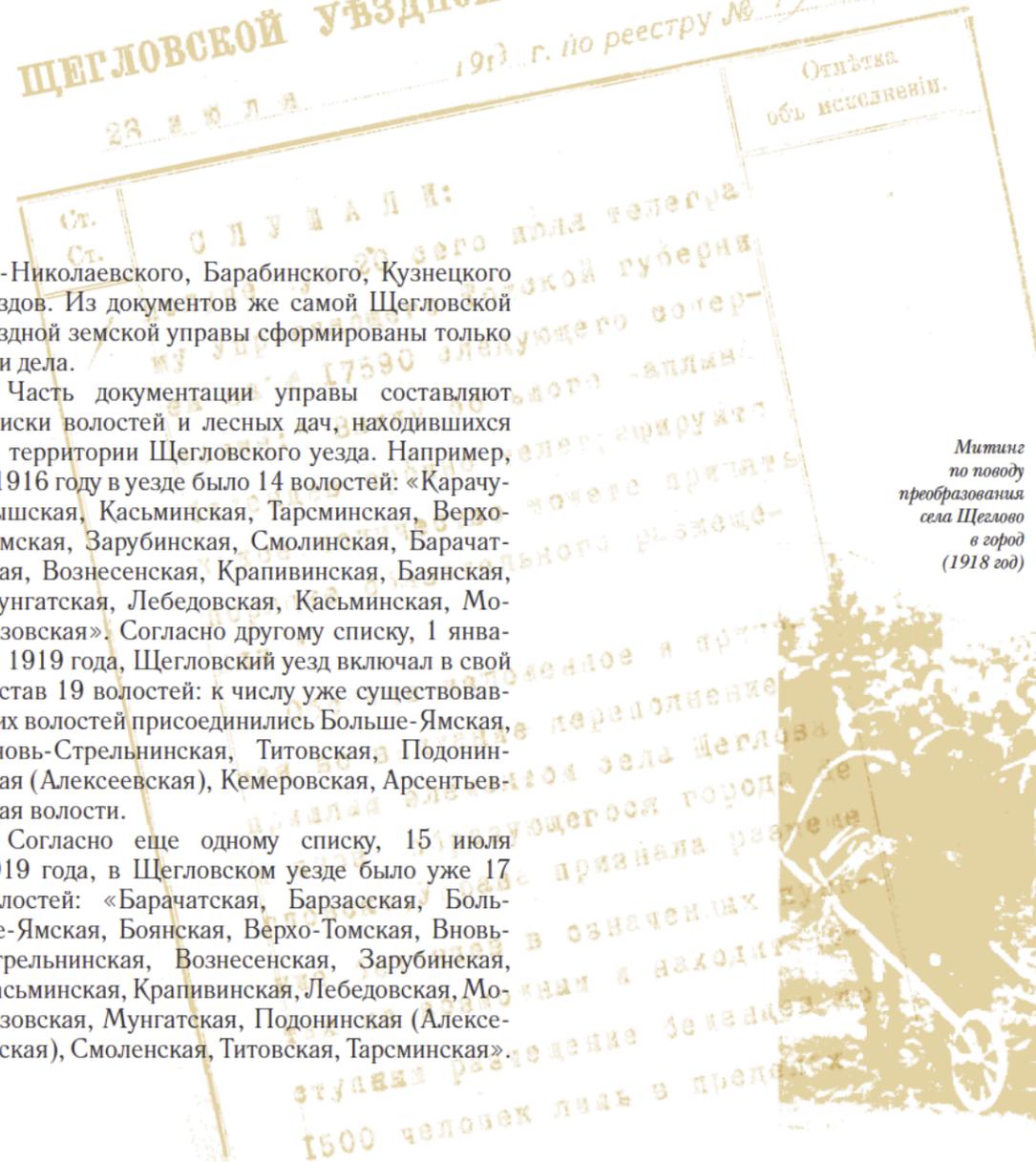
во-Николаевского, Барабинского, Кузнецкого уездов. Из документов же самой Щегловской уездной земской управы сформированы только три дела.

Часть документации управы составляют списки волостей и лесных дач, находившихся на территории Щегловского уезда. Например, в 1916 году в уезде было 14 волостей: «Карачумьшская, Касьминская, Тарминская, Верхо-Томская, Зарубинская, Смоленская, Барачатская, Вознесенская, Крапивинская, Баянская, Мунгатская, Лебедовская, Касьминская, Морозовская». Согласно другому списку, 1 января 1919 года, Щегловский уезд включал в свой состав 19 волостей: к числу уже существовавших волостей присоединились Больше-Ямская, Вновь-Стрельнинская, Титовская, Подонинская (Алексеевская), Кемеровская, Арсентьевская волости.

Согласно еще одному списку, 15 июля 1919 года, в Щегловском уезде было уже 17 волостей: «Барачатская, Барзасская, Больше-Ямская, Боянская, Верхо-Томская, Вновь-Стрельнинская, Вознесенская, Зарубинская, Касьминская, Крапивинская, Лебедовская, Морозовская, Мунгатская, Подонинская (Алексеевская), Смоленская, Титовская, Тарминская».

ЖУРНАЛЪ ЩЕГЛОВСКОЙ УЕЗДНОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ.

23 июля 1919 г. по реестру № 197

Митинг по поводу преобразования села Щеглово в город (1918 год)

В этом же списке мы встречаем сведения о времени образования той или иной волости, о том, из каких волостей она была образована, о количестве селений, перешедших в нее из других волостей. Помимо этого в списке содержатся сведения о времени образования волости уездным земским собранием, указывается местонахождение волостной земской управы. Например, отмечается, что Барачатская волость образовалась в 1913 году из трех волостей: Мунгатской, Касьминской и Верхо-Томской. Вместе с территориями этих трех волостей в состав Барачатской волости вошло 10 селений: четыре — из состава Мунгатской волости, два — Касьминской и четыре — Верхотомской. По материалам уездной земской управы, на 1 октября 1919 года в Щегловском уезде числилось 19 волостей: в уезде появились Арсеньевская и Кемеровская волости. В соответствующем списке присутствуют такие сведения, как численность населения в волости, число хозяйств, число жителей, местонахождение волостной управы. Документ позволяет выяснить, что, например, в Верхо-Томской волости количество населённых пунктов составляло 28, число хозяйств — 2885, число жителей — 18165, волостная управа находилась в Щеглово. В Касьминской волости было 27 населённых пунктов, 3714 хозяйств,

10622 жителей, волостная управа находилась в селе Брюханово.

Среди списков мы можем найти информацию о каждой волости, сведения о селениях, о расстоянии до волостной земской управы, количестве дворов, площади удобной земли, сведения об официальных и неофициальных названиях селений.

На основе документов Щегловской уездной земской управы можно проследить различные направления деятельности данного учреждения. В документах управы имеется информация о народном образовании, врачебно-санитарном деле, ветеринарном деле, сведения по отделу бухгалтерии и по секретарскому отделу. В журнале по отделу бухгалтерии Щегловской уездной земской управы за 25 июля 1919 года читаем следующую информацию: «ходатайство правления Щегловского учительского общества о том, чтобы % отчисления с основного учительского оклада / 350 р. / в кассу взаимопомощи учащихся Щегловского уезда производились чрез Бухгалтерский отдел Щегловской уездной земской управы». Управа постановила «поручить отделу бухгалтерии производить указанные выше % отчисления в кассу взаимопомощи учащихся Щегловского уездного общества».

Общий вид села Щеглово
(1913 год)

14 августа 1919 года на рассмотрение управы было подано личное заявление Д. С. Колесникова о необходимости приглашения служащих для внеочередных работ на пишущей машине по отделу народного образования. Управа постановила в экстренных случаях приглашать на работу служащих «с платой из расчетов по 4 рубля за час работы или отдельно по 3 руб. за печатный лист, а с копировкой по 10 рублей».

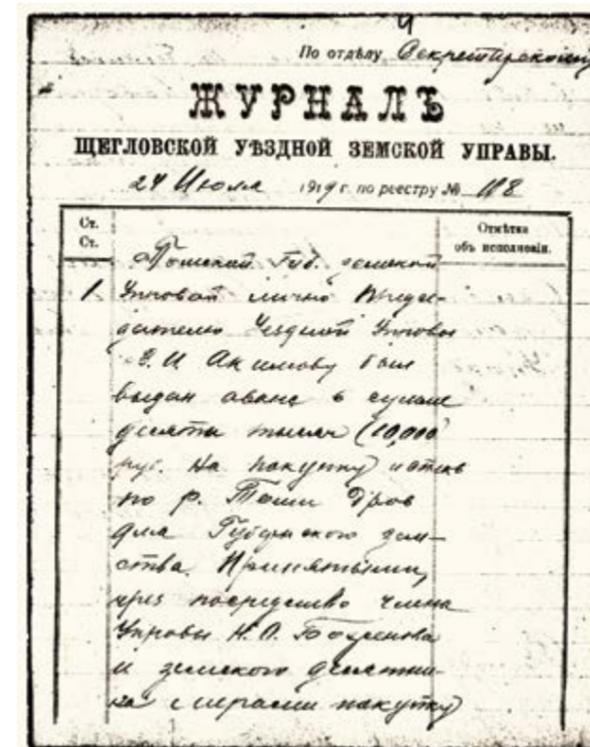
О рассмотрении управой вопросов, связанных с ветеринарией, свидетельствует запись в журнале от 23 августа 1919 года. В документе отмечается, что в Щегловском уезде за последнее время усилилась эпидемия воспаления легких у рогатого скота и что, несмотря на все принятые меры, устранить эпидемию врачам не удалось. Это объяснялось тем, что «оклад жалования ветеринарным врачам определен 800 руб. в месяц, медицинским же 1000 р.». На тот момент времени ветеринарный врач находился в Усть-Сосновском, «район которого можно считать благополучным». Управа приняла решение повысить жалование ветеринарных врачей, уравнив их таким образом с медицинскими.

25 августа 1919 года управа слушала заявление учительницы И. А. Герасимчук. Учительница просила выдать ей открытый лист для перевозки семьи и багажа до места службы. Управа обсудила данную просьбу и постановила выдать учительнице открытое предписание до места назначения «...из расчета по 50 к. с версты и лошади...». Отмечалось, что выделенные деньги будут распределены между ямщиками по представленным талонам.

В журнале заседаний мы можем встретить сведения о мобилизации служащих управы в армию. Мобилизация городского населения распространялась на всю Сибирь. В журнале отдела секретариата 26 августа 1919 года была сделана соответствующая запись. Призыву подлежали почти все без исключения служащие управы: «инструктор Филипп Евменьевич Бульбаш, делопроизводитель дорожно-строительного отдела Михаил Яковлевич Бояршинов, помощник бухгалтера Михаил Георгиевич Сулин и десятник дорожно-строительного отдела Иосиф Алексеевич Новиков». Отмечалось, что «... призыв означенных лиц неблагоприятно отразится на работе Земства - по инструктированию только что организованных Земств...». В связи с мобилизацией служащих управы нужна была замена работников, но сделать это было затруднительно. В итоге управа постановила освободить вышеперечисленных лиц от мобилизации, так как они находятся «на земской службе».

В журнале имеются сведения о работе дорожного отдела управы. Так, в уездную управу обратился ягуновский староста и сообщил о неисправности моста в деревне Ягуновой по земскому тракту к деревне Пинигино. Вскоре Топкинская управа также сообщила о неисправности моста через реку Камышанка на Щегловском земском тракте и о необходимости немедленного его ремонта. Уездная управа рассмотрела вопрос о ремонте обоих мостов после принятия заявления Н. И. Баженова, который провел их осмотр. После исследования двух мостов было зафиксировано, что в неотложном

ЖУРНАЛЪ

Журнал заседаний
Щегловской уездной
земской управы
(1919 год)

ремонте нуждаются и первый, и второй мосты. Однако было принято решение о ремонте только одного из двух мостов. Управа постановила: «Предложить Ягуновской сельской управе произвести ремонт указанных мест хозяйственным способом за счет уездного сбора, взамен на израсходованную сумму представить в Управу оправдательные документы... Относительно же ремонта моста через речку Камышанку по Щегловскому тракту вопрос пока оставить открытым».

16 сентября 1919 года в журнале управы была сделана запись, связанная с работой отдела народного образования. Министерство народного просвещения колчаковского правительства сообщило о возможности открытия на средства казны четырехклассной смешанной гимназии в составе старших классов при условии, что земство обеспечит гимназию помещением, необходимой мебелью и примет на себя хозяйственные расходы сверх ассигнований, полученных из Государственного казначейства. Принимая во внимание тот факт, что на весь Щегловский уезд нет ни одной школы 3-й ступени, а такое заведение необходимо для уезда, и в будущем такой возможности может и не представиться, управа постановила принять предложение министерства об открытии гимназии.

31 октября 1919 года в управу поступило заявление от члена управы Д. С. Колесникова о том, что для школ уезда нет чернильного порошка, а также после рассылки карандашей по школам «из расчета 50 карандашей на комплект в отделе [их] совершенно не осталось и пришлось в некоторые школы высылать только по 12 карандашей». Управа постановила «приобрести для школ уезда 500 пакетиков чернильного порошка и 10 гросс карандашей». 31 октября управа слушала заявление Д. С. Колесникова о том, что «заведывающий Борисовским начальным училищем просит на ремонт школы и хозяйственное содержание ее 2600 руб.». Обсуждая данный вопрос и беря во внимание тот факт, что свободных средств в земской кассе нет и что от Мунгатской волости земского сбора совершенно не поступало, управа постановила предложить Мунгатской волости и Борисовской сельской управе самостоятельно изыскать средства на ремонт и хозяйственные нужды училища.

Документация Щегловской уездной земской управы, пусть и небольшая по объему, представляет немалый интерес для исследователей различных аспектов местной истории периода революции и гражданской войны: самоуправления, просвещения, быта, изменений административно-территориального деления.

ЩЕГЛОВСКОГО ГОРСОВЕТА

ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ БЫВШЕГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Карикатура в газете
Кузбасс за 10 апреля
1929 года

Весна в Щегловске

Вниманию читателей предлагаются отрывки из воспоминаний Степана Андреевича Озерова, находящихся на хранении в Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО).

С. А. Озеров родился в 1888 году в крестьянской семье. С 1925 года был занят на партийной работе. В 1927 году переехал в Щегловск и был назначен на должность инструктора Кузнецкого окружкома ВКП (б). В 1928 году занимал пост секретаря Кемеровского горкома ВКП (б), с февраля 1929 года по январь 1930 года – председателя Щегловского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Впоследствии жил и работал в Ленинграде.

В 1959 году С. А. Озеров специально для партийного архива Кемеровского обкома КПСС подготовил воспоминания, которые в основном касаются жизни Щегловска 1927-1929 годов. Поступившие в партабхив воспоминания представляли собой рукописный текст, не всегда разборчивый, из-за чего в архиве для упрощения работы с данным источником была создана его машинописная

ИЗ ЖИЗНИ МОЛОДОГО ГОРОДА

Предисловие
и примечания
подготовил
Михаил Орлов

копия. Тем не менее, при подготовке машинописного варианта сотрудникам архива удалось прочесть не все слова рукописного текста, и потому машинописная копия воспоминаний содержит некоторые неточности и лакуны. Из обоих вариантов воспоминаний, а также копии удостоверения члена Кузнецкого окружкома ВКП (б) на имя С. А. Озерова в партабхиве сформировали дело, включив его в состав коллекции воспоминаний. В 1991 году дело вместе с другими материалами фондов партийного архива было передано в Государственный архив Кемеровской области, где в настоящее время и хранится.

При подготовке воспоминаний С. А. Озерова к публикации в них внесены некоторые изменения: изъяты те фрагменты текста, которые, на наш взгляд, представляют меньший интерес, документ разбит на части, каждой из этих частей дано название. В текст добавлены отдельные слова, облегчающие его понимание, исправлены грамматические ошибки. Воспоминания сопровождаются комментариями.

Об облике города

Чтобы попасть в Щегловск, надо было пройти ряд испытаний. Прямого поезда из Новосибирска не было. Делали две пересадки и ехали почти сутки.

Первая пересадка в Юрге, ночью. Станция освещалась двумя фонарями. Посадка на ветке Юрга-Кузнецк не освещалась вовсе. [...] Нигде, наверно, не было столько краж и ограблений пассажиров, сколько в Юрге.

На второй день утром вы прибываете на станцию Топки. Станция большая, хорошая, но не благоустроена. В Топках опять пересадка, но эта пересадка днем и более спокойная. Затем и Щегловск.

Подъезжая к Щегловску в 1927 году, вы города не заметите нигде. Вначале видите красивый пейзаж правого берега реки. Высокий, исключительно сосновый лес густой стеной тянулся по всей высокой горе – это, вам говорят, Кемерово. Внизу крутой горы, покрытой лесом, виднелся плес реки Томь. [...]

Подъезжая к Щегловску, вы издали видите канатную, воздушную, как тогда [ее] называли, дорогу, по которой с Кемерово вам навстречу непрерывно шли черные точки – вагонетки с углем [...]. Тупик. Приехали.

Пригорода не было. Первое строение – вокзал, [...] напротив – коксовые батареи. Из-за клубов пара, подымающегося вверх, показываются очертания ряда зданий и трубы. Это химический завод. [...] Идя от вокзала на юг по направлению к городу, вы видите: налево от завода вдоль реки к югу тянется рабочий поселок, состоящий из одноэтажных двухквартирных домов, исключительно деревянных, рубленых давно и необшитых, грязных, даже черных, тянувшихся в три ряда. [...]

Посреди поселка стояло [...] низкое, длинное одноэтажное здание, похожее на кирпичный сарай, с высокой мачтой. Это клуб рабочих хим-

завода. Налево от него – приспособленное под учреждение здание жилого дома – райком ВКП (б). Дальше к югу дорога выводит вас к реке, к перевозу на кемеровский берег. Чтобы попасть в Кемерово, надо было постоять на берегу у парома минут 30-50, потому что паром один, и то иногда на том берегу. Пока погрузят 6 лошадей с телегами, скот, потом людей, [паром] переедет, [...] выгрузит, опять погрузит сначала лошадей и скот, а потом уже всех ожидающих. [...] Канат тянули руками, желающих помочь перевозчику было из числа пассажиров много.

Если вы с вокзала не пошли через рабочий поселок, а пошли прямо по пыльной проселочной дороге, идущей с севера на город, вы видите направо от вокзала несколько рядов новых, только что срубленных деревянных двухэтажных четырехквартирных домов, внешне красивых, построенных на высоком сухом месте. Это новый строящийся поселок для рабочих химзавода. Идя по поселку и любясь чистой сосновых стен двухэтажных новых домов и вдыхая запах смолы и стружки, вы с недоумением прислушиваетесь к какому-то глухому хрусту под ногами. И если вы бросите взгляд на доски, по которым идете, [настланные] вместо тротуаров, вы увидите ползущих во все стороны золотистых и темных букашек. Это обитатели и хозяева новых домов, тараканы и клопы. В квартирах, на улицах, в коридорах их были миллиарды. Большинство рабочих спало на улице, приспособив кровати с временной крышей [...]. И характерно, что имея химзавод и ряд специалистов по борьбе с этими паразитами. Все считали, что нет средств. Летом 1928 года эти дома заштукатурили изнутри и извне, а оставшиеся [...] на улице [насекомые] были [впоследствии] уничтожены морозами.

Посредине между старым и новым рабочими поселками шла небольшая, холмистая на вид возвышенность, тянувшаяся от железной

Лист 3

А К Т

1928 года января 25 дня. Мы, нижеподписавшиеся: Начальник КУЗНЕЦКОГО Округа ОГПУ - *Ковалев*, Прокурор Кузнецкого округа ЛЕПЕНДИН и тов. Председателя Кузнецкого Округа Суда - АЛЕКСЕЕВ ссоставили настоящий акт в том, что сего числа в 8 часов вечера привели в исполнение приговор Кузнецкого Округа Суда от 12. Января 1927 г. утвержденного Верховным Судом и ВЦИК'ом в отношении КУЗЕВАНОВА Александра Александровича род. в 1880 г. происходящего из кр-н о. Банново Мунгатской волости Щегловского уезда Томской губ., каковой РАССТРЕЛЯН и зарыт на соответствующую глубину. О чем и постановили записать в настоящем акте.

Зам. Начальник Округа ОГПУ Баранов
 Прокурор Кузнецкого округа ЛЕПЕНДИН
 Тов. Председателя Округа Суда АЛЕКСЕЕВ

Акт о расстреле А. А. Кузеванова (25 января 1928 года)

Форма № 6. Учраспред ЦК ВКП(б). Пролетарии всех стран, соединитесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (Большевинов).

К ЛИЧНОМУ ЛИСТУ № 345

Озеров Степан Андреевич
 Фамилия Имя Отчество

№ сч. парт. билета 77221, выданного Ленинградским Р. организацией ВКП

1. Выполняемая работа (после заполнения личного листа).

Гем-командировка на работу.	Место и дата поступления на работу.	Название учреждения.	Отдел, а/отдел, часть, завод, предприятие и т. п.	Должность (пол. работн.)	Время оставлена работы	Кем снят с работы и по какой причине.
Судком	20/1-25	Ленинградский район	Кремль	Секретарь	12/1-25	Выбором по совещательному совету 1926 года
Р.К.	17/1-25	Новосилов	Р.К.	Швейцарка	11/1-26	Исфор
Завр.	10/1-25	Новосилов	Р.К. ВКП(б)	Секретарь	28/1-28	
ВК	28/1-29	С. Козыбево	Р.К. ВКП(б)	Швейцарка	1927	
Ок	19/1-28	Щемеровск	Кухн. ок. ВКП(б)	Швейцарка		
	17/1-28	Вар. Р.К. ВКП(б)	Ромаш. Секретарь			
ВК	12/1-28	Щемеровск	Организац. Завед.			
ВКП(б)		Вар. Р.К. ВКП(б)	Кухня			
ВК	18/1-27	Щемеровск	ВКП(б)	Секретарь	28/1-28	
ВКП(б)	20/1-28	Щемеровск	Вар. Р.К. ВКП(б)	2		по предложению
		Щемеровск		Заведующий		
Ок	22/1-28	Вар. Кушча	Р.К.			

Документ из личного дела С. А. Озерова (1920-е годы)

Работники
Кузнецкого
окружкома
ВКП(б)
(1930 год)

дороги к городу. Это нахаловка [...]. Землянки рабочих, с одним окном, с трубой, выходящей наружу, [были построены на] косогоре без разрешения горсовета и без [его] ведома, без номеров, но почтовые работники корреспонденцию доставляли аккуратно. Завод этих рабочих на работу принимал, с пропиской как-то устраивались. Задача горсовета заключалась в первую очередь [в том, чтобы] построить общественные уборные, помойки. Некоторые предприимчивые жители нахаловки имели радиоточки, подключались к проводам электроэнергии.

Таких нахаловок было на стороне Щегловска две. В них проживало прописанных и не прописанных, постоянно живущих и временных более двух тысяч человек (по отчету милиции). Вторая нахаловка была в конце города, к югу. Нахаловка была и на кемеровской стороне [...].

В центре Щегловска стояла небольшая водоканалка, выложенная из красного кирпича. Несколько, 5-7, двухэтажных деревянных домов, в одном из которых помещались окружные организации, в другом горсовет, в третьем школа, в четвертом банк и так далее. [...] В центре города была гостиница с номерами, столовая. Несколько чайных, четыре пивных. Библиотека и строящийся Дворец труда.

О некоторых громких событиях

Никакого транспорта или трамвая не было. Особенно опасно было ходить в период разлива реки и в темные ночи. В 1928 году был случай, когда в нижнем поселке химзавода днем бандит унес 5-летнюю девочку А [...] и в штабелях леса, бревен, в 100 метрах от поселка изнасиловал и зарезал. Правда, [вину] его доказали, арестовали, судили. Женщины поселка митинговали в течение судоразбирательства, требовали расстрела. Суд их просьбу удовлетворил. Бандит был расстрелян. [...]

[В] мою бытность в Щегловске приезжала большая делегация, человек 13-15, участников [VI] Всемирного конгресса Коминтерна, в числе которых были делегаты Франции, Испании, Индии, Китая (трое), Японии, Сиам, Филиппин, Цейлона, Чили [...]. Митинг открывал я. Слово предоставлял я, переводчиков было три (две женщины и один мужчина). Многие из делегатов не сказали своей фамилии, сказали только, из какой [они] страны, мотивируя [это] тем, что [...] прибыли нелегально. Митинг проходил на улице между вокзалом и воротами в химзавод, служащими для подачи и вывода вагонов со двора завода. Каждый выступавший

делегат Коминтерна сфотографирован. Фотографии забрали редактор газеты «Кузбасс» Соснин и его заместитель Бабаянц. [...]

Луначарский приезжал при мне. Посетил окружной комитет [ВКП (б)], [окружной исполком], отдел народного образования, химзавод. Вечером в Доме культуры, только что достроенном, [...] сыром, парном от теплой штукатурки, Луначарский делал доклад о международном положении Советского Союза. Народу было — сколько зал вмещал. [...] Больше всех дрожал инженер строительства этого Дворца труда. Он ко мне подходил несколько раз: «Что мне прикажете делать?! Что вы сделали?! Балконы рассчитаны все на триста человек, и вы пустили тысячу! Я не отвечаю!». На второй день он торжественно, с улыбкой на лице объяснялся у секретаря окружкома ВКП (б) Новикова: «Думал, что я погиб! Ведь такую нагрузку выдержало сырое здание!». [...]

Вскоре этот Дворец труда [заняли] профсоюзы, возглавляемые тогда Борисовым, Савиным, Кожевниковым. [...] Надлежащей охраны не было. [Через некоторое время Дворец труда] сгорел [...]. Наутро начальник НКВД Наваг докладывал нам в кабинете Новикова, секретаря окружкома ВКП (б), что [это был] поджог, несомненно, [что] виновник пока не установлен, что за эту ночь после пожара по его распоряжению арестовано 150 человек. Это вызвало взрыв смеха. «Чтобы меня не обвиняли в мягкотелости», — оправдывался Наваг. Но виновника тогда найдено не было.

При мне был пожар на новых коксовых батареях химзавода. Загорелись [...] около двенадцати ночи. Народу на тушение сбежалось очень много. Затушить не могли, но огонь от перехода в цехи химзавода задержали. Коксовую батарею, не бывшую еще в эксплуатации, пришлось перекладывать. Перепуганный пожаром главный инженер завода Вейхель на второй вечер умер от разрыва сердца. Рабочие химзавода, зная [о] его невинности в пожаре и отдавая ему уважение, похоронили Вейхеля на площадке клуба химзавода, обнесли могилу оградой и озеленили. Виновник пожара не установлен.

Дело Кузеванова разбиралось при мне. Кузеванов после гражданской войны скрылся, работал в Семипалатинской области в одном из сельсоветов секретарем. Был случайно опознан, арестован и доставлен по месту преступления. Суд длился несколько дней, масса выступала свидетелей. Люди, потерявшие из-за него

родных, приезжали всей семьей и жили, пока не кончился процесс.

Суд приговорил Кузеванова к расстрелу. Защитники Кузеванова приговор опротестовали и одновременно подали ходатайство на имя М.И. Калинина о помиловании. Ходатайство о помиловании и протест мотивировались защитой тем, что процесс проведен с нарушением закона о суде, выразившемся в том, что общественный обвинитель Чудинов, выделенный окружкомом ВКП (б), выступил с речью раньше защиты и прокурора. [...] Видя допущенную Чудиновым ошибку, бюро [окружкома ВКП (б)] направило в Москву своего представителя. В Москве в это время находилась кузнецкая делегация во главе с Новиковым, посланная на XV съезд партии. Делегация поймала М.И. Калинина в фойе. Рассказали ему суть дела, [...] просили ходатайство защиты Кузеванова о помиловании отклонить. [...] И Кузеванов был [...] расстрелян.

В 1927 году в Щегловске выездная сессия краевого суда в течение девяти дней разбирала дело директора треста «Кузбассуголь» Коробкина и шести его инженеров, обвинявшихся в организации довольно частых банкетов, вечеров, пооек за счет треста, в сожительстве Коробкина с женами инженеров и так далее. [...] Суд [...] приговорил Коробкина к семи годам, инженера Рубанчика к пяти годам и так далее. С того времени я Коробкина и этих инженеров не видал и даже не слышал, где они.

О судьбах некоторых партийных и хозяйственных работников

В 1931-1934 годах в Ленинграде [я] часто встречал Вершинина — директора треста «Кузбассуголь», с 1935 года его не видал. Новикова — секретаря окружкома ВКП (б) — потерял в 1935 году. [Он] был переведен из Ленинграда в Москву [...]. Генгер — заведующий орготделом окружкома ВКП (б) — репрессирован [...]. Ворченко — заведующий отделом пропаганды и агитации окружкома ВКП (б) — до войны, то есть до 1941 года, работал в Ленинграде, в словарно-справочном отделе КОГИЗа. После войны [я его] не встречал. [...]

В управлении пропаганды и агитации ЦК КПСС работает Мочалов Владимир, который в 1927-1928 годах жил в рабочем поселке химзавода, а работал членом пропгруппы ЦК ВКП (б) по Кузнецкому округу. Он знает Щегловск, всех ответственных работников и в курсе всех дел Щегловска того времени.

● Более подробные сведения о биографии С. А. Озерова содержатся в его личном деле, хранящемся в Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО. Ф. П-15. Оп. 1. Д. 332). В архиве хранится также протокол заседания Щегловского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, подтверждающий избрание С. А. Озерова председателем Совета (ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 151. Л. 1).

ГАКО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 72.

Под «стороной Щегловска» подразумевается левый берег Томи, под «кемеровля стороной» — правый берег.

Фамилия по этическим соображениям опущена.

VI конгресс Коминтерна проходил в Москве с 17 июля по 1 сентября 1928 года.

● Арсен Арсенович Бабаянц родился в 1902 году в Эриванской губернии. В 1920-е годы был занят на комсомольской работе, нес военную службу, получал высшее образование. В 1928—1929 годах заведовал партийным отделом газеты «Кузбасс». Впоследствии являлся редактором газет «Ленинский шахтер», «Советская Сибирь», «Кузбасс», заведовал областным книжно-журнальным издательством «Кузбасс» и типографией Кузбасского политехнического института, работал в Кемеровском обкоме КПСС. В Государственном архиве Кемеровской области хранятся личное и персональное дела А. А. Бабаянца (ГАКО. Ф. П-16. Оп. 3. Д. 84; Ф. П-75. Оп. 15. Д. 90). Жизнь и деятельность А. А. Бабаянца получили освещение в справочной литературе (см.: Депутатский корпус Кузбасса. 1943—2003: Биографический справочник / Автор-составитель А. Б. Коновалов. Кемерово, 2002. Т. 1. С. 92—93).

● Народный комиссар просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский посетил Щегловск в 1928 году. Речь идет о здании, более известном как Дворец труда.

● Захар Яковлевич Новиков — первый секретарь Кузнецкого окружкома ВКП(б).

Пожар во Дворце труда произошел в 1929 году (по всей видимости, в сентябре:

размещение в газете «Кузбасс» объявлений о фильмах, демонстрировавшихся во Дворце труда, было прервано с 10 сентября 1929 года).

Пожар произошел во второй половине октября 1928 года.

● Валентин Александрович Вейхель — главный инженер коксохимического завода. Родился в сентябре — октябре 1894 года в Омске. В 1915 году окончил горное отделение Первого Сибирского среднего политехнического училища в Томске, в 1922 году — Сибирский Томский технологический институт. С 1922 года работал в тресте «Сибуголь». С января 1924 года трудился на коксохимзаводе в качестве дежурного ассистента, помощника технорука, временно исполнял обязанности главного инженера и управляющего. С марта 1927 года был назначен на должность главного инженера завода. В Государственном архиве Кемеровской области хранятся характеристика В. А. Вейхеля (ГАКО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 632а. Л. 14) и его личное дело (ГАКО. Ф. Р-100. Оп. 2. Д. 204). В. А. Вейхель скончался в ночь на 27 октября 1928 года. В некоторых газетных статьях при отсутствии ссылок на какие-либо источники в качестве причины смерти В. А. Вейхеля указывается самоубийство (см.: Кушникова М., Тогулев В. Рулевой «Большой химии»: К 110-летию Василия Отдельнова // Наша газета. 2002. 1 марта; Они же. Щекотливая миссия председателя Коробкина: Из истории политических и уголовных процессов в Кузбассе // Наша газета. 2001. 5 октября).

В 1959 году в связи с предполагавшейся застройкой той территории, где был похоронен В. А. Вейхель, руководство коксохимзавода поставило перед Кемеровским горисполкомом вопрос о необходимости переноса могилы на городское кладбище, и 30 сентября 1959 года было принято соответствующее решение горисполкома (документы по данному вопросу см.: ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 6. Д. 65а. Л. 259—268).

● Александр Александрович Кузеванов — выходец из крестьян, родился в 1880

году. При Колчаке занимал должность начальника участка милиции.

Вероятнее всего, речь идет о Семипалатинской губернии.

В Государственном архиве Кемеровской области хранятся приговор Кузнецкого окружного суда по делу А. А. Кузеванова и другие документы, касающиеся данного дела (ГАКО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 13. Л. 1—9). Приговор суда датирован 12 декабря 1927 года. Расстрел, согласно соответствующему акту, состоялся 25 января 1928 года. Судебный процесс нашел свое отражение в постсоветской периодической печати (см.: Кушникова М., Тогулев В. Последнее слово «карателя» Кузеванова // Наша газета. 2001. 6 июня).

Михаил Иванович Калинин в этот период времени занимал должность председателя ЦИК СССР.

● Константин Никитич Коробкин в соответствии с постановлением Совета Труда и Оборона № 232 от 14 апреля 1926 года и приказом председателя правления и управляющего делами АИК «Кузбасс» № 47 от 6 мая 1926 года был с 1 апреля 1926 года назначен заместителем председателя правления АИК «Кузбасс» (ГАКО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 100. Л. 14). Впоследствии занял должность председателя правления АИК «Кузбасс». Вот что о К. Н. Коробкине пишет в своих воспоминаниях его предшественник на данном посту С. Ю. Рутгерс: «... я настойчиво обратился к Пятакову [с просьбой] о подыскании [мне] надлежащего заместителя, и он вспомнил об одном участнике партизанского движения, известном Коробкине, который в то время работал в угольном районе Донбасса. Было решено, что он вместе с несколькими сотрудниками будет вызван из Донбасса в Кемерово в качестве моего сотрудника и заместителя с целью постепенного перехода на русские условия [...]». Коробкин оказался инструментом в руках своих специалистов, и иностранцы стали систематически перемещаться на более низкие должности [...]. Когда я ввиду болезни находился осенью 1926 года на курорте, то [...] почти ежедневно получал письма от колонистов с жалобами на обстановку в Кемерово.

[...] Уже в начале 1927 [года рабоче-крестьянская инспекция] начала [...] расследование материалов, касающихся бесхозяйственности, допущенной со стороны Коробкина, и 23 марта Коробкин был снят с работы, а 25 июня 1927 года исключен из партии. В середине февраля 1928 года Коробкин предстал перед судом и вместе с группой своих специалистов был приговорен к длительному тюремному заключению. Остается добавить [...], что спустя некоторое время он вышел из тюрьмы и ему снова была предоставлена работа в Донбассе, там он на Макеевском процессе снова был обвинен и осужден на более длительное тюремное заключение» (ГАКО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 135. Л. 6, 7). Некоторые подробности событий, имеющих отношение к К. Н. Коробкину, получили освещение в периодической печати (см.: Кушникова М., Тогулев В. Щекотливая миссия председателя Коробкина: Из истории политических и уголовных процессов в Кузбассе // Наша газета. 2001. 5 октября).

● Борис Осипович Рубанчик родился в июне 1895 года в Таганроге. В 1912 году в этом же городе окончил с золотой медалью коммерческое училище. Учился в Московском коммерческом институте. Владел немецким и французским языками. Работал в Донбассе, Москве, Харькове. Участвовал в революционных событиях октября 1917 года в Москве, служил в штабе 1-й конной армии РККА. Автор большого количества газетных статей. Перед принятием на работу в АИК «Кузбасс» трудился в качестве главного бухгалтера стройбюро треста «Донуголь». В 1926 году был назначен на должность главного бухгалтера правления АИК «Кузбасс». В Государственном архиве Кемеровской области хранятся характеристика Б. О. Рубанчика (ГАКО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 632а. Л. 3) и его личное дело (ГАКО. Ф. Р-100. Оп. 2. Д. 1109).

● Петр Павлович Вершинин по данным на 1926—1927 годы занимал должность управляющего Кемеровским рудником (ГАКО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 134. Л. 122).

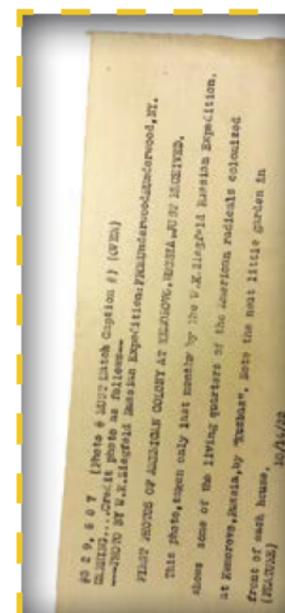
МОЕ ДЕТСТВО НА НИЖНЕЙ КОЛОНИИ

Нина Трофимовна Мальцева -
воспитатель детского сада

Нина Трофимовна Мальцева – одна из старейших жителей города Кемерово. Она родилась в 1922 году и приехала в Кемерово в 1928 году, в год его десятилетия. 90 лет Нина Трофимовна и город прожили вместе. Ее детство прошло на Нижней Колонии, в одном из первых рабочих поселков, построенных Копикузом. Ее отчимом стал иностранец, член АИК «Кузбасс». Ее муж был одним из первых сотрудников городского краеведческого музея. Она воспитала не только своих детей, но и большое количество маленьких кемеровчан, проработав большую часть жизни

воспитателем и директором детских садов и яслей. Это ее воспитанники строили город. Будучи очевидцем многих происходивших в городе событий, она щедро делится воспоминаниями о них с новыми поколениями кемеровчан. Этот «живой документ истории» не могут заменить никакие архивные материалы. По просьбе музея Нина Трофимовна вспомнила некоторые картинки из своего детства. Предлагаем вашему вниманию эти «четки воспоминаний», перебирая которые можно восстановить события, людей и аромат того времени.

Эта уникальная фотография была сделана кинооператорами из Голливуда. «Русская экспедиция» была отправлена в Советскую Россию знаменитым американским кинопродюсером В. К. Зигфилдом с заданием снять фильм о жизни в Кемерово американских членов Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». Панорама состоит из двух частей. Подлинники обеих фотографий хранятся в США, в Библиотеке Конгресса и в частной коллекции. Фотографии были найдены и переданы в музей «Красная Горка» Саймоном Френсисом (библиотекарь из Лондона)

Щетинкин лог

Жизнь моя в Сибири началась в 1928 году. Мне шел шестой год, когда мы с матерью ехали в Сибирь, в Кузнецк к ее сестре. В вагоне меня от окна нельзя было оторвать: смотрела, когда будет Сибирь.

В Кузнецке к родственникам ехали на телеге. Кругом грязь, глина, лошадь еле телегу тянула. В Кузнецке мы не смогли остаться, потому что у сестры была большая семья, а домик маленький, жить нам было негде. И мы переехали в Щегловск к другой сестре, которая приехала сюда на строительство. Жили они с мужем в Нахаловке, за Нижней Колонией. Потом там был мясокомбинат.

Мать встала в городе на биржу труда. Ей удалось скоро получить работу на коксохимзаводе — с помощью земляков, калужских каменщиков, с которыми она работала на заводе в Гурьевске.

Я в первую же весну заболела. Пришел врач, выписал какую-то сладкую микстуру. На флакончик с микстурой приклеил длинный рецепт, написанный на латыни. Это был врач Подгорбунский¹.

Мать быстро сосватала за «американца» Антона Ивановича Маркунаса². Он тоже работал на коксохимзаводе, плотником в бригаде. У него была землянка в Щетинкином

логу, а затем какое-то время он жил в «Доме холостых». Название говорит за себя, жили там одинокие, по-моему, только мужчины. Но как только он женился, ему сразу же дали отдельную квартиру на Нижней Колонии³, в одном из 2-этажных барачков, построенных для рабочих иностранной колонией АИК «Кузбасс». Квартиры в бараках давали не всем, многие рабочие жили в маленьких избушках и землянках, построенных своими руками.

Наша семья из пяти человек жила в однокомнатной квартире на первом этаже, которая состояла из 12-метровой комнаты, 8-метровой кухни-столовой и большого крыльца-веранды. По тому времени никто не жаловался на тесноту, семьи у всех были большие.

Улицы на Нижней Колонии не имели названий, дома были просто пронумерованы. Стайки тесовые с сеновалом, водопроводные колонки и уборные находились на улице. Возле барачков были выгребные ямы в виде ящиков с крышками. Из уборных и выгребных ям все нечистоты вывозились рано утром в бочках. Лошадка, запряженная в телегу, везла железную или деревянную бочку и черпак — ведро на длинной ручке.

При бараках были огороды, некоторые дер-

жали коров. У нас тоже была корова, которую выгоняли на день в стадо пастись.

По территории Нижней Колонии от завода была прокопана канава, по которой в речку стекал какой-то мазут, что-то черное, липучее и вонючее. Отходы какого-то бензолного производства. Трава рядом не росла, земля была рядом тоже черная, и вся эта гадость текла в реку.

Для специалистов дома были одноэтажные на две и четыре квартиры и стояли отдельно от барачков рабочих. Для ИТРовцев вода была проведена в дома. Были у них и огородики перед домом.

За садом в каменном двухэтажном доме жили иностранцы. Квартиры в нем были благоустроенными, имели отдельные выходы на улицу из коридора и второй выход из кухни. Лестница вела в две спальни, и там были ванная и туалет. (Мне в 1950-е годы пришлось жить в таком доме. Только из одной квартиры, где жили американские специалисты, уже сделали три).

В нашем бараке за стенкой жили татары, муж с женой. У них не было своих детей, и я часто бывала у них, тетя Гульмина всегда меня чем-то угощала. Там я узнала, что татары не едят свинину, но едят конину.

Другими соседями были Байковы. У них была дочь Надя, неродная Байкову. Родной ее отец был австриец. Откуда они были, австрияки, я даже у взрослой Нади не спрашивала⁴.

Над нами, на втором этаже, жили Петуховы. С их мальчиком я дружила, мы ходили в один

класс. Сестренка его запомнилась. У нее были кудрявые светлые волосенки. Я украсила ее голову венком из репьев. Меня за это отец не бил, но попало, не пускали на улицу. А девочку подстригли наголо.

Ходить по квартирам, играть на другой стороне барака, уходить к другим барачкам запрещалось. Можно было заработать ремня. Мне запомнились два кожаных ремня. Один, широкий, висел на косяке двери, на нем отец правил бритву. Лупили чаще вторым — узким, тоже без пряжки. Мне надо было водиться с младшей сестрой Ленкой, а мне хотелось играть в куклы. Куклы были на полу, в отведенном мне уголке. Я раскачаю качалку — и к куклам. Раз так раскачала, что Ленка вылетела из нее. Попало мне очень.

Однажды мне купили калоши блестящие, на красной подкладке. Как они пахли! Ботинки тоже новые, на них калоши надевались. На дороге была большая грязь, и вот я пришла из школы, а одной калоши у меня не оказалось, так и не нашли. По этому поводу отец меня отлупил. Правила были такие: подходишь к кровати, поворачиваешься задом, опускаешь штаны (трикотажных трусов тогда не было, шили штаны сами) и тебя по голый заднице ремнем. Плакать было запрещено, заступаться за себя тоже, иначе еще добавится.

Позднее и Ленке попадало, но ей попадало меньше, поскольку она намного моложе была.

Из-за того, что отец не разрешал ходить по дворам, круг знакомых у меня был ограничен. Чуть позднее нас в дом въехали Сарыгины, с

Одноэтажное здание вокзала находилось на Вокзальной улице

Фотография
С.С. Бышева

которыми мы прожили почти до сноса домов. Я подружилась с Шуркой Сарыгиным⁵, с которым у нас была разница в два года, я училась в пятом, а он — в седьмом. За нашим домом была лужайка, и мы с ним, сидя там, фантазировали, как будет лет через 10—20 на всей земле. 10—20 лет нам казались большим сроком. Тогда не было телевизоров, в кино ходили не так уж часто, да и не все фильмы были интересными. Книги другое дело! Шурка лазил к Ивановым в стайку, где у них находилось много книг. Он брал книги, мы по очереди читали, а потом он возвращал их обратно. Мы увлекались Жюль Верном, фантастикой. Вот и мечтали, какими будут самолеты, какие аппараты полетят на Луну, ночью смотрели на звезды. Тут уж не было предела фантазиям!

Глядя на Кемерово с правого берега, мы мечтали, каким будет наш город. Конечно, похожим на Москву: высокие дома, трамваи, много заводов. Мы с Шуркой дружили, пока не разъехались по разным городам. Я после седьмого класса уехала в Москву, а он, окончив десять классов и Кемеровский аэроклуб, — в Новосибирск.

До строительства ГРЭС с Нижней Колонии можно было проехать в Щегловск по мосту, который был проложен через Щетинкин лог — он тянулся от Дворца труда и впадал в Томь. Лог был глубокий, зеленый, и весной вода по нему текла сверху от Дворца труда. Позднее ходили в город через железнодорожные пути, к вокза-

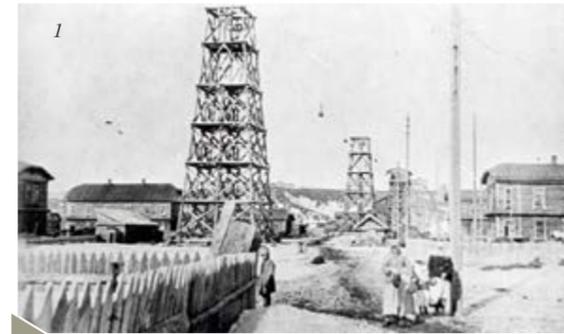
лу. Одноэтажное здание вокзала находилось, конечно, на Вокзальной улице. Теперь она называется Карболитовской. Рядом с вокзалом стояла водонапорная башня, которая снабжала водой завод и питьевой водой — население. Водопровод был подведен к уличным колонкам.

Помню, как мы ездили на телеге фотографироваться. Частная фотография находилась на Советской улице, где сейчас книжный магазин. Называлась она по имени хозяина. Там позднее работал Бобрович, очень хороший фотограф⁶.

На Нижней Колонии на «горочке» был магазин-кооператив — большое деревянное здание под железной крышей с высоким крыльцом. В нем был продуктовый отдел, и торговали тканью, в основном ситцем. Там же находились склады. Я помню, в 1929 году были очереди за мукой, которую давали по талонам.

И еще помню. Мать пошла в магазин и меня закрыла на замок. Я залезла на стол, который стоял возле окна, встала ногами на переплет рамы, чтобы дотянуться до форточки, высунула голову и кричала: «Мама, купи конфетку!» Ножонка сорвалась с переплета, и стекло в окне разбилось. Я убежала в нахаловку к тете Кате. Дядя Миша, ее муж, меня выручил. Он застеклил окно, пока не было отца, чтоб меня не отлупили.

Город жил по гудку коксохимзавода. Заводской гудок было слышно далеко, до самой Искитимки. Он гудел утром — на работу, в обед,

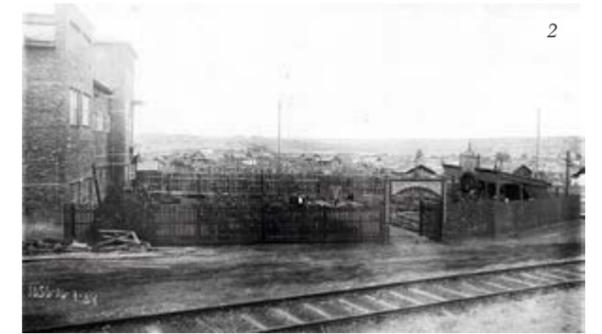

1. Канатная
дорога
на Нижней
колонии

3. Памятники
на территории
КХЗ

4. Паромная
переправа

2

4

вечером, когда кончалась работа, и ночью в 12-00. Мы, ребята, когда гудел гудок на обед, бегали к воротам, носили родителям обед. Отец ходил на работу со своим обедом, который носил в сумочке на шнурочке.

Были и тревожные гудки, которые оповещали о каком-то чрезвычайном происшествии, например, пожаре. По такому гудку рабочие должны были идти к заводским воротам.

Помню похороны инженера Вейхаля⁷, который погиб во время пожара — горел тепляк на стройке коксовых печей. Вейхалю похоронили рядом с клубом. Там же была могила расстрелянных партизан. Потом их прах перенесли в сквер, что напротив Дворца труда, а могила инженера Вейхалю осталась забытой.

Через заводские ворота были видны железнодорожные пути, ходили паровозы, груженные коксом. Рядом с воротами стояла баня, серое каменное здание. Там мылись после смены рабочие, были отделения женское и мужское. Белье в узлах сдавали банщице, она взамен давала таз с выбитым номером полки, где лежал твой узел с вещами. Мойка была с деревянными лавками. Их надо было предварительно ошпарить кипятком, вымыть. Посредине стояла круглая деревянная подставка, куда ставили тазы, чтобы налить горячую и холодную воду. В стороне были открытые кабинки с душем.

В березовой роще (на территории будущей

ГРЭС) была детская площадка усиленного питания с длинными столами под навесом. На ней один раз в день кормили ослабленных детей. Я тоже туда ходила, когда училась во втором классе, потому что была маленькой, худой и плохо ела. Нас называли «малокровными» и направляли на усиленное питание. Воспитатель Тюрикова начинала с меня, давала каждый день тарелку с рисунком, чтобы я ела до дна. Давали кашу, хлеб, молоко, яйца и столовую ложку рыбьего жира, а мне доставалось две. Я до сих пор помню воспитательницу Красавину Марию. Наверное, потому, что она мне давала домой и яйца и хлеб. Я не могла есть яйца, вкрутую сваренные, особенно желток, давилась им, и она разрешала брать яйца домой.

В России я привыкла к яблокам, грушам, бабкиным лепешкам со сметаной. Надо отметить, что питанию детей по тому времени уделялось какое-то внимание. Позднее в школах открывались столовые, а мы в школу носили завтраки, кто чем богат. Булочка с чаем или молоком, кусочек хлеба с чем-нибудь. На большой перемене, в классе за партой, обедали и успевали еще во дворе побегать.

На территории коксохимзавода был сад из посаженных самими рабочими тополей и берез для гулянья рабочего люда колонии. В саду стояло деревянное одноэтажное здание — клуб КХЗ, в котором показывали кино. Кино в

Аграфена Александровна
Котова - мама Мальцевой

Барак поселка
ГРЭС

то время было немое, а текст читали на экране. Музыкальное сопровождение было рядом с экраном — во время показа картины кто-нибудь играл на пианино или рояле. Народу всегда было много.

Помню темный зал. Я успевала читать тексты, когда шло «немое» кино. Читала громко, на весь зал. Почему-то никто не ругал. В то время много было неграмотных, может, поэтому и не ругались за мое озвучивание.

Читать меня научил отчим Антон Иванович по газете «Кузбасс». Он лежал на кровати и читал, а я сидела рядом. Он заставлял запоминать буквы, читать и очень гордился, что я, такая маленькая, читала вслух ему текст. Ну а как научил читать, то решил, что пора и в школу. Он привел меня в школу в марте, когда мне исполнилось 6 лет.

Поскольку я уже умела читать, то с письмом и чтением я справилась, а вот с арифметикой сразу стало туго. Арифметикой со мной заниматься было некому. Сложение и вычитание было для меня трудным. Таблицу умножения я плохо запоминала. И до сих пор всю не помню. Отец заставлял считать до миллиона и числа писать до миллиона. Мать не вмешивалась, ей было запрещено.

Чтение меня увлекло так, что деньги, которые Антон Иванович давал на мороженое, я тратила на книги. Первая моя любимая книга — дореволюционное издание «Тарас Бульба» в красивом черном переплете. Где я их покупала? Не в магазине, с рук.

Деревянная одноэтажная школа, покрашенная коричневой краской, находилась на берегу Томи, рядом с опорой канатной дороги. Такая же опора была на другом берегу, и между ними проходила канатная дорога. Вагонетки, наполненные углем, переправлялись с шахты «Центральная» на завод, а оттуда пустыми шли опять на правый берег. Рабочие, когда нельзя было перебраться через речку, садились в эти вагонетки и добирались на завод или рудник. Случалось, что вагонетки переворачивались.

Через Томь, с берега на берег, люди переправлялись на лодках. После ледохода ходил паром, по канату. В Щегловск с правого берега на телегах ехали деревенские на базар. Зимой дорога пролегала прямо по Томи.

Река Томь была совсем близко. Завод стоял на возвышенности, а жилая часть Колонии находилась ниже. Когда весной Томь разливалась, вода доходила до заводских ворот, до магазина, рабочих собирали на работу на лодках. Помню, отец ловил рыбу прямо с крыльца дома, а на время половодья нас куда-то выселяли.

Когда я училась во втором классе, мы переехали на улицу Трудовую. Она одним концом упиралась в Щетинкин лог, а вторым в городскую аптеку. Пересекала улицы Дворцовую, Пионерскую, Ленина и Кузбасскую. Застраивались в то время параллельные улицы Советская, Исполкомовская. На нашей улочке жило много врачей, ведь недалеко были больницы и поликлиники. Поэтому, хоть улица Трудовая была маленькая и глухая, все ее знали. На ме-

сте, где сейчас находится поликлиника УВД, стоял странный дом, которого боялись все, — ГПУ, НКВД.

Школа находилась в бараке, ходить надо было далеко, через лог. В классе стояли длинные столы и лавки. В третьем классе меня перевели в школу №7 по Исполкомовской улице (улица Н.Островского, сейчас на этом месте областное УВД). Деревянная двухэтажная школа была начальной, и после 4-го класса меня перевели в 10-ю школу. Она была за площадью, которая называлась Дворцовой. На площади находилась трибуна, у которой в праздничные дни собирался народ. Весной и осенью эта площадь превращалась в большое болото, и, чтобы пройти в школу, которая была на той стороне болота, приходилось далеко обходить (там потом был завод КЭМЗ).

Наша улица весной тоже превращалась в большую лужу, мальчики делали из досок плоты и плавали. Плавали и по улице Ленина (начало Кузнецкого проспекта), там лужа была еще больше. Улицы в то время были немощные, только проложены были тротуары возле домов. Тротуары были постланы над канавами,

куда стекала вода. А когда просохнут канавы, ребята лазили там, искали копеечки.

На моих глазах город строился, расширялся. В городе появлялись новостройки: Коксострой, мехзавод, цинковый завод, на месте березовой рощи начали строить станцию ГРЭС. Рабочие приезжали со всех концов России. Для них строили дощатые засыпные двухэтажные бараки, с коридорной системой. Там для каждой семьи была одна комната с печкой. Бараки эти назывались «клоповниками». Люд там жил бедный, много детей было. После большой засухи в Казахстане появились казахи. Прикочевали на верблюдах и лошадях. Стояли аулом, в кибитках, там, где сейчас цирк. Потом уехали, а часть осталась в Щегловске.

Моя жизнь, мое детство, прошла в центре — в поселках Нижняя и Верхняя Колонии. Конечно, за 76 лет, что я прожила в Кемерове, в облике города изменилось многое, особенно в центре города. Появились новые районы: «Радуга», Кировский район, Ленинский район, ФПК.

Но у меня и сейчас, когда я прохожу знакомыми улицами, в памяти возникают старые строения, которые стояли на этом месте.

1. Подгорбунский Михаил Алексеевич (1896–1986) — врач городской клинической больницы и скорой помощи города Щегловска с 1926 года. В годы Великой Отечественной войны армейский хирург фронтового госпиталя. После войны — главный хирург Кемеровской области, заслуженный врач РСФСР, основатель ряда медицинских служб Кузбасса. В настоящее время почетный гражданин города Кемерово, его имя носит Кемеровская городская клиническая больница № 3.

2. Маркунас Антон Иванович — член Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». Приехал в Кемерово из США, работал на коксохимзаводе.

3. При коксохимзаводе было два жилых поселка: Нижняя и Новая (Верхняя) Колонии. Нижняя Колония застраивалась стихийно при АО «Копикуз», одновременно с началом строительства завода. Новая Колония, с благоустроенными домами, была построена по проекту голландского архитектора Ван Лохема, работавшего в АИК «Кузбасс».

4. Возможно, это один из австро-венгерских пленных Первой мировой войны, которые работали на предприятиях АО «Копикуз» в Кемерове. Некоторые из них женились на местных русских женщинах.

5. Сарыгин Александр Васильевич (1920–1960) — после

окончания 10 классов, Кемеровского аэроклуба и военно-авиационной школы в Новосибирске стал летчиком. В годы войны сражался в дивизии пикирующих бомбардировщиков. После войны стал заслуженным летчиком-испытателем СССР, получил звание Героя Советского Союза. Его имя носит улица в городе Кемерово.

6. Бывшав Спиридон Семенович (1891–1937) — кемеровский фотограф, незаурядный портретист, учившийся у Моисея Наппельбаума, выдающегося русского фотографа. В центре города на улице Никольской (Советский проспект) у Бывшева было собственное фотоателье, в котором в 1920–30-е годы снимались все местные жители и гости города. Учениками Бывшева были фотографы Викентий Бобрович и Павел Мельников.

В фондах Кемеровского областного краеведческого музея хранится коллекция воспоминаний кузбассовцев, собранная в 1950-70-е годы. Их тематика разнообразна – гражданская и Великая Отечественная войны, годы первых пятилеток. Как документальный источник, воспоминания имеют свою особенность – они субъективны. Степень достоверности определяется, прежде всего, образовательным и интеллектуальным уровнем информатора, его моральными качествами, особенно в оценке политических событий.

Наиболее ценным источником для нас являются воспоминания старожилов города Кемерово с описанием быта, жизненного уклада жителей села Усть-Искитимского (Щегловского), будущего города Кемерово. В 2013 году были опубликованы воспоминания Зои Николаевны Сайдашевой, дочери щегловского купца Вейса*.

В числе старожилов Зоя Николаевна упоминает Федора Никитича Ефремова, у которого ее семья недолго жила на квартире после приезда в Усть-Искитим в 1899 году. Федор Никитич был старшим братом самого богатого в селе купца Алексея Никитича Ефремова.

В 1910 году сын Федора Никитича Георгий женился на Антонине Алексеевны Быковой из д. Колмогорово Томского уезда. Сегодня предлагаем вам ее воспоминания. Из них видно, что до революции в селе царил патриархальный уклад – жили большими семьями, сыновья до женитьбы работали в хозяйстве отца. После женитьбы проходило несколько лет, пока отец не отселял семью сына, обеспечив домом, скотом для создания своего хозяйства. После революции судьба зажиточных семей была незавидной – муж Антонины Алексеевны Георгий Федорович Ефремов был арестован в 1937 году, когда репрессиям подвергались неблагонадежные и первыми в списке были те, кто до революции имел хорошее хозяйство. Георгий так и не вернулся – умер в заключении в 1944 году.

(Endnotes)

* Сайдашева З. Н. Щегловск в начале XX века / Балибаловские чтения. Материалы седьмой научно-практической конференции, посвященные 95-летию городского статуса Кемерово июль 2013 г. – Кемерово: ООО «Примула», 2013. – С. 274–292.

БЕСЕДА С АНТОНИНОЙ АЛЕКСЕЕВНОЙ ЕФРЕМОВОЙ

Родилась я в 1892 году в деревне Колмогорово Томской губернии. Отец мой Быков Алексей был старшиной.

В 1910 году я вышла замуж в село Щеглово за Ефремова Георгия Федоровича, сына Федора Никитича Ефремова.

После нашей свадьбы мы с мужем жили со свекром в одном доме, который находился по Никольской улице (сейчас Советский проспект, д. 148). Семья состояла: свекор Федор Никитич Ефремов, свекровь Марфа Максимовна (родом из деревни Сосново, лет 55-ти), мой муж Георгий Федорович (1890 г. рожд.), брат его Вася 8-и лет (сейчас Василий Федорович живет в Томске, на пенсии находится уже, живет там у дочери). Пятым членом семьи стала я.

Жили одной семьей до 1913 года, а потом нас отделил свёкор. Дал нам дом рядом (сейчас Советский проспект № 150). Тогда этот дом принадлежал матери Алексея и Федора Ефремовых. Старуха по наследству передала его Федору, а Федор сыну своему Георгию. Дали нам две лошади, две коровы, земли сколько-то десятин. Мы, как и свёкор, занимались крестьянством. Пашни наши простирались от паскотины по направлению к Мозжухе и Мазурово. Были также и по правому берегу Искитимки. Всего у нас была десятин 20.

У свёкра были работники, как сезонные так и постоянные, своими силами нельзя было справиться с таким хозяйством. Помимо нашей был скот – лошади, коровы, овцы свиньи. У свёкра была еще большая пасека.

Свекровь моя Марфа Максимовна была очень больная, в 1911 году она умерла. Федор Никитич вскоре женился на другой. Это была молодая девушка 25-ти лет, жительница села Щеглово Авдотья Филипповна (фамилию забыла). Но и она лет через шесть умерла после родов (сын от неё Константин Федорович Ефремов жив и сейчас, работает в Кемеровской областной больнице за Искитимкой на какой-то хозяйственной работе). Федор Никитич женился в третий раз на крестьянке-вдове

из деревни Ягуново Александре Федоровне. Это уже было при Советской власти.

Когда был изгнан Колчак, Федор Никитич никуда не выезжал из Щеглово. Роговцы его тоже пощадил. Он их поил медовухой. Умер Ф. Н. в 20-м или 21-м году от тифа. Умер в своем старом доме, откуда его никто не выселил с приходом Советской власти. Урезали только его пашни да хозяйство общее. Третья жена Федора Никитича оставалась жить в старом доме и жила в нём до самой смерти.

Как сложилась наша судьба с мужем? Как я уже говорила, в 1913-м году мы отделились от свекра, стали жить самостоятельным хозяйством. К этому времени у нас была уже дочь Александра (сейчас живет в Кемерово в Кировском районе, замужем за Майоровым).

В 1914-м году Георгия Федоровича взяли на фронт как ополченца. Я жила одна, а потом с квартирантами. Вернулся Георгий Федорович через три с половиной года: он приехал на побывку в феврале 1917 года, как раз когда произошла февральская революция. Георгий Федорович остался дома совсем. Занимались мы по-прежнему крестьянством. Жили в Щегловске безвыездно, никуда не поехали, когда прогнали Колчака и была восстановлена Советская власть.

В 1930 году Георгий Федорович был арестован за невыполнение продрозверстки, отбыл какой-то срок (кажется, года полтора), а после освобождения стал работать. Сначала работая в артели «10 лет Октября», потом на станции весовщиком, экспедитором на хлебозаводе. Отсюда он и был арестован в 1937 года. Писал мне лет шесть из заключения (отбывал заключение где-то на Востоке), умер в 1943 году или 1944-м, так и не освободившись. Сейчас я имею документы о его реабилитации, получаю за него пенсию.

У нас с Георгием было семеро детей: Александра, Мария (живет в Кемерово), Виталий (Кемерово), Анатолий (Кемерово, работает на КЭМЗе), Александр (Кемерово, работает на Карболите), Агнесса (живет на Северном Кав-

казе). Почти все из них получили образование, приобрели профессии, обзавелись семьями, имеют детей. Я живу с младшим сыном Александром.

Помню внешность Федора Никитича: среднего роста, русский, глаза голубые, носил небольшую бородку. По характеру был неплохой, не хуже, чем его брат Алексей Никитич.

Что помню про Алексея Никитича?

Оба брата происходят как будто из томских мещан. Как и когда они переехали в Щеглово, как обзавелись таким хозяйством не знаю, точно сказать не могу. Но помнится, что переехали они из Томска в 1900-м году.

Алексей Никитич — младший брат. Был очень энергичный и умный. В обращении к людям и к нам, к родным, мягкий, обходительный, лучше, чем Федор Никитич. С братом Федором жил дружно. Жил А. Н. в большом доме с подвальным помещением, недалеко от нас на Никольской, наискось от нас. Этот дом и сейчас цел (Советский проспект д.1).

Когда я вышла замуж, Алексею Никитичу было лет 45~50. Внешность его: коренастый, ниже среднего роста, темно-русый, глаза голубые, волнистые волосы и кудреватая борода. Говорил без «чалдонского» акцента И вся семья их также говорила без акцента сибирского. Наоборот, мать их окала, Алексея Никитича называла «Олешей».

Алексей Никитич был богатым человеком. У него было много пахотной земли, табун лошадей, много коров, овец, кур и другой птицы. Имел также пасеку. Хозяйство обрабатывалось с помощью наёмной силы, постоянной и сезонной.

Кроме крестьянства, Алексей Никитич был ещё подрядчиком по строительству домов. У самого у него был ещё один дом двухэтажный на базарной площади (там, где была прокуратура, сейчас этот дом снесен), который он сдавал в аренду.

У Алексея Никитича была жена Васса Яковлевна (из деревни Стрельно, девичья фамилия Ягунова), ей было лет 40. Из себя она была видная, статная, кареглазая или сероглазая, не помню. По характеру вспыльчивая, очень подвижная, энергичная. Недолго любила свою свекровь, которая жила вместе с ними и была большая (грыжа). Но Алексей Никитич мать в обиду не давал.

У Алексея Никитича и Вассы Яковлевны

было пятеро детей: Валя (выходила замуж за Пименова Андрея, сейчас ее нет в живых), Мария, Анна (живет в Сталинске), Леонид (живет в Севастополе), Константин (умер в 1960 году). Была ещё дочь Елена, но она утонула.

Когда я выходила замуж, Вале, старшей дочери, было лет 16, остальные дети были моложе. Валя вышла замуж за Андрея Пименова, кажется в 1914-м или 1915-м годах. Сын Константин женился после войны на одной девушке односельчанке по имени Таня.

Васса Яковлевна, жена Алексея Никитича, умерла в 1915-16 году, ее парализовало. Через некоторое время Алексей Никитич женился на вдове купца из деревни Ямны (вёрст 40 от Щеглова) Александре Иосифовне (она недавно умерла, жила с дочерью Анной в Сталинске), детей от неё не было.

Во время наступления Красной Армии в 1919 году Алексей Никитич бежал вместе со своей семьей из Щеглова вместе с отступлением колчаковцев. При Рогове его уже не было в Щеглове. Скот, всё хозяйство он бросил. Бежал с женой в Севастополь, к сыну Леониду. Здесь он и умер в каком-то году.

Кое-что сохранилось у меня в памяти и о других жителях села Щеглово того времени, в частности о купце Балаганском.

Балаганский Евгений Дмитриевич был лет 40-45 (в то время, когда я приехала в Щеглово), рыжеватый, среднего роста, сутулый, носил небольшую бороду. Жил Балаганский по Никольской улице в большом доме с подвальным помещением, напротив Ефремова Федора Никитича (теперь — Советский проспект).

Жена Балаганского Анастасия Петровна лет около сорока женщина, среднего роста, полная, русая, приятная на внешность. Сибирячка. У Балаганских было шестеро детей: дочь Анна (тогда ей было лет 15-16, сейчас её нет в живых), Раиса (ей было лет 10-11, сейчас она живет в Новосибирске, замужем за Пименовым Николаем), сын Александр (старший, тогда ему было лет 19), Николай, Владимир, Сергей.

У Балаганских были приказчики (Шпригин Андрей Иванович, Иван Чижков и другие/, а также женская прислуга — Просковья Дурягина, Маша Шигурова и ещё кто-то. Занимались Балаганские торговлей. У них был магазин сначала в доме, где они жили (так было, когда я приехала), потом магазин перевели в другой дом, на базарной площади (сейчас там находится психолечебница). Магазин был промтоварный.

Балаганский дружил с Федором Никитичем и Алексеем Никитичем Ефремовыми, бывали друг у друга в гостях. Помню свадьбу Александра, старшего сына Балаганского, но не помню, какой это был год. Женился Александр на какой-то девушке, сейчас не помню имени,

Когда пришла Красная армия в Щеглово в 1919 году, Балаганский Е.Д. из Щеглова не уезжал. Помню, что его сильно избили роговцы, но он остался жив. Где умер Балаганский и когда — не знаю. Анастасия Петровна умерла не так давно. Она жила у сына Александра в Новосибирске;

Вейс Николай, тоже щегловский купец, лет 40 ему было. Жил с семьей недалеко от церкви

(дом этот сгорел, а из амбаров сделали жилое помещение, каменное, цело до сих пор).

Внешность Вейса: высокого роста мужчина, полный, черный, волосы кудрявые, похож на еврея. Носил бороду.

Был купец Перетягин, Варфоломеев и др. Их я знаю мало. Недалеко от нас в двухэтажном доме жил зажиточный крестьянин Самсонов. Он был объездчиком.

В селе было много Щегловых: Георгий Васильевич, его сыновья Иван Григорьевич, Михаил Григорьевич. О Щегловых может рассказать Матрена Егоровна Щеглова, которая живет по Советскому проспекту...

Из коллекции «Музея-заповедника «Красная Горка»

Юрасов Ю.Н.

«Церковь», 2001, х/м.

КНЯЗЕВ И ДРУГИЕ

(К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ФИГУРАНТОВ «МЫШИНОГО ДЕЛА»)

Фото из фондов музея Кемеровского коксохимтехникума. Преподавательский состав и студенты-выпускники техникума в 1935 г.:
- В нижнем ряду 6-й слева - Г. Сафронов, 7-й - А. Погорелов;
- 3-й ряд снизу: 9-й слева - С. Трегубов - в верхнем ряду 2-й слева - П. Прохоренко

О драматических событиях, разыгравшихся в 1935 г. в Кемеровском коксохимическом техникуме вокруг помещенной в местной стенгазете сатирической поэмы «Суд идет! (Суд над мышью)», уже писалось в нашей краеведческой литературе. Был полностью опубликован и текст самой поэмы. Но появились новые архивные документы, проливающие дополнительный свет на всю эту неприглядную историю. Никто, пожалуй, не расскажет лучше о случившемся, чем один из активных участников событий — студент С. С. Князев. Вот его замечательное письмо, датированное 24 мая 1935 г. и отправленное из Кемерова в Новосибирск — и не куда-нибудь, а в Запсибкрайком ВКП (б). Отчаявшийся студент писал:

«Дело в следующем: приказом № 12 от 3

марта 1935 г. по Кемеровскому химическому техникуму я исключен из рядов студентов без права поступления в другие учебные заведения Союза сроком на 3 года «за непосредственное участие в антисоветском, контрреволюционном выступлении» (из приказа).

Мое участие в «контрреволюционном выступлении» выразилось в следующем.

24 ноября 1934 г., вечером, часов в 10, я сидел/и/занимался по расчетам (я жил в общежитии). В соседней комнате, для которой наша была проходной, в тумбочке одного студента поймали мышь. Эту мышь один студент 4-го курса (кстати, все, кто участвовал, студенты-дипломники 4-го курса) Сафронов на ниточке притащил в нашу комнату и говорит: «Эта мышь похитила частную собственность студен-

та, и ее надо судить». Вокруг мыши набралось человек 10 любопытствующих, поднялся смех. Со смехом же начали выбирать состав суда, предводителем был Сафронов.

Первую «должность» — председателя суда — он предлагает мне, но я отказался под видом того, что надо заниматься, и передал свою миссию Щедригину. Он принял. Общественным обвинителем Сафронов выбрал Прохоренко, защитником Максимова, заседателями Погорелова, Илипова — и третьим предложили быть мне. Я решил не отказываться, а удовлетворить просьбу ребят, и пошел. Сам же Сафронов изъявил желание выступать в качестве поверенного в делах мыши. Начался суд, сопровождаемый громким смехом — каждый выступающий старался больше насмешить (а был выходной день).

После выступлений решили написать протокол суда и ... написали/текст/, за который пришлось так дорого поплатиться. Он начинался так: «1934 г., 24 дня выездная сессия Верховного суда РСФСР» и т.д., и кончался: «Приговорить Мыша Мышовича Мышкина к отравлению морфием, а если таковой не поможет — к смертной казни через повешение». Зачитав протокол, мышь потравили и бросили в топящуюся печь. Протокол же суда куда-то исчез. На другой же день мы услышали, что наш протокол уже в редколлегии стенной газеты. Его отдали студенту Бойцеву для художественного оформления. Через два дня уже можно было читать стих под заголовком: «Встать, суд идет». Стих получился приукрашенный, но и Бойцев писал с той целью, чтобы над ним (стихом) и над нами только посмеялись.

Ответственный редактор стенгазеты Левковский (студент 3-го курса) на свой риск пропустить это стихотворение не решился, а обратился к парторгу Дягелеву (студенту 4-го курса), директору Пивневу и зав. учебной частью Казанскому. Посоветовавшись, они стих решили пропустить, и после первых чисел декабря газету вывесили.

Газета повисела, похотали, сняли газету, и все смолкло.

В последних числах февраля 1935 г. (через три месяца) пришла комиссия горкома ВКП (б) для обследования техникума и обнаружила в архиве эту газету. Стих был признан контрреволюционным, а мы, все участники — контрреволюционерами, использовавшими печать для своей агитации.

По распоряжению горкома ВКП (б) были со-

браны внеочередные комсомольские и партийные собрания, где сообщали, что в химтехникуме открыта подпольная контрреволюционная организация (!). Комсомольцев Бойцева, Сафронова, Левковского, Прохоренко вызывают на заседание горкома ВЛКСМ и сразу же, без разговоров, исключают из комсомола, а культпроп горкома ВКП (б) Никольский сказал: «Таких, как вы, мало отправлять/в/концентрационные лагеря, а нужно расстреливать».

На другой же день директор Пивнев пишет приказ об исключении меня, Бойцева, Щедригина и Максимова из техникума, совершенно даже не разговаривая.

В этот же день назначается заседание профкома и профсобрание, на которое вызывают и нас.

Вопрос один — о нас.

Перед заседанием я случайно захожу в один кабинет — там секретарь комитета комсомола Попов докладывает комсомольцам: «Вот, товарищи, директор Пивнев велел передать, что если комсомольцы не будут выступать против тех товарищей, которых исключили, завтра же отберем комсомольские билеты. Имейте в виду».

На заседании профкома присутствовали и директор, парторг и зав. учебной частью. Несмотря на то, что стих пропускали они сами, все же нас обвинили и в том, что мы его постарались протащить. Заседание профкома постановило исключить нас из членов союза.. На профсобрании также присутствовали все. Сначала из студентов никто не выступал, но после выступлений Пивнева, Дягелева и Казанского пошли... Дошло до того, что наша «подпольная организация» существует уже несколько лет, но открыто не выступала, а тут, видите ли, решила устроить суд над мышью. Мы попросили дать нам слово после всех, но выступил директор Пивнев, сказав, что «в таком случае мы вам слова не дадим совсем, так как, видите ли, вы будете потом играть на слабости выступающих». На реплику: «Разве мы не можем защищать себя, если говорят неправду?» — он, покраснев, ответил: «В таком случае я запрещаю совсем давать им слово — надо сознаваться, а не оправдываться».

На собрании к нашему делу присоединили убийство С. М. Кирова, зиновьевскую оппозицию, отмену карточной системы. В общем, по мнению Пивнева, Дягелева и Казанского, с нами ничего не осталось сделать лучшего, как поставить к стенке. Подошли к утверждению

протокола заседания профкома, к голосованию.

Пивнев вносит предложение голосовать только против, а против, конечно, и не может быть, так как поднять руку против — значит, за контрреволюцию, значит, самому оказаться в нашем положении. И так мы оказались вне рядов студентов и членов союза.

Берется за расследование дела НКВД. Следствие идет месяц, пошел второй — нет конца.

В самом начале нас обвинили по статье 58-10, но прокурор не принял, сказав, что нет достаточных обвинений. Решили дать статью 74: «Озорство, направленное к неуважению общества»...

Подумали, /что/, «очевидно, мало», и решили снова начать следствие, и вот следствие идет 2,5 месяца. Конца еще не видно. Но это бы еще ничего, но нас сразу же после исключения стали выгонять с квартиры (общежития), не принимая, однако, никуда на работу. А из Кемерово выезжать нельзя.

Так я жил безработным два с лишним месяца (как и остальные). Пришлось все, что можно (чтобы не остаться голодным), продавать, приобретая на это хлеб.

В первых числах апреля в «Комсомольской правде» и «Правде» появляются статьи о воспитании молодого поколения в учебных заведениях. Я решил написать вам и написал, но получали ли вы это письмо — не знаю. У меня есть подозрение, что это письмо задержано на почте, так как я там писал о том, что мы ходим безработные второй месяц. Вскоре после этого следователь НКВД нам предлагает устраиваться на работу на завод (а до этого сам не допускал), сам договариваясь со спецотделом завода. Сейчас я работаю, но какие все-таки конечные результаты? И будут ли они, вообще не знаю.

Дело, как видно, положили под сукно. Обратиться за помощью абсолютно не к кому, и я вот второй раз решил написать вам, имея последнюю надежду.

Несколько слов о себе.

Родился в 1914 г. в дер. Чупино Маслянинского района Запсибкрая в семье крестьянина-бедняка. В 1919 г. умерла мать, в 1924 г. умер отец. Остался абсолютно один, не имея из родных больше никого. С 1924 г. по 1928 г. работал в батраках, одновременно обучаясь в сельской школе. В 1928 г. ушел учиться в ШКМ, где и учился до 1931 г.

Осенью 1931 г. поступил в Кемеровский коксохимический техникум, где учился до настоящего времени.

С момента введения дифференцированной стипендии не имел ни одной сессионной отметки «уд.», все больше «отл.» и реже «хор.». За 1933 г. из девяти отметок — восемь «отл.» и одна «хор.», за 1934 г. из 16 отметок — 12 «отл.» и 4 «хор.», за 1935 г. из четырех — 3 «отл.» и одна «хор.».

С 1933 г. до момента исключения (1935 г.) был лучшим ударником техникума, в 1934 г. был премирован первой премией за лучшую учебу — 100 руб. денег — и путевкой в Дом отдыха. И вот столько трудов и стараний пропали за детский необдуманный поступок.

И вот сейчас люди-согруппники сидят/и/готовятся к защите дипломов, а я выброшен, совершенно ненужный. Среди них есть действительно классово чуждые люди, но они получают диплом пролетарского специалиста.

Я обращаюсь к вам: что же делать мне? Или я действительно ненужный человек? Неужели я не смогу с честью держать звание красного специалиста? По-моему, здесь у нас на местах все-таки поступают неправильно. Вместо воспитания — ошеломляющий удар. Где нужно ударить — молчат.

Ну пока все. Я прошу вас написать мне хоть несколько слов, чтобы я был уверен, что вы мое письмо получили, и как вы на это дело смотрите.

Мой адрес: Запсибкрай, г. Кемерово, дом ТЭЦ № 2, кв. 46, комн. № 3. Князев Семен Степанович» .

Письмо кемеровского студента попало на стол первого секретаря Запсибкрайкома ВКП (б), старого большевика Роберта Индриковича Эйхе. В литературе сталинистского толка этот исторический персонаж, как правило, изображается в черных красках, как главный виновник массовых политических репрессий 1930-х гг. в Сибири, старавшийся выслужиться перед тов. Сталиным. (Тов. Сталин при подобном раскладе оказывается «белым и пушистым»). Казалось бы, если Эйхе являлся таким негодяем и приспособленцем, он должен был равнодушно отодвинуть письмо Князева в сторону. Но нет! Роберт Индрикович внимательно читает письмо и тут же красными чернилами набрасывает короткую записку на специальном бланке Запсибкрайкома, адресованную секретарю Кемеровского горкома ВКП (б) Якушину:

«Тов. Якушину! Направляю Вам письмо сту-

дента Князева. Прошу в течение нескольких дней разобрать это дело. Если дело хоть немного похоже на то, как описывает тов. Князев, то у Вас допущен грубый перегиб. Можно было за озорство, за хулиганство наказать виновников в общественном порядке, но ниоткуда не вытекала необходимость применить статью о контрреволюции. Результаты сообщите лично мне. Р. Эйхе. 30 июня» .

Эта записка первого лица в Запсибкрае, судя по всему, спасла жизнь студенту Князеву. Но ответное письмо из Кемеровского горкома партии пришло в Новосибирск не сразу. Кстати сказать, оба указанных документа — и записка Эйхе, и ответ Якушина — в свое время были рассекречены и опубликованы в кузбасской прессе в очень сокращенном виде. (Для той давней публикации было характерно довольно вольное обращение с текстом, вплоть до того, что оказалась искаженной фамилия самого Якушина)¹. Ответное письмо секретаря Кемеровского горкома ВКП (б) датировано 21 августа 1935 г. Приводим полный текст этого интереснейшего исторического документа:

«Роберт Индрикович!

Ваше поручение не мог быстро выполнить по причине того, что в связи с первыми выходками студентов химтехникума обнаружена действующая в крае и городе контрреволюционная группа молодежи, участниками которой оказались и некоторые студенты, упоминаемые в письме, а следовательно, невозможно было дать исчерпывающие данные о всем деле.

История всего вопроса об антисоветском выступлении группы студентов Кемеровского химического техникума подробно изложена в письме бывшего студента Князева. Однако Князев до последнего времени не мог понять всей сущности преступления своих сотоварищей, а потому, защищая себя, неправильно брал под защиту своих товарищей.

По всем материалам и беседам дело об этой группе студентов рисуется в следующем виде. В феврале 1935 г. комиссия горкома ВКП (б) увидела на стенах химтехникума стенную газету, датированную 7 декабря, с явно антисоветским памфлетом под заголовком «Суд идет». Авторами и вдохновителями его были студенты:

¹ См.: Берлинтейгер Б. И. Судьба мышонка, родившего гору контрреволюции // Наша газета. 1996. 11 июля; Онищенко В. В. Суд над мышью // Политическое насилие в исторической памяти Германии и России: Сб. научных статей. Кемерово, 2007. С. 481-495; Галкин Н. В. «Мышиное дело» // Кузбасс. 2008. 9 сент.

Щадригин, Бойцев, Максимов и Князев. Этот памфлет мог не иметь той силы, если бы он не был помещен положительно на следующий день после опубликования решений ноябрьского пленума ЦК ВКП (б) и тотчас же после опубликования решений НКВД о расстреле контрреволюционеров-террористов после подлейшего убийства тов. Кирова С. М.

В поэме «Суд идет» излагается, прежде всего, о голоде «мышья», который несколько дней не ел и недоумевает, почему нет совершенно пищи у людей. Второе — этого «мышья» за то, что он тумбочку изгрыз и хлеба не нашел у людей, судили. И третье: «именем РСФСР выездная сессия Верховного суда в составе...» постановила приговорить «мышья» за это к «высшей мере социальной защиты» и т.д.

По первому впечатлению — поэма безобидна, но совпадение ее с временем после решения об отмене карточной системы и опубликованием приговора над террористами оказалось неслучайно. Когда товарищи предложили автору памфлета — студенту Бойцеву — написать опровержение, то он категорически отказался. После знакомства с ним как, с политическим лицом, оказалось, что он был и раньше с антисоветскими настроениями. Например, по вопросу об искусстве Бойцев не раз доказывал, что наше советское искусство несвободно и находится все время под буржуазным влиянием.

Соавтор и участник «Суда» студент Максимов оказался автором явно контрреволюционного дневника, запись которого велась очень искусно: строки дневника писались между строк печатной книги.

Главный вдохновитель «суда» и памфлета студент Щадригин еще в 1933 г. был исключен из комсомола за дискредитацию решения ЦК о ширпотребе и оказался членом одной контрреволюционной группы молодежи. Дело о всей этой группе находится в процессе разработки.

Все трое по решению прокурора были арестованы и обвиняются: Бойцев и Максимов по ст. 58-10, а Щадригин — по ст. 58-10, 11, 9, 2.

Бывший студент техникума Князев под арест не брался и находится под подпиской, квалифицировав ему обвинение как хулиганство (так в тексте — Н. Г.).

Князев работает лаборантом в центральной лаборатории ККС, и ему предоставлено право осенью сдать дипломные работы за техникум.

По всем этим данным со стороны прокурора и НКВД, по-моему, поступлено правильно,

и бывшие студенты Бойцев, Максимов и Щадригин должны будут понести соответствующее наказание.

Расследование этого дела показало, что в химическом техникуме руководители оказались ротозеи, потерявшие революционное чутье. Руководители химтехникума по решению бюро ГК получили соответствующие партвзыскания.

Якушин, секретарь Кемеровского ГК ВКП(б).

Приведенный архивный документ необходимо вкратце прокомментировать. Во-первых, что касается судьбы И. И. Бойцева и П. Г. Максимова, то в нашей краеведческой литературе указывалось, что оба этих бывших студента получили одинаковый срок — по 3 года каждый. Но что с ними стало впоследствии, до сих пор остается неизвестным. Мы надеемся, что читатели, знающие что-либо о дальнейшей судьбе Бойцева и Максимова, откликнутся на эту нашу публикацию.

Несколько слов о Степане Щадригине (в некоторых документах — Щедрыгине). В письме Якушина говорится о том, что этот студент в 1933 г. исключался из комсомола «за дискредитацию решения ЦК о ширпотребе». (Его провинность состояла в том, что Щедрыгин прибил к стене в химтехникуме лист грязной измятой бумаги и подписал: «Ширпотреб»). Якушин сообщает также, что Щедрыгин, якобы, входил в только что разоблаченную в Кемерове «контрреволюционную группу молодежи». Действительно, автору этих строк в свое время доводилось держать в руках такой документ. (В 1990-х гг., во время одной из командировок в Новосибирский областной госархив). Помнится, в том архивном документе был список молодых кемеровчан-фигурантов дела, и среди них значилась фамилия Щедрыгина. В 1936 г. все участники «контрреволюционной группы» получили сроки, так что судьба Щедрыгина, увы, ничем не отличалась от печальной участи его друзей по техникуму — Бойцева и Максимова. (И точно так же, как в случае с его друзьями, нам до сих пор ничего не известно о дальнейшем жизненном пути этого человека).

О Семене Степановиче Князеве известно несколько больше. Ему, действительно, дали возможность закончить Кемеровский коксохимтехникум, защититься и получить диплом техника-технолога в том же 1935 г. (Спасибо Эйхе!). Но положение новоиспеченного молодого специалиста оставалось достаточно шатким и двусмысленным. Ему надо было как-то

отличиться на трудовом поприще, каким-то образом «реабилитировать» себя в глазах местных советских властей...

А специалистом Семен Степанович, действительно, оказался высококлассным. И к тому же, талантливым коксохимиком. В 1984 г. в Кемерово увидело свет второе, расширенное и дополненное издание известной коллективной монографии по истории Кемеровского коксохимического завода. В конце первой части, рассказывающей о межвоенном периоде истории коксохимика, был помещен следующий красноречивый текст (в первом издании книги этот фрагмент отсутствовал):

«Кемеровский коксохимический завод в отличие от других, привязанных к доменным печам, работал на замкнутом балансе, для которого химия имела важное значение.

Чтобы обеспечить сырьевой базой, гарантирующей выполнение и расширение выработки химического сырья, требовался метод определения продуктов коксования, но его не было. В 1937 году сотрудник лаборатории С. С. Князев приступил к разработке анализа углей. По этой теме он защитил дипломный проект в институте.

С. С. Князев исследовал угли действующих шахт и среднемесячные пробы шихты, что дало возможность сравнивать выход продуктов коксования с лабораторными данными. И когда встал вопрос об увеличении выработки химического сырья, анализы шихты и угля проводились только по методу С. С. Князева.

Широкое применение этот метод нашел в годы Великой Отечественной войны, когда качество углей часто менялось, и газ подавался на азотно-туковый завод с низким содержанием водорода. Кроме того, он позволял контролировать полноту улавливания бензола, смолы, фенолов, аммиака»².

В архиве ОАО «Кокс», куда мы обратились за соответствующей справкой, удалось обнаружить личный листок по учету кадров нашего героя, а среди архивных документов бывшей КПСС — анкету и автобиографию кандидата партии С. С. Князева (в 1951 г. он вступил в ВКП(б))³. Изучение указанных документов позволило сделать вывод, что перед нами действительно тот самый Семен Степанович Князев (1914 г. рожд.), в июне (июле) 1935 г. окончив-

² См.: Берлинтейгер Б. И. Указ. соч.

³ См.: Онищенко В. В. Указ. соч. С. 495.

ший Кемеровский коксохимический техникум. С июля 1935 г. по апрель 1936 г. он работал техником-исследователем в Центральной научно-исследовательской лаборатории Кемерово-комбинатстроя (ККС). Затем вплоть до ноября 1937 г. служил в Красной Армии помкомвзвода в особой химической роте (между прочим, на Дальнем Востоке). Поскольку на период его нахождения в армии пришелся пик политических репрессий в Кемерове (и в ККС, в частности), то можно сказать, что Князеву вторично крупно повезло. Демобилизовавшись в самом конце 1937 г., он вернулся в Кемерово и в январе 1938 г. устроился на коксохимзавод старшим шихтовщиком. Насколько позволяют судить вышеуказанные документы, на этом предприятии и в этой должности наш герой проработал до начала 1950-х гг. И это все, что пока можно сказать о С. С. Князеве.

Кстати, в архиве ОАО «Кокс» нам подсказали

старый адрес Князева (по состоянию на 1953 г.): ул. Тобольская, 2, кв. 12. Однако, с тех давних пор слишком много воды утекло. Улица Тобольская стала улицей Рукавишниковой. Самое главное, совершенно поменялась нумерация домов, появились новые здания. Поэтому найти потомков Князева не удалось. (В указанной квартире живут совсем другие люди, и никто, включая соседей, слыхом не слыхивал о подобной фамилии). Так окончательно потерялся след Семена Степановича Князева. Но может быть, живы еще ветераны, знавшие и помнящие его? Может быть, проживают в Кемерове его родственники и, возможно, потомки? Очень хотелось бы надеяться, что наши читатели помогут прояснить судьбу этого неординарного человека, а также судьбы друзей его молодости — фигурантов «мышинного дела», ставших жертвами политического беззакония и беспредела 1930-х гг.

Когда текст этой статьи готовился к печати, в Кемеровский областной архив из архива УФСБ по Кемеровской области пришел официальный ответ следующего содержания:

«На Ваш запрос отвечаем, что в архиве УФСБ по Кемеровской области находятся на хранении архивные уголовные дела в отношении Максимова Павла Георгиевича, 1915 года рождения, уроженца г. Татарска Запсибкрая, и Щедрыгина Степана Ильича, 1913 года рождения, уроженца с. Каявушка Родинского района Запсибкрая.

Максимов арестован 10.03.1935 г.

Приговором Спецколлегии Западно-Сибирского краевого суда от 12.11.1935 г. Максимов П.Г. по ст. 58-10 УК РСФСР осужден к 3 годам лишения свободы.

Определением СК Верховного суда РСФСР от 05.01.1936 г. приговор Спецколлегии Западно-Сибирского краевого суда оставлен в силе.

Решением и.о. прокурора Кемеровской

области от 26.06.1992 г. Максимов П.Г. реабилитирован.

Щедрыгин С. И. арестован 26.04.1935 г. Приговором Западно-Сибирского краевого суда от 30.03.1936 г. Щедрыгин С. И. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР осужден к 4 годам лишения свободы.

Определением Верховного суда РСФСР от 04.08.1936 г. приговор Западно-Сибирского краевого суда от 30.03.1936 г. оставлен в силе. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 12.10.1961 г. отменены приговор Запсибкрайсуда от 30.03.1936 г. и определение Верховного суда РСФСР от 04.08.1936 г. и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Архив УФСБ России по Кемеровской области сведениями в отношении Бойцева И.И. и Князева С.С. не располагает. Сведений о дальнейшей судьбе Максимова П.Г. и Щедрыгина С. И. в архиве УФСБ России по Кемеровской области не имеется».

ИЗ ИСТОРИИ ХРАМА ВО ИМЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА НА КЕМЕРОВСКОМ РУДНИКЕ

Фрагмент плана
Кемеровского рудника,
выполненного Техническим
бюро Северного района
26 декабря 1922 г.

Сохранившаяся
фотография,
сделанная
одним из
колонистов. На
заднем плане,
вероятно,
Никольский
храм
Кемрудника

Отправной точкой в истории Никольского храма на Кемеровском руднике стало собрание служащих 19 марта 1917 г., на котором по единогласному вопросу повестки дня было решено просить администрацию построить церковь¹.

Но, правда, инициатива вызвала сдержанный отклик администрации, так как подобное строительство не было заложено в сметах по руднику, и в письме управляющему отмечено, что это может быть сделано не ранее постройки школы, больницы и других, учтенных в смете объектов².

Но на основании метрических книг за 1918-1919 гг., хранящихся в ГКУ КО «Государственный архив Кемеровской области», мы можем утверждать, что в 1918 году строительство уже было закончено, и 15 апреля 1918 года было совершено первое православное таинство — обряд крещения³.

О месте расположения данного храма мы можем судить по схеме застройки Красной Горки и шахты «Центральная» в период существования АИК /1922 — 1927 гг./ НПО «Памятники Кузбасса»⁴. К сожалению, остались неизвестными источники, на которые опирались специалисты НПО «Памятники Кузбасса» при создании данной схемы.

Еще одним документом, который позволяет нам уточнить место расположения храма, явля-

ется план Кемеровского рудника, выполненный Техническим бюро Северного района 26 декабря 1922 г.⁵ При сравнении его со схемой застройки НПО «Памятники Кузбасса», мы видим, что на плане 1922 г. примерно на том же месте стоит здание, помеченное крестом. Его очертания переданы буквально, южная часть напоминает апсиду. Оно стоит у бровки обрывистого правого берега, между зданием правления АИК и Владимировой штольней. На здание с предполагаемой апсидой ориентирована улица, значит, оно общественное, что тоже говорит в пользу церкви. Правда, есть одно большое «но»: предполагаемая апсида обращена на юг, а не на восток.

На чертеже Кемеровского рудника, сделанном в 1924 г.,⁶ здание предполагаемой церкви тоже присутствует, но уже крестом не помечено.

Такая разница объясняется закрытием церкви в 1923 г., о чем косвенно свидетельствуют документальный и литературный источники.

В протоколе № 34 заседания Президиума Кузнецкого окружного исполнительного комитета от 25 июня 1926 г. под № 25 рассматривалось ходатайство Кемерово-Красноярской религиозной общины о возврате колокола. В результате было принято решение отказать в связи с тем, что «1) колокол, принадлежащий

религиозной общине, самоликвидировавшейся в 1923 году; 2) вновь организовавшейся Кемерово-Красноярской религиозной общине этот колокол не принадлежит, и 3) колокол не является прямым культовым имуществом»⁷.

О том, что церковь была закрыта в 1923 г., можно понять, прочитав повесть «Товарищ Костыль. Приключения американского мальчика в Кемерове: сибирская хроника жизни Дэвида Пламмера 1922-1924». Ее написала колонистка Рут Кеннел, вернувшись на родину в США. В произведении большое внимание уделяется быту местных жителей того времени, описанию всего увиденного, в частности, церкви Кемрудника: «Вечером перед Пасхой комсомольцы... пошли на всеобщую в маленькую церковь, что находилась рядом с конторой у обрыва»⁸.

Другое сведение о церкви из этого литературного источника: «Обогнув здание конторы, они вышли к беленькой церквушке, украшенной зеленым шпилем. Рядом с ней находились старые бревенчатые бараки»⁹, - перекликается с надписью на английском языке на обратной стороне сохранившейся фотографии с храмом, сделанной одним из колонистов, где, в частности говорится о том, что «Низенький сарай справа был нашей первой общественной столовой», «Слева расположена белая церковь с зеленой башенкой-колокольней»¹⁰.

Упоминание о церкви мы найдем и в воспоминаниях Вешкуровой Т.С. о жизни комсомольцев 20-х годов Кемеровского коксохимзавода и рудника. «На скалистом берегу (правый) построена маленькая, но, надо сказать, вместительная и уютная церковь.

Как зазвонят сверху, все наши верующие внизу закрестятся и идут на гору молиться.

Собирались верующие Кемеровского рудника и химзавода. Из сел и деревень почти никого не было, так как в селе Щегловск и деревне Кемерово были свои церкви»¹¹.

По данным метрических книг нам известно число таинств, совершенных по обрядам православной церкви, в данном храме: в 1918 г. крещено 68 лиц мужского и 67 женского пола¹², совершено 25 венчаний¹³, отпето 59 лиц мужского и 42 женского пола¹⁴; в 1919 г. до 3 ноября крещено 102 лица мужского и 107 женского пола¹⁵, отпето до 1 декабря 61 лицо мужского и 63 женского пола¹⁶.

По метрическим книгам известно, что с апреля 1918 г.¹⁷ в этой церкви служил священник Петр Петрович Тюшняков. По разным ис-

точникам мы можем восстановить некоторые данные из его биографии. Родился он в 1865 г., окончил 1 класс Красноярского духовного училища. Определен псаломщиком 20 мая 1882 г., а 1 января 1896 г. рукоположен во дьякона. Состоял письмоводителем Томского попечительства о бедных духовного звания, контролером сумм за исполненные работы, поступающих в типографию Братства Св. Дмитрия Ростовского, в 1910 г. казначеем редакции «Томских епархиальных ведомостей», делопроизводителем совета детского приюта и дома трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском женском монастыре¹⁸, с 1906 г. занимал при этом же монастыре штатную дьяконскую должность¹⁹. В 1913 г. переведен на дьяконское место к Никольской церкви в г. Томске²⁰, но в том же году выведен за штат²¹. В 1914 г. определен на дьяконское место к Данииловской церкви г. Ново-Николаевска²². В 1914 г. рукоположен в сан священника к Знаменской церкви г. Томска²³. Резолюцией епископа Анатолия 14 ноября 1914 г. назначен настоятелем Меланиевской церкви ст. Тутальская²⁴, служил с декабря 1914 г.²⁵ до 23 августа 1915 г.²⁶ 12 августа 1915 г. резолюцией епископа Анатолия переведен на место священника к Михаило-Архангельской церкви с. Краснореченское²⁷. Резолюцией епископа Анатолия от 17 ноября 1916 г. переведен на место священника при Вознесенской церкви с. Верхотомское²⁸, где служил с 10 декабря 1916 г. по март 1918 г.²⁹ В 1923 г. служил при Никольской церкви с. Тяжинское³⁰. В 1924 г. был священником при Владимирской церкви с. Куликовское³¹.

С 15 августа 1918 г.³² по 29 июня 1919 г.³³ ему помогал исправляющий должность псаломщика Григорий Цымбалов. О нем известно не так много, выходец из крестьян Григорий Цымбалов резолюцией епископа Иннокентия 8 февраля 1917 г. был назначен исполняющим должность псаломщика к Введенской церкви с. Крохалевское³⁴.

С 29 сентября 1919 г.³⁵ к службе при данной церкви приступил дьякон Александр Стефанович Ильинский (10.12.1886, г. Томск - 8.10.1937, Новосибирская область), сын священника. Известно, что он окончил Томское духовное училище³⁶. Служил псаломщиком при Николаевской церкви с. Святославское с 24 марта 1903 г.³⁷ по 19 мая 1909 г.³⁸ Резолюцией епископа 27 апреля 1909 г. выведен за штат³⁹. Резолюцией епископа 4 декабря 1909 г. опре-

делен псаломщиком к Николаевской церкви с. Юрьевское⁴⁰, служил с мая 1910 г.⁴¹ С 1 декабря 1912 г.⁴² он служит на месте псаломщика при Косьмодемьянской церкви с. Вагинское, а 21 июля 1913 г. рукоположен во дьякона⁴³. С 1916 г. по 24 сентября 1919 г. служил при Михаило-Архангельской церкви с. Краснореченское. В период с 29.09.1919 по 19.08.1922 гг. был дьяконом, а с 19.08.1922 г. по 1.01.1932 г. священником при Кемеровской церкви⁴⁴, проживал в 1930 г. по ул. Коммунистическая, 149⁴⁵. С января 1932 г. в сане протоиерея служил в Преображенском соборе г. Кузнецка⁴⁶. С 12 июля 1932 г. по 10 июня 1935 г. служил в г. Топки. А 1.03.1936 г. вернулся и стал служить в Никольской церкви «деревни Кемеровой», где и проживал по адресу: улица Набережная, 9⁴⁷. Скорее всего, именно здесь он и был арестован 29.09.1937 г. как участник контрреволюцион-

ной организации «Трудовая крестьянская партия» и впоследствии по приговору «тройки» расстрелян⁴⁸.

О составе его семьи нам известно следующее. 25 июля 1905 г. он венчался с крестьянской дочерью Татьяной Порфирьевной Романовой (10.01.1886-) ⁴⁹. У них родились: сыновья - Михаил (5.11.1906⁵⁰ - 11.09.1907⁵¹), Владимир (1920-), Александр (14.12.1923-) 10 ребенок, из них в живых 5⁵², Геннадий (1931-); дочери — Мария (24.10.1909-) ⁵³, Лидия (2.03.1908-) ⁵⁴, работала учительницей⁵⁵, Августа (11.11.1911-) ⁵⁶, Галина (1926-), Зоя.

Таковы достоверно известные факты по истории храма во имя Николая Чудотворца на Кемеровском руднике. Но остается еще довольно много страниц в его истории, которые ждут своего исследователя.

(Endnotes)

- 1 ГКУ КО «Государственный архив Кемеровской области» (далее – ГАКО). Ф. Д-13. Оп. 1. Д. 20а. Лл. 1-2об.
- 2 Там же. Л. 6.
- 3 ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 6. Д. 383. Лл. 29об. – 30.
- 4 Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области № 521 за 2010 г. // Фонды МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
- 5 ГАКО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 570. Лл. 2-3.
- 6 Фонды МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
- 7 ГАКО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 4. Л. 156.
- 8 Кеннел Р. Э. Товарищ Костыль. Приключения американского мальчика в Кемерове: сибирская хроника жизни Дэвида Пламмера 1922-1924. Кемерово: АРФ, 2008. С. 67.
- 9 Там же. С. 24.
- 10 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 626. Оп. 1. Д. 14. Фотография 87.
- 11 ГАКО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 218. Лл. 10об.–11.
- 12 ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 6. Д. 383. Л. 52об.
- 13 Там же. Оп. 6. Д. 303. Л. 71об.
- 14 Там же. Оп. 6. Д. 347. Л. 262 об.
- 15 Там же. Л. 217 об.
- 16 Там же. Оп. 6. Д. 383а. Лл. 329-329об.
- 17 Там же. Оп. 6. Д. 383. Л. 30.
- 18 Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 год. Томск: Типография Приюта и дома трудолюбия, 1911. С. 96.
- 19 Справочная книга по Томской епархии. Томск: печать С. П. Яковлева, 1914. С. 59.
- 20 Томские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1913. № 12.
- 21 Там же. 1913. № 13.
- 22 Там же. 1914. № 5.
- 23 Там же. 1914. № 7.
- 24 Там же. 1914. № 23.
- 25 ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 6. Д. 189. Л. 138.
- 26 Там же. Оп. 6. Д. 115. Лл. 109-138.
- 27 ТЕВ. 1915. № 17.

- 28 Там же. 1916. № 23.
- 29 ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 6. Д. 14. Лл. 185 об. – 210.
- 30 Там же. Ф. Р-603. Оп. 2. Д. 2. Лл. 58об.–59.
- 31 Там же. Ф. Р-594. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.
- 32 Там же. Ф. Д-60. Оп. 6. Д. 303. Л. 68об.
- 33 Там же. Оп. 6. Д. 347. Лл. 188-205.
- 34 ТЕВ. 1917. № 4.
- 35 ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 6. Д. 347. Л. 213.
- 36 Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 год. Томск: Типография Приюта и дома трудолюбия, 1911. С. 303.
- 37 ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 4. Д. 95. Л. 210.
- 38 Там же. Оп. 4. Д. 368. Лл. 1-213.
- 39 ТЕВ. 1909. № 10.
- 40 Там же. 1910. № 1.
- 41 ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 4. Д. 511. Л. 2.
- 42 ТЕВ. 1912. № 24.
- 43 Справочная книга по Томской епархии. Томск: печать С. П. Яковлева, 1914. С. 221-222.
- 44 ГАКО. Ф. Р-167. Оп. 2. Д. 1. Л. 145а.
- 45 Там же. Ф. Р-15. Оп. 2. Д. 291. Л. 3.
- 46 Можженская А. А. Спасо-Преображенский собор г. Кузнецка как объект раздора обновленцев и тихоновцев в 1920-е годы // Из кузнецкой старины. Вып. 1. Новокузнецк: Изд-во «Полиграфист», 2010. С. 132.
- 47 ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 40. Л. 29.
- 48 Новомученики и исповедники земли Кузнецкой/науч. ред В. А. Волчек. Кемерово: ООО «СКИФ», 2011. С. 182-183.
- 49 ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 4. Д. 290. Лл. 44об.–45.
- 50 Там же. Оп. 4. Д. 95. Лл. 347об.–348.
- 51 Там же. Оп. 4. Д. 357. Лл. 76об.–77.
- 52 Там же. Ф. Р-1239. Оп. 1. Д. 592. Л. 12.
- 53 Там же. Ф. Д-60. Оп. 4. Д. 453. Лл. 33об.–34.
- 54 Там же. Оп. 4. Д. 368. Лл. 87об.–88.
- 55 Там же. Ф. Р-15. Оп. 2. Д. 291.
- 56 Там же. Ф. Д-60. Оп. 4. Д. 554. Лл. 462об.–463.

АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА КЕМЕРОВО ПО ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПЛАНУ 1969 ГОДА

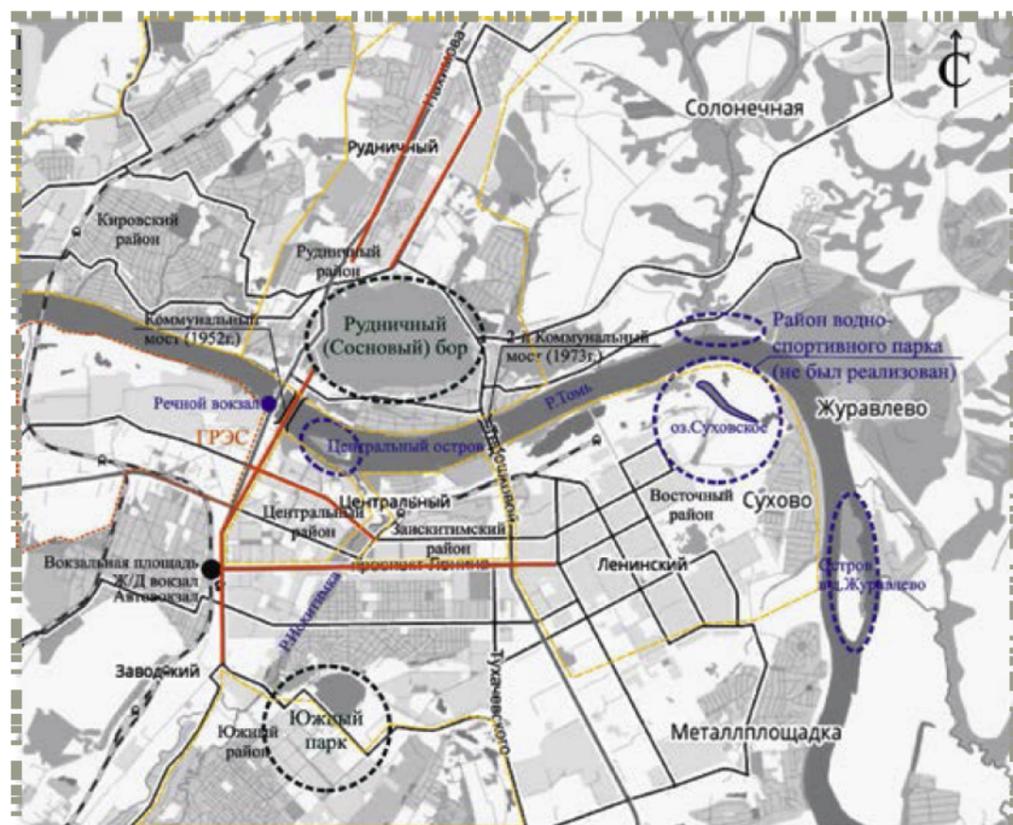

Схема размещения основных доминант генерального плана 1969 года в наложении на план современного города.

Условные обозначения:

- Основные планировочные оси
- - - Планируемые территории пляжей / водно-спортивных комплексов
- - - Парки, зоны озеленения
- - - Промышленные территории
- - - Условные границы районов
- = Мосты

**КРАСНАЯ
ГОРКА**

Пересечение
улицы Весенней
и Советского
проспекта

Проект архитектора
Моисеевко

Улица Кирова

Период 1950-1970 гг. можно по праву назвать периодом расцвета г. Кемерово. Именно в это время численность населения превосходит планируемую, а город стремительно растет и развивается — строятся общественные центры, открываются институты, библиотеки, закладываются парки, дорожная сеть развивается во всех направлениях. Кемерово, наконец-то, получает полноценную связь лево- и правобережных частей посредством строительства Коммунального моста в 1952 году (до этого мост был только понтонный и работал только в летнее время). В 1950 г. открывается горный институт, в 1954 — педагогический, в 1956-медицинский, в 1969-институт культуры, а в 1973 — институт пищевой промышленности. Создание образовательной базы притягивает в город все больше и больше населения из близлежащих областей, что ведет за собой развитие жилой и общественной застройки. Квалифицированные кадры, выпускаемые институтами, приводят к росту и развитию промышленности в Кемерове.

Развивающийся город требовал нового проекта планировки. Так в 1969 году был создан проект генерального плана Кемерово. Он являлся корректировкой проекта, разработанного «Гипрогором» в 1958 году (проектный институт «Гипрогор» создавался в Москве. В конце 1934 г. его перевели в Ленинград. В настоящее время он снова находится в Москве). По разработанному плану, Кемерово был расположен на обоих берегах реки Томи и имел довольно компактную структуру расселения. Немалую роль в развитии города играл рост химической промышленности. Из новых промышленных предприятий по проекту в городе размещался завод металлургического оборудования с количеством кадров около 30 тысяч человек на перспективу. Реконструкция существующих предприятий и появление новых влекли за собой увеличение численности населения на проектный срок до 650 тысяч человек, что потребовало бы значительного количества территорий для размещения нового строительства.

Для жилищного строительства занимались площадки, наиболее благоприятные как в природном, так и в градостроительном отношении. Они были расположены на более высоких отметках по сравнению с вредными химическими предприятиями и в достаточном удалении от них. Вся жилая застройка города складывалась из пяти крупных планировочных районов: Цен-

трального, Заискитимского, Восточного, Южного и Рудничного. Сравнительно небольшой массив жилого фонда сохранялся в Кировском районе. Центральный район несколько укрупнялся за счет присоединения к нему части Заводского района. Планировочный район должен был складываться из нескольких жилых районов с числом жителей в среднем около 30 тысяч в каждом. В жилых районах проектировались свои общественные центры с прилегающими садами, с набором необходимых учреждений культурно-бытового обслуживания. В каждом районе предусматривалось строительство общественного центра.

Река Томь являлась основным природным фактором, влияющим на структуру городской застройки, а также основной архитектурно-планировочной осью города. Она обрамлялась широким поясом зеленых насаждений. Система центральных улиц и площадей трассировалась параллельно Томю. Эти направления подкреплялись и системой городских магистралей. Для связи районных центров между собой проектировалась сеть районных магистралей.

Центр Кемерово был запроектирован с учетом исторически сложившегося ядра города и являлся его продолжением и развитием. Основной осью центра служило продолжение проспекта Советский вдоль реки Томь в Заискитимском районе. По этой проектируемой магистрали размещаются торговые, культурно-бытовые, просветительские и общественные здания. Со стороны реки эта эспланада оформлялась жилыми группами особого типа с повышенным комплексом культурно-бытового обслуживания, с улучшенной планировкой квартир и с выразительным архитектурным решением жилых домов, выполненных по индивидуальным проектам. Между жилыми группами организовывались широкие выходы, связывающие центр города с набережной реки, решенной в виде широкого бульвара с постановкой в нем отдельно стоящих общественных зданий, с широкой парадной прогулочной аллеей, с пешеходным мостом, связывающим центр города с островом и расположенными на нем пляжами.

Дальнейшее развитие центральной оси предусматривалось в Восточный район и подкреплялось выходом на нее центров жилых и планировочных районов, а также постановкой вдоль нее ряда учебных заведений, объединенных в один ансамбль внутренней осью и имеющих активные раскрытия в сторону реки.

Архитектурный проект Весенней

Строительство жилых комплексов в центральной части Кемерово.

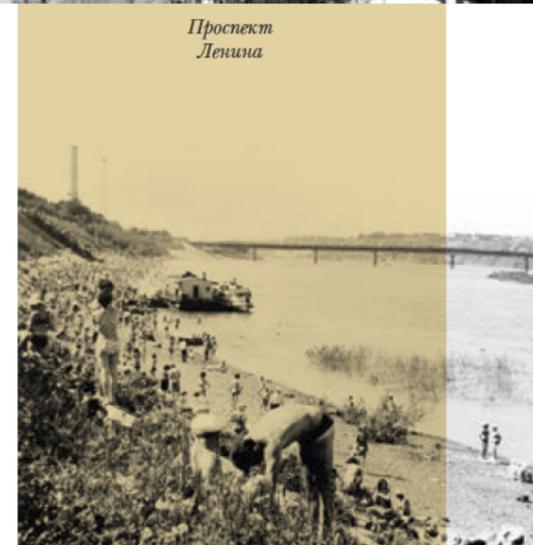
Площадь Пушкина

Речной транспорт на Томе

Проспект Ленина

Городской пляж с видом на коммунальный мост

Перпендикулярно к главной оси и в ее поддержку проектировалась ось, идущая с юга на север с переходом через Томь в Рудничный район (сегодня это пр. Кузнецкий). В ее поддержку организовывались дополнительные оси вдоль русла реки Искитимки, а также проектировался бульвар по границе Восточного и Заискитимского районов. На правом берегу в Рудничном районе также проектировались дополнительные архитектурно-композиционные оси (сегодня — пр. Шахтеров, ул. Нахимова) с выходом к Томю и к Сосновому (Рудничному) бору. В самом бору проектировались лыжные трассы различных категорий. На другом берегу Томю, напротив Рудничного бора, у коммунального моста предполагалось строительство общегородского стадиона со спортивным залом. Организация водного спорта намечается в излучине Томю в Восточном районе, напротив деревни Журавли на базе существующих озер. Наконец, в Южном городском парке предполагалось строительство ипподрома и выставки достижений народного хозяйства. Создание благоустроенных пляжей предусматривалось на центральном острове, на острове Жургавань, а так же на правом берегу Томю в районе деревни Журавли и на левом — в районе водно-спортивного парка на базе существующих озер (оз. Суховское близ д. Сухово).

С местами отдыха Кемерово связывался автобусным и речным сообщением. Для этой цели у существующего коммунального моста вблизи ТЭЦ проектировался речной вокзал, а для организации автобусного сообщения расширялся автовокзал, расположенный на Вокзальной площади. В 1965 году возле автовокзала был построен новый железнодорожный вокзал.

В систему генерального плана закладывалась открытая планировочная структура, дающая возможность развиваться городу в северо-восточном и южном направлениях.

По новому генеральному плану предусматривалось завершение строительства узловой сортировочной станции и проведение работ, связанных с реконструкцией грузовых и пассажирских устройств. Предусматривалось усиление пропускной способности данного узла путем строительства вторых путей на перегонах, введения электрифицированной тяги, автоблокировки и диспетчерской централизации.

Трассы дорог Новосибирск-Кемерово-Красноярск и Новокузнецк-Кемерово-Томск,

а также трасса дороги Кемерово-Анжеро-Судженск не проходили вне территории перспективной застройки города. Поэтому проектом предусматривалось создание «большого кольца» вокруг города на расстоянии 25-10 км, объединяющего все без исключения подходы автодорог.

Сооружения внешнего транспорта (авто, ЖД, речной вокзалы и аэропорт) по проекту имели удобные подходы, связывающие их с магистральными путями транспорта, а через них с центром города, промрайонами, а также между собой.

Пересечение основных улиц и дорог с железными дорогами решалось в разных уровнях, и, как правило, дублировалось сохранением существующих переездов или резервированием специальных территорий для возможности организации такого пересечения. Пересечение в разных уровнях улиц и дорог между собой дублировалось организацией пересечений в одном уровне на близлежащих перекрытиях.

Возможность пересадки с одного вида транспорта на другой гарантировалась организацией конечных пунктов маршрутов городского транспорта вблизи ЖД, авто- и речного вокзалов или у пассажирских платформ электрифицированной железной дороги. Устройства хранения и ремонта всех видов городского транспорта размещались в различных районах города, преимущественно на периферии.

Таким образом, Кемерово по проекту 1969 года все больше приближался по своей планировке к современному городу. Многие здания и сооружения, возведенные в этот период, сохранились до настоящего времени в практически неизменном состоянии. Именно в 50-70 гг. Кемерово получает свое максимальное развитие благодаря появлению в городе университетов, бурному развитию химической промышленности. Однако многие решения, заложенные по проекту, так и не удалось реализовать: не был построен Центр водного спорта, оформлены городские пляжи. Система зеленых насаждений не получила проектируемого развития. Городские магистрали так и не были связаны «в кольцо» за пределами города, и в настоящее время город не имеет объездных автодорог.

Набережная в Кировском районе

Литература:

Кемерово. Город, удобный для жизни. Альбом. Кемерово: АРФ 2009. – 160 с.

Кемерово: вчера, сегодня, завтра / Управление архитектуры и градостроительства города Кемерово; [гл. ред. Ю.Г. Ефимовский], 2013. – 99 с.

Королев, В. Кемерово. Лумумба с Омской улицы. Об улицах Кемерово - Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/ekaterina_-siberian/post379078079/html. [12.01.2018]

Усков, И.Ю. Кемерово: формирование территории и населения областного центра. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 82 с.

Черемнов, С.И. Старый Кемерово: фото 1940-х – 1970-х годов - Режим доступа: <http://слово-сочетание.рф/album/Staruy-Kemerovo:foto-1940-h--1970-h-godov> [12.01.2018]
Шалакин Г. Кемерово. С любовью к городу 1982-2007. Кемерово: Книга, 2007. – 183 с.

Из коллекции
«Музея-заповедника
«Красная Горка»

Сурина Э.В.

«Оттепель», 2004, х/м.

ИСТОРИЯ КЕМЕРОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ

Коллектив Кемеровского
отделения Союза художников
РСФСР, 1960 г.
(из книги М. Чертовой
«Художники Кемерово.
1930е – 2003»)

Среди фондов Государственного архива Кемеровской области немалое место занимают фонды общественных организаций. Одна из таких организаций — Кемеровское отделение Союза художников РСФСР.

История Кемеровского отделения Союза художников началась 19 сентября 1946 года, когда решением исполнительного комитета Кемеровского областного Совета в городе Кемерово было утверждено товарищество Всероссийского союза кооперативных товариществ работников изобразительного искусства «Всекохудожник» с филиалами в Новокузнецке и Киселевске — оно стало первым объединением художников Кузбасса. В 1950 году товарищество художников Кузбасса стало филиалом Новосибирского отделения Союза художников РСФСР.

Художники Кемеровской области активно и успешно принимали участие в областных и зональных выставках, проявили высокий уровень мастерства и благодаря этому по решению зональной конференции художников Сибири и Дальнего Востока, состоявшейся в 1956 году, художники Кемеровской области получили право на самостоятельную творческую организацию в системе Союза художников РСФСР. Уже 22 декабря 1957 года было утверждено Кемеровское отделение Союза художников РСФСР.

При создании организации в ее состав вошли десять членов Союза художников: А. М. Ананьин, А. В. Акцынов, Н. И. Бачинин, Г. Н. Баранов, А. Н. Кирчанов, И. П. Кузнецов, Ю. И. Прейсс, В. С. Зевакин, П. А. Чернов и В. Е. Цибарев, а также десять кандидатов в члены Союза.

Количество членов Союза постоянно росло, увеличивалось и число кандидатов на вступление. К середине 1960-х годов состав Кемеровского отделения Союза художников РСФСР вырос в несколько раз по сравнению с первыми годами своего существования. Согласно справке о количественном и качественном составе Кемеровского отделения Союза художников РСФСР на 1 января 1967 года, в составе творческого союза числился тридцать один художник. Численно преобладали живописцы — их было семнадцать, а также графики — восемь. Гораздо меньше было скульпторов, всего трое — Г. Н. Баранов, Н. Н. Михайловский и Г. С. Трофимов. Возраст большинства кузбасских художников варьировался от 35 до 50 лет:

среди них был двадцать один представитель данной возрастной категории. Восемь художников были моложе 35 лет, а трое — старше 50. Подавляющее большинство членов местного отделения — мужчины, так как женщин в союзе на тот момент почти не было, только Л. М. Акцынова. По партийной принадлежности двенадцать человек являлись членами или кандидатами в члены КПСС, а членов ВЛКСМ не было даже среди кандидатов в члены Союза.

В 1962 году Кемеровское отделение Союза художников РСФСР переехало в новое здание — «Дом художника», где разместились правление Союза художников, художественный салон и двенадцать художественных мастерских.

Главными направлениями деятельности Кемеровского отделения стали выставочно-творческая деятельность, всесторонняя поддержка художников, подготовка и поддержка нового поколения художников, пропаганда изобразительного искусства, издательская деятельность. По каждому из названных направлений велась активная работа, которая на разных стадиях имела переменные успехи.

Одной из главных форм работы отделения художников была, безусловно, выставочная деятельность. Еще до образования Кемеровского отделения Союза художников РСФСР художники Кузбасса многократно участвовали в областных выставках, поэтому с первых лет существования местного отделения союза его члены продолжили свою творческо-выставочную деятельность.

Одним из важнейших событий в жизни художников региона стала республиканская выставка «Советская Россия». В ней приняли участие четырнадцать кузбасских художников — живописцев, графиков, скульпторов. Творческий подъем при подготовке к выставке продемонстрировали такие художники как К. М. Ананьин, Р. Г. Берг, А. Л. Гландин, А. С. Гордеев, В. С. Зевакин, А. Н. Кирчанов, А. С. Холодов и другие. Еще одним выдающимся моментом выставочной деятельности местного отделения Союза стала зональная выставка «Сибирь социалистическая», в которой участвовало тридцать пять художников-кузбассовцев. Ее цель — показать рабочие подвиги родного края, раскрыть образ Кузбасса.

Очень часто крупные выставки, в которых принимали участие члены Кемеровского отделения Союза художников, были приурочены к юбилеям и годовщинам важных для страны

Кузбасский график
А. М. Ананьин – участник
зональной художественной
выставки «Сибирь
социалистическая»,
(ГАКО. Фотофонд,
к. оп. нег., д. 530, л. 1).

событий. Особой темой для проведения выставок стала Великая Отечественная война. Традиционными стали выставки, приуроченные к празднованию юбилеев Октябрьской революции. Целями таких выставок являлось патриотическое воспитание граждан.

Проводились групповые выставки, работы для которых подбирались по таким признакам, как общая тематика, общий стиль, общая направленность. В 1960 году двенадцать кузбасских художников приняли участие в групповой выставке. В первые годы существования Кемеровского отделения Союза художников персональные выставки были более редким явлением, нежели групповые, однако с течением времени ситуация изменилась. Стали проводиться юбилейные выставки художников, примером этого может служить юбилейная выставка А. С. Гордеева 1965 года. В 1967 году были проведены персональные выставки А. Н. Кирчанова, А. С. Холодова, А. М. Ананьина, В. П. Овчарова, Л. М. Акциновой и других художников.

Принимали участие кузбасские художники и в выставках, проводимых за пределами области. В 1966 году в Красноярске прошла выставка художников-графиков из Кемеровской области. Участие в ней приняли такие художники, как А. М. Ананьин, Р. Г. Берг, Н. Г. Бурцев, Р. А. Галков, А. С. Гордеев, Ю. Г. Лобузов, В. П. Малыгин, Н. К. Новосельцев, М. А. Паньков, О. А. Пинаев, Ю. И. Прейсс, А. М. Пресняков, В. А. Селиванов, А. С. Холодов, К. А. Цветков, Н. М. Шемаров и другие. Таким образом, дея-

тельность художников Кузбасса включилась в творческую жизнь всей страны.

Еще одной стороной работы Кемеровского отделения Союза художников РСФСР стали многочисленные встречи с работниками предприятий, шахтерами, учащимися школ и т. д. На подобных встречах художники рассказывали об особенностях своей работы, приглашали посетить выставки. Встречи проводились регулярно и были призваны привлечь внимание рядовых жителей области к изобразительному искусству. Помимо этого, члены Союза выступали с лекциями, проводили беседы на тему изобразительного искусства, выступали на радио и телевидении. Проводились выставки в клубах и домах культуры, организованных при предприятиях и учреждениях области. Они проводились с целью привлечения к искусству как можно большего количества людей, не заинтересованных в целенаправленном посещении выставок в свободное от работы время ввиду своего плотного графика.

В качестве примера можно привести отрывок из справки о выставочной деятельности Кемеровского отделения Союза художников РСФСР: «Кемеровским отделением Союза художников РСФСР за последнее время была проведена большая работа по пропаганде изобразительного искусства среди трудящихся области. Только в 1964-1965 годах Кемеровским отделением Союза художников было организовано около 20 стационарных и передвижных выставок в городах и селах Кузбасса, 15 творческих встреч художников с трудящимися, про-

Художник А. Н. Кирчанов
у картины «Пастух»,
1964 г.
(ГАКО. Фотофонд,
оп. 8д, д. 576, л. 1).

читано около 150 лекций и бесед об изобразительном искусстве».

Из членов Союза художников образовывались творческие группы, которые работали над сериями картин о конкретных предприятиях. Часто такие работы передавались заводам, совхозам, клубам и домам культуры, что укрепляло связи художников с тружениками Кузбасса. Например, в 1965 году А. С. Холодов, В. П. Овчаров, К. М. Ананьин, И. П. Кузнецов и В. П. Белов работали на Западно-Сибирском металлургическом комбинате и в качестве творческого отчета о проделанной работе, экспонировали свои произведения перед молодыми строителями прямо на стройке.

Помимо написания картин, художники Кемеровского отделения Союза художников РСФСР проводили большую работу по благоустройству городов Кузбасса. Например, художниками А. И. Артемьевым, Р. Г. Бергом, А. Н. Кирчановым была проведена разработка эскизов въездов в Кемерово и Ленинск-Кузнецкий, Р. Г. Берг, А. Н. Кирчанов, Е. И. Коньков и Н. К. Новосельцев занимались оформлением кемеровского железнодорожного вокзала. Оформление фасадов и интерьеров зданий, проектирование площадей и прочие работы по оформлению городов области были одним из наиболее успешных направлений деятельности Кемеровского областного отделения Союза художников РСФСР.

В 1969 году Государственный архив Кемеровской области принял на хранение первую часть фонда, состоявшую на тот момент из

двадцати восьми единиц хранения, в апреле 1985 года правление Кемеровского отделения Союза художников передало на хранение в архив вторую часть документальных материалов.

Объем фонда в настоящее время составляет семьдесят пять единиц хранения. Материалы фонда охватывают период с 1950 по 1974 годы: в его состав также вошли и некоторые документы, созданные до образования организации. Документы фонда представлены в виде протоколов заседаний правления, штатных расписаний и смет административно-хозяйственных расходов, планов работы, отчетов, книг отзывов посетителей о выставках, а также многочисленных каталогов, брошюр, книг, плакатов. Номер фонда – Р-975.

Значительную часть фонда представляют протоколы заседаний правления Кемеровского отделения Союза художников РСФСР. В фонде находится двенадцать единиц хранения, отражающих ход заседаний, на которых обсуждались важнейшие моменты деятельности отделения. В протоколах поднимается немало важных вопросов различного характера относительно подготовки к выставкам и их проведения, создания необходимых условий для работы художников, приема в члены Союза художников и в кандидаты. Рассматривались заявления членов союза об оказании им творческой помощи, решались вопросы о командировках.

Помимо этого, члены правления выявляли недостатки в работе организации, разбирали нарушения в работах по выполнению заказов, обсуждали вопросы дисциплинарного характе-

Художник-портретист
И. Филчев, 1979 г.
(ГАКО. Фотофонд, к.
оп. н.г., д. 2199, л. 1).

Художник-график
А.С. Гордеев, 1964 г.
(ГАКО. Фотофонд, к.
оп. н.г., д. 2205, л. 1).

ра. Например, согласно протоколу № 12 расширенного заседания правления Кемеровского отделения Союза художников РСФСР от 19 октября 1966 года было принято решение об исключении одного из членов Союза художников «за аморальное поведение, выражающееся в сожительстве с двумя женами, от которых есть дети, и за недобросовестное отношение к поручению как председателя комиссии по распределению работ художникам». 2 октября 1972 года правление разбирало и обсуждало «недостойное поведение группы художников в общественных местах, выражающееся систематическим появлением их в нетрезвом виде». К счастью, подобные проблемы встречались довольно редко и быстро решались.

Большой интерес представляет такая часть фонда, как книги отзывов посетителей о выставках, ведь именно в них отражено отношение кузбассовцев к творчеству художников — членов Союза. Формат книг и их внешний вид различен: от тонкой тетради в линейку до внушительных размеров альбома для рисования. Всего книг в составе фонда четырнадцать, и отзывы, оставленные в них людьми разных возрастов и профессий, самые разнообразные. Посетители художественных выставок могли писать в них что угодно, поэтому отзывы различаются по объему и содержанию.

Гости оставляли как индивидуальные мнения о выставке, так и коллективные, по-скольку нередко выставки посещались группами: приходили школьники, студенты, работники предприятий: «Уважаемый тов. Новосельцев Н. К! Коллектив Кемеровского Военного городка горячо благодарит Вас за картину «Народные

мстители», в которой очень хорошо показан патриотический образ советской девушки. И высоко ценит вашу картину. Желаем в дальнейшем огромных творческих успехов в вашей работе».

Большинство отзывов посетителей положительные. Кузбассовцы выражали свою признательность как отдельно взятым художникам, так и всем участникам выставки в целом. Многие гости также отдельно отмечали те произведения, которые произвели на них наибольшее впечатление. Зрители оставляли различные пожелания художникам, передавая в их адрес множество теплых слов и желая им дальнейших творческих успехов.

Но не обходилось и без негативных отзывов, и, если среди положительных отзывов могло наблюдаться некоторое однообразие, то среди негативных подобного нет. Люди, оставившие отрицательные отзывы, реагировали на работы художников совершенно по-разному. Многие граждане стремились подробно и грамотно объяснить свою позицию, отдельно выделяя художников, чьи работы наименее пришлись им по вкусу. Некоторые обращались к конкретному художнику, например: «Тов. Кирчанов! Яблоки, изображенные на Вашем натюрморте, Вы бы едва купили из-за их сомнительного ядовито-зеленого цвета. Зритель хочет видеть жизненный реализм, изложенный талантом художника, а не абстракцию, дурно пахнущую футуризмом».

Но далеко не все посетители четко аргументировали свои отрицательные отзывы. Кто-то кратко выражает свое мнение: «Здесь представлены плохие работы» (д.7, л. 6). Находи-

лись даже те, кто категорично, без каких-либо объяснений требовали: «Картину Овчарова «Доярки купаются» снять немедленно!».

На страницах книг отзывов можно встретить также и исправления анонимных редакторов. То и дело встречаются ремарки неизвестных граждан, не согласных с мнением других посетителей: «Неправда!» и даже «Товарищи! Неправильно, вы — ослы!». Некоторые отзывы и вовсе зачеркивались несогласными. Порой завязывались даже целые диалоги. К примеру: «Выставку посмотрели. Ничего» и рядом: «Вот именно: ничего хорошего».

И все же находились неравнодушные люди, которые после прочтения плохих отзывов, поддерживали художников, ставших жертвами жесткой критики: «Тов. Кирчанов! Продолжайте работать в том же духе, не смотрите на этих глупцов, которые ничего не понимают в искусстве и не имеют своего собственного мнения».

Среди документов фонда содержатся планы работы правления Кемеровского отделения Союза художников РСФСР — шесть дел. В них можно найти информацию по планированию проведения мероприятий с указанием места, времени и ответственных лиц. Такими мероприятиями могли быть различного рода выставки, недели изобразительного искусства, творческие поездки художников, выступления на радио, телевидении или в печати, заседания членов правления и многие другие.

В Государственном архиве Кемеровской области хранится и различного рода отчетная документация о работе Кемеровского отделения Союза художников РСФСР. Восемь дел, среди которых отчеты и материалы по выставочной деятельности, отчеты о выполнении планов по труду, отчеты по исполнению смет расходов позволяют получить информацию о результатах проведения различного рода мероприятий, выставок, творческих встреч, данные о средствах, затраченных на проведение мероприятий, обе-

спечение деятельности организации и на социально-бытовые нужды, а также сведения о выполнении планов работы правления Кемеровского отделения Союза художников.

Кемеровское отделение Союза художников РСФСР передало на хранение в архив также штатные расписания и сметы расходов, из которых было сформировано четырнадцать дел. Согласно штатному расписанию, в местном отделении Союза художников числилось всего две штатные должности — председатель и бухгалтер. Помимо указания должности и количества штатных единиц в документах прописан и должностной оклад. Здесь же можно найти информацию о расходах организации за календарный год.

Передана в фонд и переписка правления Кемеровского отделения Союза художников РСФСР с правлением Союза художников РСФСР, включающая в себя входящую документацию из Москвы по вопросам основной деятельности.

В фонд также вошли печатные материалы о деятельности Кемеровского отделения Союза художников РСФСР. Среди них каталоги выставок, брошюры с репродукциями картин художников, буклеты о жизни и творчестве художников, а также книга «Художники Кузбасса», выпущенная в 1963 году Ленинградским издательством, охарактеризовавшая и обобщившая творческий рост коллектива Кемеровского отделения Союза.

Материалы фонда Кемеровского отделения Союза художников РСФСР могут быть интересны исследователям, занимающимся изучением культуры Кемеровской области второй половины XX века, изучающим историю становления общественных организаций города Кемерово и тем, кто заинтересован в изучении искусства Кузбасса: живописи, графики, скульптуры.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 4.
3. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 7.
5. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 9.
6. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 10.

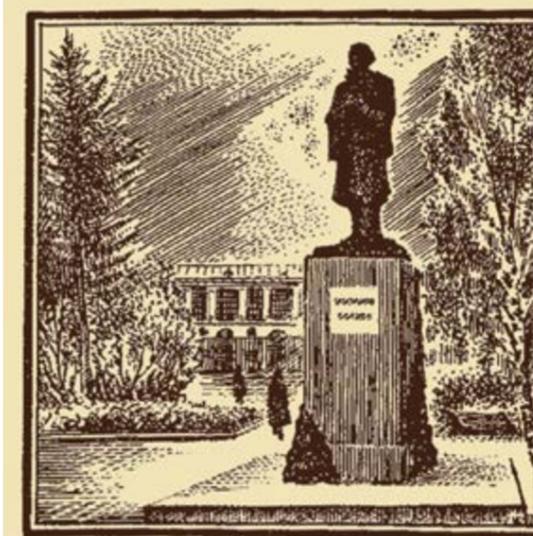
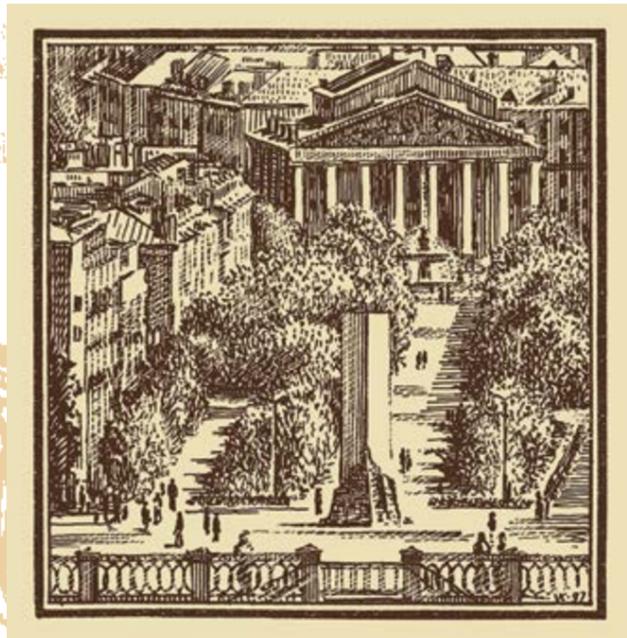
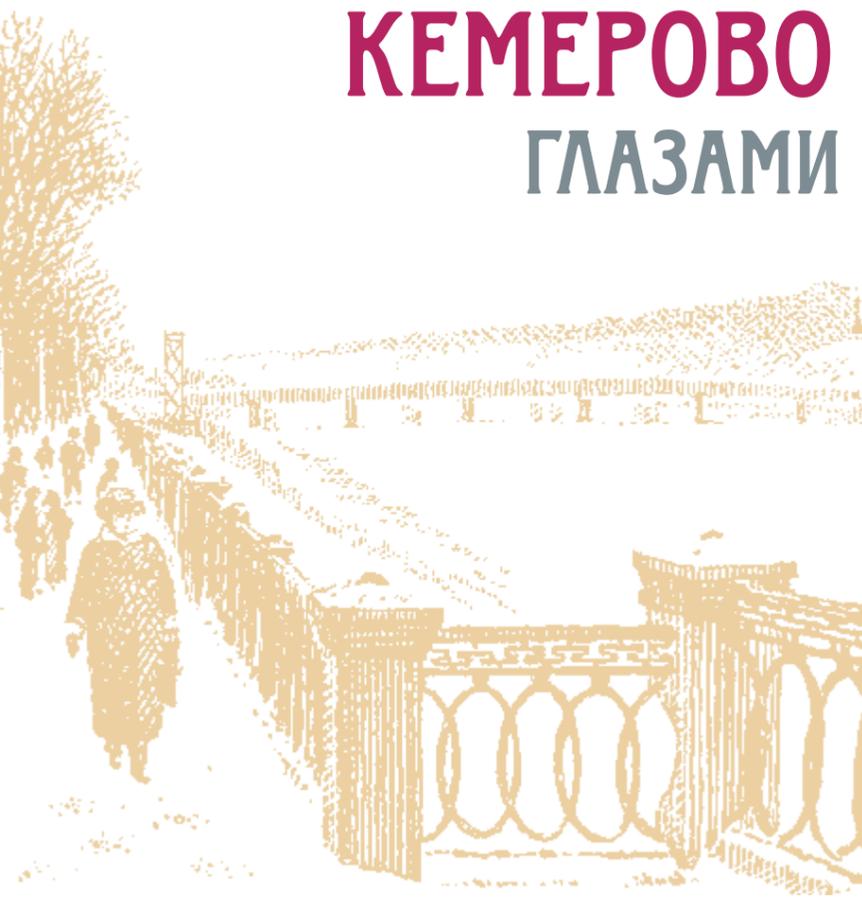
7. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 14.
8. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 17.
9. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 19.
10. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 25.
11. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 26.
12. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 29.
13. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 31.
14. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 32.
15. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 33.
16. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 34.
17. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 36.

18. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 40.
19. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 41.
20. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 46.
21. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 58.
22. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 65.
23. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 67.
24. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 68.
25. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 69.
26. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 70.
27. Онуфриева, С.А. Художники Кузбасса: альбом / С.А.

Онуфриева. — Л.: Художник РСФСР, 1963. — 60 с.
28. Откидач, В.А. Художники Кузбасса / В.А. Откидач. — Л.: Художник РСФСР, 1983. — 192 с.
29. Шерин, А.М. Становление Кемеровского отделения Союза художников РСФСР // Вестник КемГУ, 2013. № 2 (54). С. 268–273.

КЕМЕРОВО

ГЛАЗАМИ КЕМЕРОВЧАН

Кемерово, любимый город, празднует юбилей. Да не простой, а воистину золотой. Дата эта – 100-летие города Кемерово – наполняет сердца и души особой гордостью и теплотой. Этому событию посвящена миниатюрная книжка «Гравюра. Кемерово. Поэзия», объединившая гравюры художника-кемеровчнина Василия Кравчука и стихи кузбасских поэтов.

В триаде названия книжки-альбома, в этом триединстве, искусство изобразительное и искусство слова будто обрамляют город-юбиляр, который дарит художнику и поэтам неисчерпаемое вдохновение, щедро делясь с ними своей вековой историей, распахивая перед ними широту улиц и площадей, уводя в высокие дали необозримых просторов и соснового бора. Парящие линии и светотени гравюр словно «просятся» в поэзию, а лирическое слово подчеркивает красоту изображения.

Под обложкой этого издания – 80 гравюр В. Кравчука и эмоциональные лирические строки Г. Юрова, В. Махалова, М. Небогатова, С. Донбая, Б. Бурмистрова и других мастеров поэтического слова, каждый из которых мог бы не без волнения сказать: «Шагая по дорогам по крутым, всегда горжусь, что я – кемеровчанин, горжусь сибирским именем своим».

Гордится «сибирским именем» и заслуженный художник России Василий Петрович Кравчук, вот уже больше сорока лет как ставший кемеровчанином. За свои пятьдесят лет профессиональной творческой деятельности Василий Кравчук, рожденный в украинском селе, учившийся на факультете книжной графики в Ташкенте, ездивший на практику в Ашхабад (образец дружбы народов!), создал тысячи листов графики и акварели, проиллюстрировал более 500 томов и томиков стихов и прозы классиков и современников, энциклопедий, учебников. Обретя в Кемерове свою новую малую родину, мастер не устает с истинной любовью воспевать город, ставший его жизнью и судьбой.

Гравюры, составившие книжку, – это целый и цельный образ города, светлого, благородного, иногда словно парящего, как линия рисунка, как «береговая высота, летящая над временем в пространстве». Строки эти принадлежат Геннадию Юрову, когда-то сказавшему, что Кравчук умеет запечатлеть город в момент улыбки. Какая чудная метафора – улыбающийся город!

Вот на гравюрах улица Красная Горка, этот исторический центр города, с каменным зданием времен Копикуза, с постройками «АИК-Кузбасс», старым домиком по улице Суворова... Не эпизоды времени, а сама история! Отсюда, с Красной Горки, город шагнул на левый берег, оставшись связанным с правобережьем всем своим существом.

Век минувший и век нынешний... Каждое новое десятилетие город меняет облик трудами поколений кемеровчан. И, перешагнув рубеж тысячелетий, в новом веке предстает во всей красе воплощенной мечты.

В здании Дворца труда, памятнике архитектуры федерального значения, сегодня областной колледж культуры. С Дворца труда, детища знаменитого архитектора А. Крячкова, построенного в 1927 году, начиналась вся культура города и края. В этом доме в разное время располагались филармония и театр драмы, областная библиотека и областной краеведческий музей...

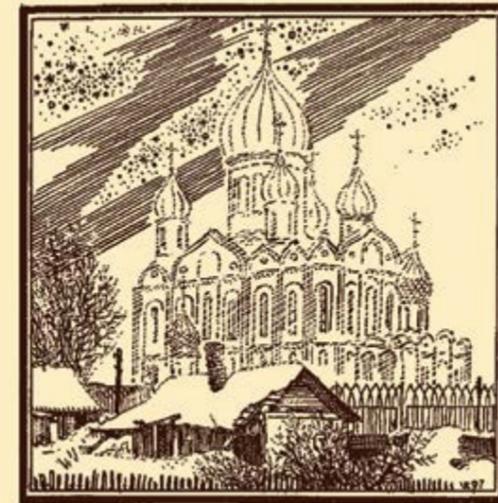
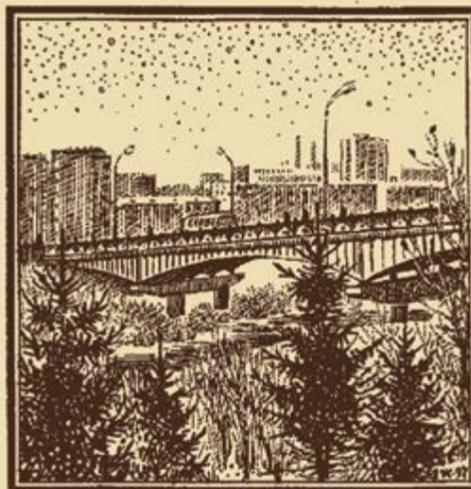
Вот Советский проспект, почта и здание администрации города, улицы Островского, Кирова, Ноградская, нежно любимая горожанами Весенняя, чьи «шаги воздушны и легки маршрутами к реке — и от реки». А как щемяще отзывается это поэтическое признание: «Летит, прозрачный и далекий, как девочки одной платок, Притомской набережной легкий воспоминаний ветерок!».

Художник не просто обозначает и скупой подписывает «объекты»: «Вокзал», «Кардио-центр», «Памяти шахтерам Кузбасса», «Знаменский собор», памятник Пушкину.. Он поэтизирует привычные названия, что усиливает силу их восприятия: «Сюда приходят поезда», «Здесь лечат сердце», «Горящее сердце шахтера», «Дорога к храму», «Пушкин в Кемерове».

Городские пейзажи и достопримечательности — фонтан, колоннада горсада, «Вечный огонь», памятник Михайле Волкову — точны и узнаваемы, но не фотографичны. Известное всем место, поданное в неожиданном ракурсе, в особой ритмической «мелодии» линий и переплетении штрихов, предстает по-новому значимым. Гравюра, оставаясь строгой, даже монументальной, наполняется душевной теплотой.

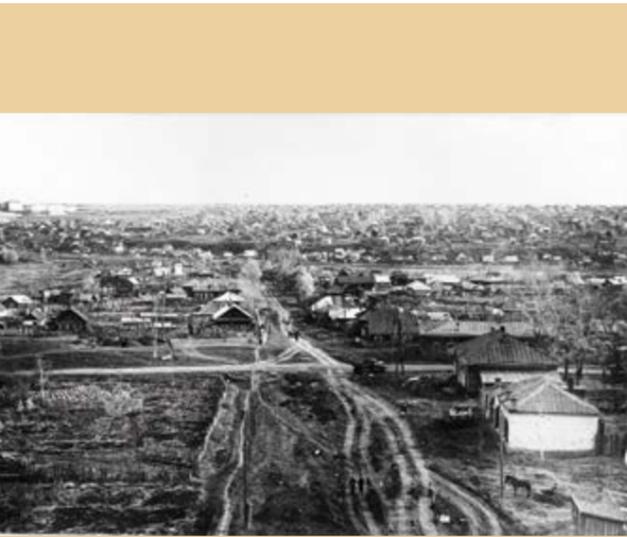
Василий Кравчук, наделенный открытым сердцем и огромным трудолюбием, работает «не по службе, а по душе». Гуляя, бродя по городу, он не расстается с самодельным альбомчиком, авторучкой, пастельными мелками. Раз за разом находит в обыденном неожиданное и загадочное, стремясь потом в рисунках поделиться с будущим зрителем и читателем своим восхищением городом-тружеником, городом-другом, городом неизбывной любви.

Разве сможет кто-то далекий, не знающий Кемерово, держа на ладони эту миниатюрную книжку, походя повторить где-то когда-то услышанные в адрес столицы шахтерского края слова о ее угрюмстве, мрачности? Полноте! Взгляните на эти гравюры, где звенит на морозе завьюженный бор, устремлены ввысь колоннады, грациозен ажурный узор оград и плывут туманы над Томью-рекой... И гармоничным финальным аккордом поэтический подтекст вновь придает городу-юбиляру особый аромат: «Живи, мой город, многие лета, в трудах эпохи процветай и здравствуй, твоя береговая высота над временем летит и над пространством!»

**ВАСИЛИЙ
КРАВЧУК**

КЕМЕРОВО ГЛАЗАМИ ПАРИЖАНИНА

Советский
проспект

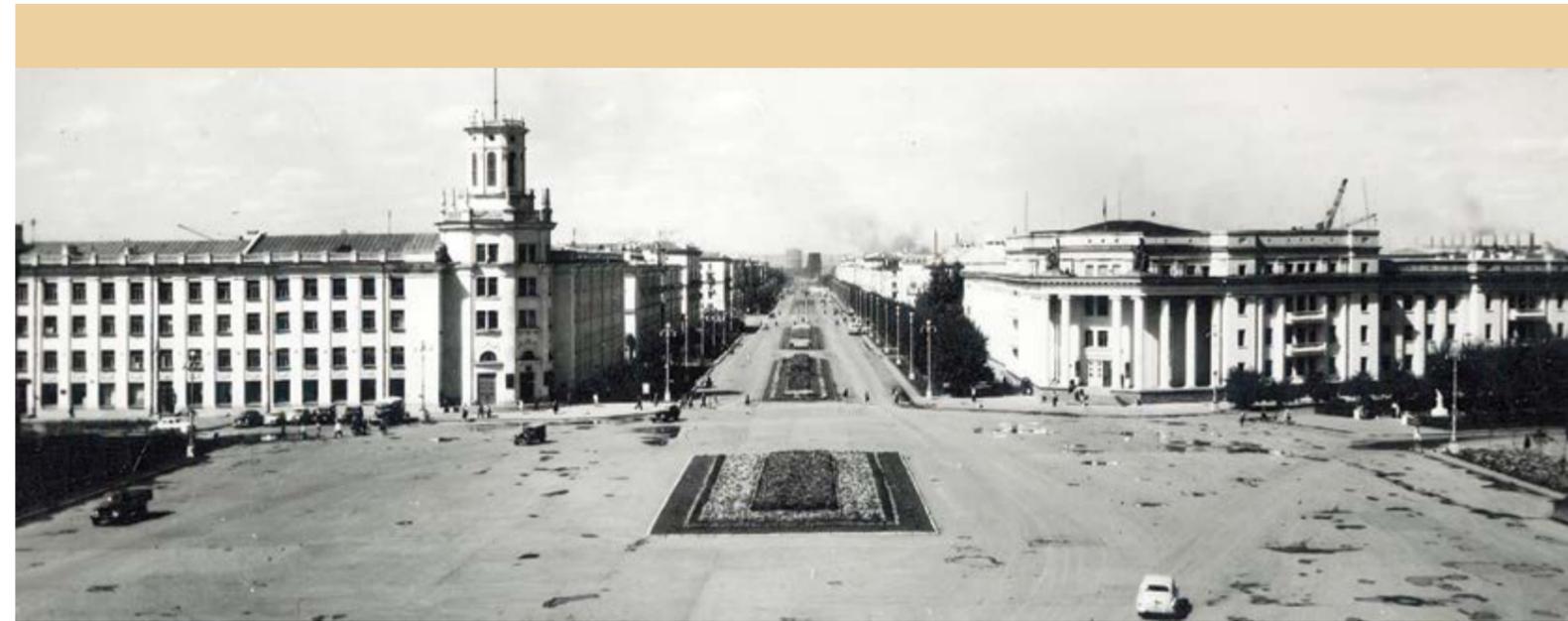

Улица Гагарина
(проспект
Ленина)

В 2018 году город Кемерово отметил 100-летие со времени основания. Созданный в 1918 году, город стремительно рос, превратившись в крупнейший индустриальный центр Сибири, а в 1943 году – в столицу вновь созданной Кемеровской области.

При этом «столица» по-прежнему выглядела большой деревней. Только в 1950-60-е годы кемеровские архитекторы приступили к масштабному строительству, создавая архитектурные ансамбли и придавая городу Кемерово столичный облик.

В разгар этого строительства, осенью 1960 года, Кузбасс посетил французский журналист Пьер Рондьер – редкий для того времени гость из капиталистической страны. Свои впечатления он опубликовал в парижском журнале «Франция — СССР». Позже, в январе 1961 года, газета «Кузбасс» напечатала в нескольких номерах сокращенный вариант его статьи под названием «Кузбасс глазами парижанина». Предлагаем вашему вниманию выдержки из нее, касающиеся впечатления французского журналиста о городе Кемерово.

Советский
проспект
и площадь
Советов

«Вот уже час, как я в Кемерово, в городе, который до того, как я перевалил через Урал, был знаком мне лишь своим певучим названием да ничтожным кружочком на сибирской карте, затерянным на просторах Азии между Обью и Енисеем, неподалеку от Алтая и Внешней Монголии, на полпути между Тибетом и Северным Ледовитым океаном. Незнакомец в сердце Азии.

С самолета, который разворачивался для посадки, я успел заметить только вышку телевизионной антенны, трубы заводов, извергающих в небо дым, реку, хорошо различимую на равнине, да тысячи домов, словно приклеенных к почве между берегом и тайгой, раскинувшейся вокруг.

Легкий толчок — и наш самолет коснулся земли Кемерово, а заодно земли Сибири и Азии.

Кемерово — это душа Кузбасса, его центр. Кузбасс — это огромное скопление угля, крупнейшее из всех известных пока на планете (пока... потому, что Сибирь не раскрыла еще всех своих тайн).

На этой небольшой площади в 92 тыс. км² (пятая часть Франции), крошечной по сибирским масштабам, запасы угля превышают все запасы Англии, которая долго была всемирным поставщиком топлива.

Во Франции, Бельгии и Германии радуются, обнаружив двухметровый пласт угля: это уже богатое месторождение, сущая удача. Здесь даже пласты в 25 м не вызывают толков — это мелочь. Любопытство, интерес возбуждаются

лишь начиная с пятидесяти метров — высота дома в семнадцать этажей...

Вот уже час как я в Кемерово. Получив комнату в гостинице... я жду возвращения моих провожатых, которые ушли на полчаса, чтобы дать мне время привести себя в порядок.

На дворе вовсю сияет солнце, и я выхожу из комнаты с ее узорчатыми занавесками на балкон... Я упиваюсь этим сибирским воздухом, легким и чистым, как на высокой горе, подставляя солнцу лицо и руки.

Погода отличная.

Подо мной на улице между двумя рядами деревьев, обрамляющих тротуар, непрерывно движутся мужчины, женщины, парни и девушки. У них неторопливая походка провинциалов, в руках книги, газеты или хозяйственные сумки. Какой-то мальчишка насвистывает «Подмосковные вечера». Я подхватываю песню, стоя на втором этаже. Мальчишка удивленно поднимает голову, улыбается, и мы обмениваемся дружескими знаками.

Весь мой балкон уставлен ящиками с цветами. Я вдыхаю их запах, поглядывая на стоящие вдоль улицы высокие каменные дома...

Я прислоняюсь спиной к стене, преисполненный этим новым для меня чувством близости Сибири, Азии.

В это время возвращаются мои спутники. Они извиняются от имени огорченной хозяйки гостиницы. Дело в том, что в течение 24 часов горячая вода не будет поступать на наш этаж. В умывальнике и ванной не будет горячей воды.

Благоустройство
Советского
проспекта

Кемерово, Сибирь... (авторское многоточие). Это где-то на другой стороне земли, на краю света, но 23 сентября 1960 года, в 15 часов, погода была достаточно хорошей, чтобы греться на солнце в ожидании горячей воды.

Этой ночью температура была минус 3 градуса. Сибирь — это все-таки Сибирь!

Первая задача — осмотреть город. Мы прогуливаемся по Кемерову, по его главной улице, проезжая часть которой разделена посередине цветниками. Улица длиной 3 км застроена 8-этажными домами. Бегут шумные ярко-красные трамваи. Здание драматического театра еще не закончено, и под его греческими колоннами одни камешки да мешки с цементом.

В 1917 году в Кемерово было 3900 жителей. Редкие, большей частью приземистые деревянные дома, глинобитные землянки с бревенчатым каркасом. Лишь торчащие наподобие перископов дымовые трубы да лестницы, ведущие к невзрачному входу, говорили о том, что здесь живут люди.

Сегодня число жителей Кемерово достигает 360 тыс. человек (сноска: по данным последней переписи, население Кемерово составляет 277 тыс. человек — Ред.). Поражают неисчерпаемые силы этого края, неправдоподобный сибирский размах. За 43 года Кемерово выросло в 92 раза.

В великий век английской индустриализации Ливерпуль, всегда приводимый в качестве примера, вырос с 4 до 82 тысяч жителей — с 1685

по 1800 годы. В 20 раз за 115 лет. Здесь же ни с чем не сравнимая сибирская лихорадка нарушила все правила, признанные демографией. В Кемерово..., как и повсюду в этой сказочной необъятной Сибири, фантастика является повседневностью.

В 1917 году землянки и несколько деревянных домов, десяток лет спустя — деревянные дома и три каменных, сегодня — сотни каменных зданий и тысячи деревянных. Завтра ... (авторское многоточие).

Как и все сибирские города, Кемерово — город-стройка. От этой длинной улицы, чем-то напоминающей Елисейские Поля, тщательно заасфальтированной, отходят, как ветви от ствола дерева, другие улицы, от них, в свою очередь, — третьи. И по мере того, как мы удаляемся от нее, асфальт меняется укатанной землей, каменные дома — деревянными. Обычное, присущее всем городам явление: от центра к окраинам картина становится более унылой.

Все так, но вдруг вы попадаете на широкую улицу, только что заасфальтированную, — целый новый квартал из камня, высоких домов и цветников, и снова грязь немощеных улиц и деревянные домики с разноцветными ставнями, как на альпийских хижинах.

Да, город — стройка. Здесь груды кирпича или железобетонных панелей, там штабеля бревен или арматуры, одинокий бульдозер, разравнивающий землю, несколько грузовиков, с которых разгружают цемент... (авторское

Улица
Ленинградская
(Весенняя)

многоточие) и это постоянное чередование разбитых улиц, утопающих в грязи и асфальтированных магистралей, деревянных, накренившихся домишек и огромных жилых зданий.

Мне нравится это зрелище всеобщего напряжения и его побед, это кипение жизни.

Мне радостно сознавать, что эти островки камня в море дерева, что эти ленты асфальта, рассекающие километры грязи или пыли, смотря по сезону, станут костяком новых кварталов завтрашнего Кемерово....

Мне нравится эта смесь XIX и XXI столетий. Я разглядываю проект застройки города и узнаю на нем вехи, уже виденные сейчас: детали будущего города. Я бы никогда не поверил, что может быть такой город, который увеличился бы за полстолетие в сто раз и мог бы полностью одеться в камень и покрыться асфальтом, вплоть до пригородных садов. Подумайте серьезно, разве возможно все это в городе, увеличившемся в сто раз за время жизни одного поколения, за 43 года, значительная часть которых приходится на Гражданскую и Вторую мировую войны, сеявшие повсюду разрушения и смерть?

Сейчас, когда большинство кемеровских улиц сразу после дождя превращается в сплош-

ную грязь, я готов держать пари, что в Ливерпуле на окраинах еще будут немощеные улицы, когда в Кемерово все они уже будут покрыты асфальтом.

И я наперед уверен, что выиграл пари.

Сейчас Кузбасс дает стране не только уголь, как прежде, но и сталь, прокат, станки, химическую продукцию и лекарства, электромоторы и пластмассы... (авторское многоточие). 12 тысяч вагонов уходит отсюда ежедневно, развозя по стране промышленную продукцию. 12 тысяч вагонов!

Между городами Кузбасса существует своего рода разделение труда. В самом Кемерово мне пришлось выбирать между заводом химических удобрений, которыми он снабжает всю Сибирь, заводом электромоторов, которые вывозятся в 20 зарубежных стран, или заводом пластмасс, хлебозаводом-автоматом или телевизионной студией.

Я выбрал завод пластмасс, фабрику-кухню и городской музей.

Директор «Карболита» — так называется завод — сообщает мне, что там возводятся новые цеха, с тем чтобы увеличить его мощность в пять раз против сегодняшнего. Что в Кемерово будут изготавливаться из пластмассы тормозные

колотки для железнодорожных вагонов, стойки для крепления горных выработок, что будут испытаны пластические массы, способные заменить сталь...

Я наугад хожу по цехам и задаю вопросы. Я обращаюсь к совсем молодой еще девушке и сразу попадаю впросак. С 1 апреля 1959 года (довольно своеобразная первоапрельская шутка) завод перешел на семичасовой рабочий день, а Таня, Римма или Люда — неважно, как ее имя, — впервые устроилась на работу 1 июля, после окончания десятилетки. Она никогда не знала и никогда не будет знать восьмичасового рабочего дня. И я вдруг осознал особенность того поколения, которое идет нам на смену: восьмичасовой рабочий день для них — явление прошлого века...

Я начал осваиваться в Кемерове. Бродя по городу во всех направлениях, прогуливаясь по набережной, то и дело заходя на главную улицу, я наконец научился ориентироваться. Я могу теперь добраться один до почтамта, войти туда, выбрать открытку или марку, заплатить и выйти. При этом нет никакой необходимости обмениваться с кем-нибудь хотя бы единым словом (ибо тут-то и начались бы трудности).

На Кемеровском почтамте марки, открытки лежат прямо на столе, и каждый сам выбирает себе что нужно, кладет в карман, опускает деньги в кассу, берет сдачу и уходит. Я немно-

го путаюсь в счете и, из страха недоплатить, становлюсь расточительным — не беру сдачи. Я выхожу довольный собой и советской почтой, немного обескураженный, но безмятежно счастливый этим взаимным доверием. Это приятно!

Какая страна! Заместитель председателя облисполкома, специалист по торговле, доволен: за год торговый оборот возрос на 11%, появилось 42 новых предприятия общественного питания, самообслуживание становится привычным, открыто несколько пробных магазинов, в которых нет не только продавцов, но и кассиров (как на главпочтамте: каждый платит за товар и выходит). Но он считает, что магазины недостаточно специализированы и их должно быть больше. В особенности многое нужно еще сделать, чтобы каждый товар был в большом выборе. Он доволен и неудовлетворен одновременно. Но здесь никто и не ждет, когда наступит полное благополучие, чтобы ринуться в будущее. Здесь безостановочно шагают, точнее, мчатся вперед. В нескольких кварталах уже имеются домовые кухни, где каждый, кто пожелает, может купить готовые кушанья или полуфабрикаты. Цель: разгрузить женщину от повседневного домашнего рабства, открыть ей путь к учебе, к театру, к чтению. Средство: предоставить широкий набор кушаний более дешевых (мне нравится этот реализм), чем приго-

Строительство
драмтеатра

Улица
Патриса Лумумбы
(50 лет Октября)

товление дома. Срок: два или три года, которые потребуются, чтобы сделать это повсеместным явлением.

Утопия? Нисколько. В Кемерове уже действует фабрика-кухня, поставляющая столовым до 5 тысяч совершенно готовых кушаний 45 наименований. В сопровождении директора (женщины 27 лет) и заведующего производством я посетил это необычное предприятие. Там все автоматизировано: машины для сортировки и очистки овощей, для приготовления котлет и замешивания теста. Благодаря этому 65 человек справляются с приготовлением пяти тысяч блюд ежедневно.

Опрятность педантичная. Для того чтобы войти в цех, мне пришлось, как в госпитале, облачиться в белый халат и колпак. Меня так и подмывало залезть пальцами в суп или только что приготовленный крем, до того аппетитно все это пахло. Короче, я был огорчен тем, что расписание, рассчитанное буквально по минутам, помешало мне отведать кушаний. Нас ждали в музее.

Ждала нас молодая женщина 28 лет, буквально сегодня утром назначенная директором кемеровского музея. Приняв наши поздравления, она вооружилась указкой, чтобы бегло ознакомить нас с флорой, фауной и населением Кузбасса с доисторических времен до наших дней...

В тот же вечер мы выезжаем ночным поездом в Сталинск... Со скоростью 50 километров в час уносит нас южная ветка Транссибирской магистрали на юг Кузбасса. Через год из Сталинска в Кемерово пройдет автострада — главная дорога Кузбасса...

Послесловие:

Французский журналист и публицист Пьер Рондьер трижды посещал Сибирь. Результатом его поездок стала не только статья о Кузбассе, но и «Сказки и рассказы из Сибири», телефильм «Сибирь глазами француза» об ученых Новосибирского академгородка и книга «Необъятная и сказочная Сибирь». В них он изложил свое впечатление о ледяной и теплой Сибири: «Сибирь отличается тем, что она поначалу ошарашивает путешественника, впервые побывавшего там. Покидает же он ее покоренным, уверенным в том, что именно он является первооткрывателем этого края, и убежденным, что с этого момента начинается новая эпоха в жизни человечества. Я не был исключением и вернулся из Сибири очарованным и плененным... Ничто здесь не стоит на месте, всё движется, кипит, стремительно мчится вперед... Необъятная, бескрайняя, богатейшая, многообещающая и вечно бурлящая земля. И тот, кто ничего не знает о ней, не знает будущего нашей планеты!»

За книгу «Необъятная и сказочная Сибирь», изданную в 1962 году, Французская академия присудила Пьеру Рондьеру ежегодную Большую премию.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ КАМНИ

Когда летом 2017 года кемеровские дорожники делали ремонт проезда возле Притомской набережной и ненароком вонзили нож бульдозера в асфальт чуть глубже обычного, то они глазам своим не поверили. Перед ними была «древняя» мостовая – серая, шероховатая, сложенная из неотесанного разнокалиберного камня. Узнав о сенсационной находке, ушлые журналисты стали строить невероятные гипотезы. Некоторые утверждали, что дорогу замостили в декоративных целях и причем не так давно, в 1960-е годы, когда разбивали сквер «Орбита». Другие полагали, что на этом месте когда-то была глубокая яма, которую сначала завалили камнями, а потом заасфальтировали. Один умник даже предположил, что дорога была построена «крестьянами села Щеглово во времена Екатерины Великой и являлась частью знаменитого Сибирского тракта».

В одночасье было решено прекратить ремонтные работы и установить на дороге запрещающие знаки. Кто-то из чиновников обмолвился, что неплохо было бы в 2018 г., к 100-летию города, превратить старую мостовую в местную достопримечательность.

Хотя многие люди называют каменное покрытие возле дома №13 на Притомской набережной «брусчаткой» или «булыжником» – это не совсем так. Брусчатка – это плоский камень, похожий на брусок. Булыжник имеет округлую форму. Что такое тротуарная плитка – знает каждый. Ну, а камень на Притомской мостовой совершенно другой, – разномастный, корявый, рваный. Строители называют такой камень бутовым или тычковым. Раньше его часто использовали при закладке фундаментов домов.

Как известно, старинное зажиточное село Щеглово получило статус города в 1918 году, но на протяжении еще долгого времени новоявленный «центр советской индустрии» выглядел как большая деревня. В 1925 году в городе было около 2500 деревянных жилых домов, в которых проживало чуть более 21000 человек. Было несколько улиц, из которых главные имели названия. Например, проспект Советский до 1920 года назывался улицей Никольской, улицы Мичурина, Красная им. Н. Островского – соответственно Щегловской, Базарной, Глухой. Однако многие тупиковые улицы вообще не имели улиц и представляли собой лабиринты, состоящие из землянок, домов-засыпух, под-

земных нор, в которых люди жили как кроты. Эти районы назывались «нахаловками». В то время самыми отвратительными тупиковыми улицами были: «Больничный лог», «Щетинкин лог», «Нижняя колония».

Все городские дороги не имели покрытия и представляли собой обычные грунтовки. Как заметил один москвич, который приехал в Щегловск в командировку, «пыли на улицах много и она особая – мягкая, пушистая, в два пальца толщиной».

Хотя город считался центром Кузнецкого округа, автомобилей в нем практически не было, если не считать 15 грузовиков «Форд» и 2 легковушек, которые привезли с собой американцы. Машины принадлежали Автономной Индустриальной Колонии «Кузбасс» (АИК) и обслуживали только аиковские предприятия – шахты, заводы, фермы. На городских дорогах эти иномарки появлялись редко, разве что во время летних каникул колонисты бесплатно катали на своих авто русских ребятишек.

Любопытно, что в 1926 году аиковцы решили открыть в городе автобусное сообщение. Они установили на кузовах грузовиков дощатые будки, на которых сделали надпись «Куз Bus». («Куз» от русского слова «Кузнецкий», «Bus» в переводе с английского – «автобус»; произносится как «Кузбас»).

Выгрузка
строительного
камня. Щегловск.
1931 г.

Внутри салона находились сиденья — деревянные лавки. Имелась небольшая стремянка — доска с прибитыми железными скобами вместо ступенек. Вместимость — 15 пассажиров. По правобережному Руднику курсировали 4 автобуса, по левобережному Щегловску — 2. Особой популярностью этот вид городского транспорта не пользовался, так как билет стоил дорого, а маршруты были столь короткими, что было проще пешком пройти расстояние длиной в 2-3 км. После ликвидации АИКа машины передали на баланс треста «Кузбассуголь» и до начала 1930-х годов других автобусов в городе не имелось.

Основным видом городского транспорта в пролетарском городе были конные повозки. Многие «щеглы», будь-то шахтеры, коксохимики, строители и прочие пролетарии, держали лошадей и использовали их в подсобном хозяйстве. Для них лошадь была таким же транспортным средством как сегодня пикап. Владельцы коней были обязаны иметь т.н. «лошадиный паспорт», ежегодно проходить регистрацию и «техосмотр» животных. В городе имелся огромный «конный базар», который находился в Соцгороде, в аккурат там, где сегодня располагается «Дворец молодежи».

Некоторые предприимчивые люди занимались извозом. Хотя сам Щегловск считался небольшим городком, но вокруг него имелось много деревень. Каждое воскресенье крестьяне ездили на базар, чтобы что-то продать, что-то купить. Правобережные селяне добирались до Щегловска через Томь на лодках. Причал находился у обрывистого берега возле устья Искитимки, (у сквера «Орбита»), неподалеку от мостовой. Тут их ждали извозчики на телегах, которые за небольшие деньги развозили приезжих по городу.

Удивительно, но факт — даже сегодня, спустя 100 лет, многие горожане называют этот спуск «Извозом».

Еще одно место, где кучковались владельцы гужевого транспорта, располагалось возле старого вокзала (ул. Карболитовская, 2). До начала 1930-х годов они «таксовали» на телегах и санях, а после всеобщей мобилиза-

ции лошадей в Красную Армию многие «ваньки» стали использовать для перевозки багажа и пассажиров обычные строительные тачки. Тележки с мягким сиденьем, которые возчики называли «тачкой с креслом», предназначались для людей, а без подстилки — для перевозки тюков и чемоданов. От здания вокзала до автобусной, а в последствии и трамвайной остановки, тянулся широкий дощатый тротуар длиной около 700 метров. Вот по нему и бегали взад-вперед рикши, которых горожане называли «тачечниками». Говорят, что последний раз возчиков, толкающих тележки с пассажирами, видели в 1949 году.

Однако настоящим властелином кемеровских дорог являлся домашний скот. На обочинах щипали травку козы, нежились в грязи свиньи, а вдоль заборов разгуливали курицы, гуси и утки. Особенно же много было коров. Гораздо больше, чем людей. В летнее время, по утрам, стада буренок неспешно, словно участники праздничной демонстрации, двигались по главным улицам города, направляясь на сочные мозжухинские луга. То же самое происходило и вечерами, когда скот возвращался с пастбищ. По этой причине несознательные граждане двусмысленно называли улицу Советскую — Скотопрогонной или Скотобойной. (Неподалеку от КХЗ находилась скотобойня).

Местные власти боролись с городскими животноводами как могли. Каждую весну Горсовет принимал постановления, «запрещающие свободное хождение коров по центральным улицам города: Советской, Кирова и Н. Островского». Выводить скот можно было только на веревке. В противном случае нарушителям грозил серьезный штраф или даже исправительно-принудительные работы сроком до одного месяца.

Само собой понятно, что щегловские дороги были сильно унавожены и во время дождя превращались в зловонное месиво. Ходить по ним, не надев сапоги, было практически невозможно. Поэтому для пешеходов сооружались специальные дощатые тротуары, что-то типа подмостков, которые сегодня можно встретить на стройплощадках. Даже, когда все центральные улицы были заасфальтированы, тротуары во многих местах оставались деревянными. Например, вплоть до конца 1960-х годов тротуар у здания бывшего пединститута, (пр. Советский, 73) был дощатым. Студентам такие пружинистые настилы очень нравились, потому что на них можно было подпрыгивать как на батуте.

Митинг по поводу закладки нового цеха на Коксострое

Конная повозка — полнотравный участник дорожного движения. Кемерово. 1960-е гг.

Конкурент конной повозки — трамвай. Кемерово. 1960-е гг.

Есть прелюбопытное описание улиц старого Щегловска, которое оставил нам некий гражданин Хрисанф С-н., чью заметку опубликовала газета «Кузбасс» в 1925 г.

«Лучшая улица города Советская тонет в глубокой грязи. Возле городской библиотеки — громадная лужа, по которой мальчишки на лодке плавают. Комхоз проводит канаву, безуспешно стараясь осушить Советскую, но... канавка выше уровня лужи. Ясно, что вода по ней не идет».

Щегловцы привыкли к грязи, приспособились. Кажется, что она их не очень-то раздражает... Все здесь, не исключая женщин и девушек, носят громадные сапоги. Иначе ходить нельзя. Бывают, правда, случаи, когда и сапоги не помогают. Есть такие лужи, что вброд перейти нельзя. Граждане робко «царапаются» по заборам и случается, что забор, не выдержав тяжести грузного щегловца, обламывается, и гражданин шлепается в воду...

Тротуаром Советской улицы пользуются не только пешеходы, но и всадники. Преимущественно юноши, которые, гарцуя на тротуарах, вероятно, воображают себя какими-то героями, абреками или индейцами, что ли. Нарушая постановление Исполкома, они думают, что совершают чёт знает какой подвиг. Нередко «подвиги героя» трогают сердце какой-нибудь Мани или Любы. Следовательно, цель бывает достигнута».

Мошание дорог в Щегловске началось в 1928 году, ровно тогда, когда в городе появились первые каменные дома: окружная больница, отделение Госбанка, Дворец труда, жилые дома кооператива «Искра». Поскольку производство асфальта в городе было не налажено, «щеглы» начали мостить дороги диким камнем. Благо в окрестностях города песчаника имелось предостаточно. Один каменный карьер располагался неподалеку от Мозжухи, другой на правом берегу Искитимки.

Прокладка трамвайных путей на ул. Кирова

Мостить дорогу было несложно. С этой работой справлялись даже подростки и женщины. С помощью лопат и ручных катков дорожники выравнивали грунт. Потом сортировали нетесаные камни и укладывали их на «подушку» из песка или глины. Кусок породы должен быть без трещин, более-менее ровным и плоским. Также было важно, чтобы зазор между камнями был бы минимальным. Для связки использовался цементный раствор. Как правило, длина тычкового камня не превышала 25 см, а ширина — 15.

Вслед за улицей Советская началось мощение и других дорог в центре города: улиц Исполкомовская, (им. Н. Островского), Банковская (им. Кирова), а также нескольких дорог на Руднике и в Кировском районе.

Когда численность населения в Щегловске достигла 90 тысяч, и город стал называться Кемерово, протяженность вымощенных тычковым камнем улиц составляла всего 12 км. Тем не менее, кемеровчане, люди по своей природе простодушные, очень гордились каменными дорогами. «Скоро у нас будет как на Красной площади в Москве!» — говорили они.

В 1933 году по новым мостовым уже курсировали не американские «пассажирские грузовики», а 25 советских автобусов марки «ЗИС-16», которые советское правительство специально выделило Кемерову как «одному из

главнейших новых городов СССР». Для сравнения: куда более крупные города, такие как Барнаул и Томск получили только 5 и 15 машин соответственно. Вообще же к 1940 году в Кемерово уже насчитывалось около 1 тысячи автомобилей: грузовых, легковых и даже 2 такси. Это были лимузины «ЗИС-101» с «радиостановкой, электропечкой, часами и багажником».

В том же году была полностью замощена улица Магистральная (пр. Ленина), которая начиналась у нового здания вокзала и заканчивалась у Искитимского моста. Однако, несмотря на автомобилизацию и строительство каменных дорог, все-таки лошадей в Кемерово было больше, чем машин. Примерно раз в 15-20.

Первые многоэтажные комфортабельные дома на Притомском участке, (в районе сквера «Орбита»), появились в 1933-35 годах. Это были — Дом для старшего инженерно-технического персонала Кемеровокомбинатстроя (Притомская набережная, 11), здания химтехникума (ул. Н. Островского, 32) и гостиницы (Притомская набережная, 7). Кстати, это была первая в Кемерово настоящая гостиница, поскольку другое подобное заведение «Дом заезжих» являлось, по сути, общежитием. В новой гостинице имелся дорогой и изысканный ресторан. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Притомский жилой квартал стал самым респектабельным районом города.

Любопытно, что первоначально ни гостиница, ни ресторан не имели названий. Некоторое время гостиница значилась как «Центральная». А «Томью» она стала называться в начале 1960-х годов, когда к старой гостинице был пристроен новый, но ничем не примечательный корпус, унылый и примитивный, как и всякая «хрущевка». (После реконструкции старого корпуса здесь открылся первый в Кемерово пятизвездочный отель «Tom River Plaza»).

В конце 1920-х годов неподалеку от ж/д станции появился т.н. «Дом заезжих». Это был деревянный барак с 56 койками и дощатым сортиром на улице. Буфета не было. В распоряжении обитателей имела только одна душевая комната, которая работала по графику: «мужской день», «женский день». В этом отеле «без звездочек» останавливались, как правило, командированные. Часто их проживание в заведении затягивалось на много месяцев, а то и на год.

Хорошо известно, что рестораны появляются там, где живут и работают обеспеченные люди. В этом смысле, появление ресторана и гостиницы на Притомском участке было обусловлено тем, что рядом находилась улица Исполкомовская (им. Н. Островского). Уже само название говорит о том, что здесь обитали люди влиятельные и состоятельные. Поэтому совершенно очевидно, что все подходы к отелю и элитарному ресторану, были вымощены камнем. Не будет же начальство месить грязь. Доподлинно известно также, что рядом с гостиницей находился паркинг и одна из двух имеющихся в городе стоянок такси.

Возвращаясь к происхождению тычковой дороги, которую ремонтники случайно обнаружили рядом со сквером, можно без труда определить дату ее появления. Это — год 1938 или 1939. Именно в это время были сданы в эксплуатацию дома Притомского квартала, а значит, тогда же были замощены прилегающие проезды и улицы. Ведь сначала дом строят, а потом занимаются благоустройством территории, а вовсе не наоборот.

Что же касается непосредственно дома № 13 на Притомской набережной, торец кото-

рого упирается в мостовую, то официально это здание значилось как «дом для рабочих азотно-тукового завода». В нем были предусмотрены 56 двух-, трех-, четырехкомнатных квартир повышенной комфортности. Имелись водопровод, канализация, ванные комнаты, что по тем временам в Кемерово считалось сказочной роскошью. Разумеется, рабочих среди жильцов практически не было. Разве только орденосцы-стахановцы. В основном же здесь жили высокопоставленные чиновники и интеллигенция. В этом смысле, кемеровский дом на набережной мало отличался от знаменитого московского «Дома на набережной».

Кстати, дом, расположенный рядом с «археологической» находкой, был построен по проекту известного кемеровского градостроителя Н.Н. Текутова. Это здание, наряду с другими работами зодчего, имеет статус памятника истории и архитектуры местного значения. Поэтому было бы вполне естественно, если бы и старинная мостовая получила бы подобную охранную грамоту.

Когда-то давным-давно, в доисторическое время, первобытный человек высек на томских скалах рисунки, по которым мы, спустя тысячи лет, можем получить сведения о том, как жили люди в эпоху неолита и бронзы. Каменные «панно» на Притомской мостовой — это тоже своего рода петроглифы, по которым можно многое узнать о жизни кемеровчан в эпоху советской индустриализации и урбанизации.

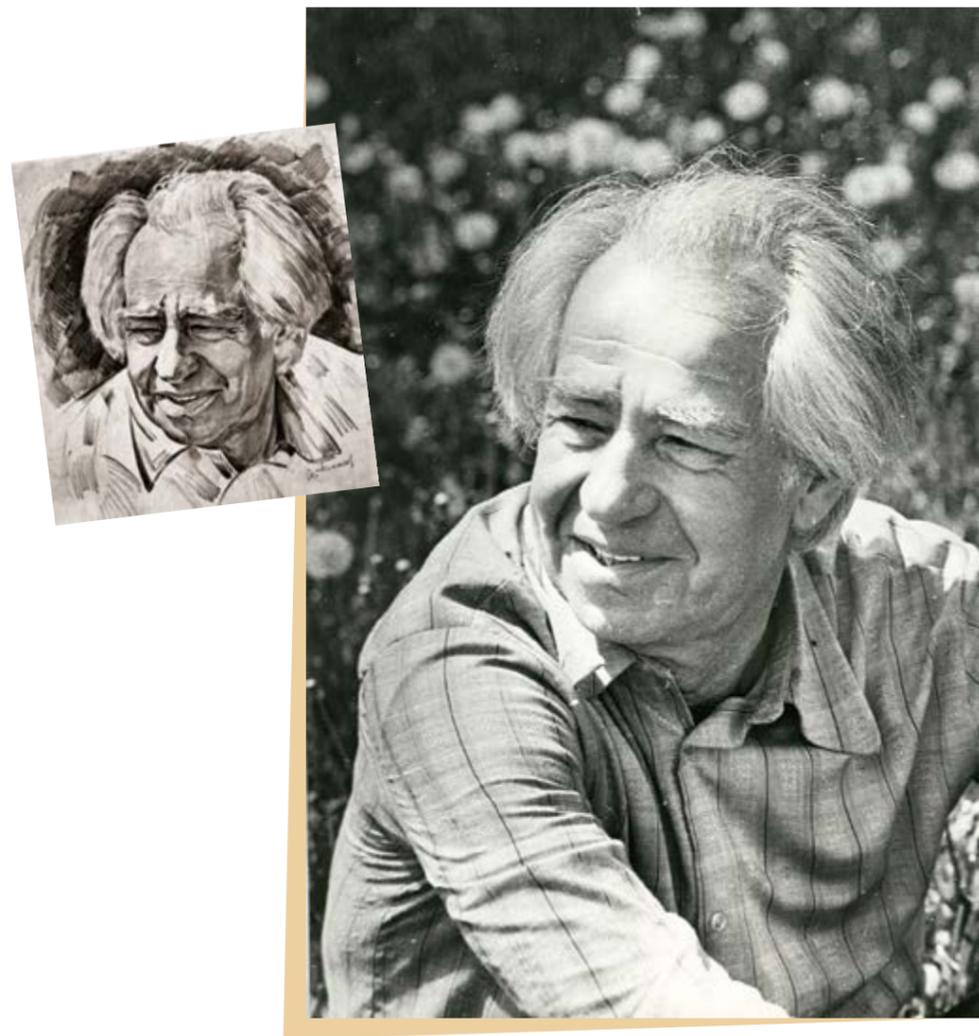
Гостиница на Притомской набережной. Кемерово. 1932 г.

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ

– ЗВЕЗДНЫЙ СЫН ГОРОДА КЕМЕРОВО

В 1973 году известный кемеровский поэт-сатирик и литературный критик Владимир Матвеев написал стихотворение «Звёздные братья», посвящённое нашим знаменитым землякам – космонавту Алексею Леонову и поэту Василию Фёдорову: Земля Кузнецкая, твоим сынам «везёт», в быль претворять они умеют небыль.

Один – достиг космических высот.
Другой – поднялся до «Седьмого неба».

В 1968 году русский советский поэт Василий Дмитриевич Фёдоров за книгу стихов «Третьи петухи» и поэму «Седьмое небо» был удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Горького (Постановление Совета Министров РСФСР № 810 от 24.12.1968 года, удостоверение № 72).

14 декабря 1979 года в Свердловском зале Московского Кремля поэту-кемеровчанину был вручён диплом лауреата Государственной премии СССР за стихи и поэмы последних лет (Постановление ЦК КПСС и Совета Министров Союза ССР от 01.11.1979 года, диплом Лауреата № 000526). За профессиональную литературную деятельность поэт-одногофамилец знаменитого русского первопечатника Ивана Фёдорова был награждён двумя орденами Трудового Красного Знамени (1967, 1971), орденом Октябрьской революции (1976) и орденом «Доблесть Кузбасса» (2003, посмертно).

Василий Дмитриевич Фёдоров родился 23 февраля 1918 года по старому стилю в нынешнем городе Кемерово на территории его левобережной части. На момент его рождения это была территория волостного села Усть-Искитимского (Щегловского) Кузнецкого уезда Томской губернии. 9 мая 1918 года на Первом (учредительном) Щегловском съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов было принято решение о создании города Щегловска. В 1932 году город был переименован в Кемерово.

По записи в метрической книге Николаевской церкви села Усть-Искитимское за 1918 год родители Василия Фёдорова – «гражд. Дмитрий Харитонов Фёдоров, законная жена его Иулиания Наумова оба православные» были уроженцами «Томской губернии Томского уезда Сужденской [правильно Судженской] волости деревни Марьевка» (фонд Государственного архива Кемеровской области. ОДФ-60).

В свидетельстве о рождении В.Д. Фёдорова ФИ № 466925, выданном

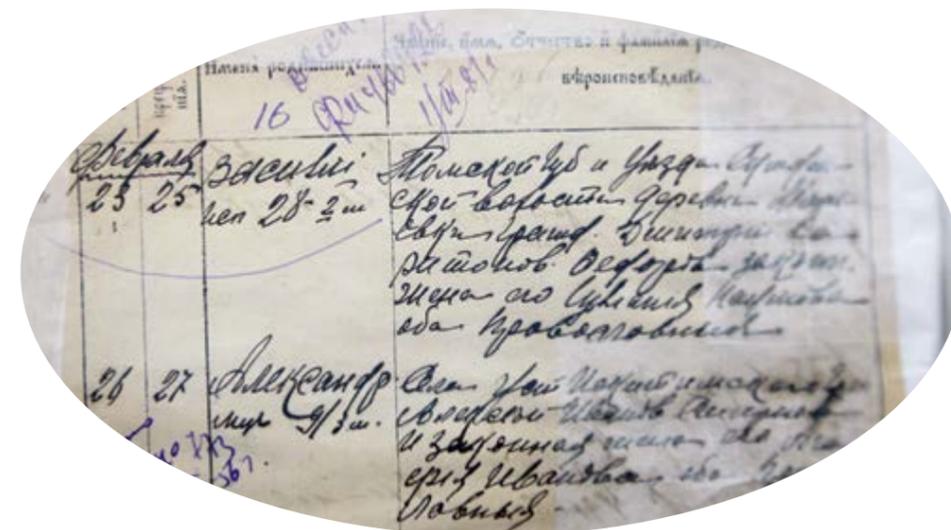
1 (первого) марта 1957 года Кемеровским городским ЗАГСом, есть следующая запись: «Гр. Фёдоров Василий Дмитриевич родился 23. II. 1918 г. двадцать третьего февраля тысяча девятьсот восемнадцатого года. Место рождения ребёнка: Кемерово Кемеровская область республика РСФСР, о чём в книге записей актов гражданского состояния о рождении 1918 года февраля месяца 28 числа произведена соответствующая запись за № 56» (из фондов Марьевского литературно-мемориального музея).

В свидетельстве о рождении указана национальность родителей: Фёдоров Дмитрий Харитонович русский; Фёдорова Ульяна Наумовна русская.

В автобиографическом очерке «О себе и близких» (1972) В.Д. Фёдоров написал: «На первый случай поселились в Щегловке, в шахтёрском бараке, рассчитывая в будущем на выделенном участке поставить свой дом».

Ехала многолетняя семья рабочего-каменщика и шахтёра со станции Анжерской, построенной в 1898 году. Как будто специально для приезда будущего прославленного поэта в 1916 году была открыта железнодорожная станция Кемерово. Из воспоминаний сестры поэта Зинаиды Дмитриевны Алянчиковой (Фёдоровой): «Когда пришли белые и Колчак, отец выехал в Кемерово, ехал он со старшими сыновьями на лошади, а мама с малыми ехала на поезде». Василий был девятым ребёнком в семье Фёдоровых.

В «Снах поэта» (новелла «Мои метаморфозы») В.Д. Фёдоров написал: «Из-за светлых волос у меня было семейное прозвище Седой бык, а ещё Батя Кемеровский, и тоже из-за седины какого-то кемеровского попа, крестившего меня в день Василия-капельника». Имя священника известно – Евгений Золотницкий, выпускник Томской духовной семинарии. Имя поэту дано в честь великого святого Василия Исповедника, или, как его называют в народе – Василия капельника. Оба жили в иконоборческие эпохи. Василий Исповедник – в VIII веке в Палестине. Ва-

Запись в Метрической книге Николаевской церкви села Усть-Искитимского

Усадьба
Василия Фёдорова
в Марьевке

Василий Фёдоров — в XX веке, в ленинско-сталинский и хрущёвский периоды советского атеизма.

Переезд в Кемерово из Анжеро-Судженска был связан с национализацией шахт Михельсона, где работал отец Дмитрий Харитонович («в забое и на поверхности. Всегда имел лошадь, так как хозяин принимал на работу только со своей лошадью...» — из воспоминаний З.Д. Алянчиковой).

Возвращение семьи Фёдоровых в д. Марьевка в 1919 году было вызвано гражданской войной, возможной мобилизацией отца, восстанием белочехов, отсутствием работы для отца-каменщика. Кемеровский период жизни семьи описан Фёдоровым в очерке «О себе и близких», новелле «Мои метаморфозы» из книги «Сны поэта», автобиографической поэме «Седьмое небо».

В главе «Память века» Василий Горин рассказывает о первых годах своей жизни и отъезде из Кемерово:

*родился я
Под орудийные раскаты,
Почти как царское дитя.
Слепые осенив бараки,
Припламеневшие к цевью,
В то утро огненные флаги
Созрели небо
В честь мою...*

*А через год
Не от прирожного,
Не от медов в златом ковше
Взели меня
Сквозь хмарь тайжную
Ко хлебной дедовской меже.*

*В час отдыха
Меж невоспетыми,
Но незабытыми досель,
Между оглоблями воздетыми,
Моя качалась колыбель.
Сама тайга меня качала
На зависть лиственным лесам
И положила там начало
Моим стремленьям
К небесам.*

Одной из причин возвращения в Марьевку в очерке В.Д. Фёдорова «О себе и близких» названа боязнь родителей за сына Андрея, который устроился в Кемерово «табельщиком на шахте» и «нелегально собирал деньги среди шахтёров семьям арестованных Колчаком». По воспоминаниям З.Д. Алянчиковой: «Старший брат Андрей в Марьевке не жил, его сразу в 18 году отправили учиться в Томскую совпартшколу».

С 1919 по 1934 годы В.Д. Фёдоров жил в деревне Марьевке. Читать научился до школы, стихи сочинял ещё в начальной школе. Сочинительством стихов, частушек, басен занимались старшие братья Пётр, Иван и младший брат Иннокентий (из воспоминаний Ольги Ивановны Петракевич, родной племянницы поэта из Новосибирска).

Из интервью В.Д. Фёдорова 1977 года корреспонденту новосибирской газеты «Молодой сибиряк» (1977. 30 июля): «Я рано начал писать, ещё когда в школу не ходил. Стихи как-то сами приходили. В этом не было ничего удивительного: у нас каждый мог при случае что-нибудь сочинить. Брат Пётр был организатором и первым секретарём комсомольской ячейки. Стихи были его оружием. Писали все,

Фёдоровы:
Василий,
Иннокентий,
Татьяна,
Людмила
(жена Ивана
Фёдорова), Иван.
1936 год

но только мне довелось стать профессиональным поэтом».

После окончания в 1950-м году Литературного института им. М. Горького в Москве Василий Фёдоров несколько лет занимался журналистской работой, ездил по заданию редакций журналов «Крестьянка», «Огонёк», «Смена» в командировки на заводы страны, публиковал очерки о людях труда, в том числе о знаменитых металлургах. В 1951 году восьмой номер журнала «Новый мир» опубликовал его очерк «Кузнечные сталевары», созданный по материалам поездки на КМК в Сталинск (Новокузнецк). Очерк «Диплом металлурга [О выпускниках Сталинского металлургического института]» в 1951 году был опубликован в

двух журналах: «Смена» (№ 3. С. 15) и «Крестьянка» (№ 3. С. 9-11).

В.Д. Фёдоров, член Союза писателей СССР с 11 октября 1956 года, является автором сорока пяти прижизненных поэтических книг, а также двухтомного (М.: Художественная литература, 1970), трёхтомного (М.: Молодая гвардия, 1975-1976), пятитомного (М.: Современник, 1987-1989) собраний сочинений и собрания сочинений в одном томе В.Д. Фёдорова (М.: Современный писатель, 1998).

Ему были в равной степени близки и эпос, и лирика. Ключевые события русской истории XX века отражены в поэнном творчестве В.Д. Фёдорова. О событиях 1918 года и гражданской войне в Сибири — поэмы 1950-х годов:

Диплом
техникума и
постановление
президиума
СП СССР

«Ленинский подарок» (1953), «Дуся Ковальчук» (1957), «Золотая жила» (1957). Лётный энтузиазм молодёжи, политические репрессии 1930-х годов, героизм 1940-1960-х годов отразились в поэмах «Седьмое небо» (1959—1967), «Женитьба Дон-Жуана» (1973—1977). Великая Отечественная война на фронте и в тылу в центре поэмы «Лирическая трилогия» (1943—1945). Трудовые подвиги народа в послевоенной деревне представлены в поэме «За рекою Ключевою» (1952). О трудовом энтузиазме молодёжи на целине поэма «Белая роща» (1956). О трудовом героизме народа в 1930-1940-е годы поэма «Проданная Венера» (1956). Герои поэм В. Фёдорова — сильные духом личности. Таков фёдоровский Бетховен из одноимённой поэмы (1961), творец доброго искусства, спасающего людские души. Автобиографический герой поэмы «Седьмое небо» Василий Горин — личность духовно сильная, выдержавшая испытание войной, дружбой, любовью.

Певец России и Сибири, всей душой болеющий за судьбу Отчизны, Василий Дмитриевич Фёдоров талантливо запечатлел национальную жизнь и трагедии двадцатого века в лучших своих поэмах («Проданная Венера», «Седьмое небо», «Женитьба Дон-Жуана») и известных стихотворениях, таких как «С тобой, Россия!», «Совесть», «Сердца», «На родине моей...», «По главной сути...» и др. Современники высоко оценили и его любовную лирику.

*Как цветы на заре,
Так и люди в любви хорошеют.
Нефазгаданный взгляд
Моё вольное сердце потряс.
Руки пьяно, как хмель,
Оплели мою гордую шею,
И глаза почему-то
Нельзя оторвать мне от глаз.*

*Всё гляжу и гляжу —
И никак не могу наглядеться.
Так в причудливом мире
Робеет душа новичка.
Вижу робость и зов,
Вижу раннюю юность и детство,
Опрокинутый мир,
Отражённый в огромных зрачках.*

*Ну любви! Ну любви!
От любви никуда нам не деться.
Ну любви же, любви!..*

*Я давно этой радости ждал.
Мы одни. Никого.
Убежало стыдливое детство.
Страх метался в заре
И за краем земли пропал.*

Известным профессиональным поэтом Василий Фёдоров приехал в 1966 году в Кемерово для участия в работе Зонального семинара молодых писателей Западной Сибири и Урала в г. Кемерово (29 мая — 7 июня 1966 г.), руководил секцией «Поэзия» (программа Зонального семинара хранится в ГАКО в личном фонде Е. С. Буравлёва). Из воспоминаний поэта Валентина Махалова: «В перерывах между занятиями участники, переговариваясь между собой, отмечали: «Очень интересно у Фёдорова и Смелякова. Там спорят по сути. Если хвалят — за дело, а снимают стружку, так по большому счёту»

31 мая 1966 года поэт побывал в областной научной библиотеке (ул. Дзержинского, 19), подарил свою книгу стихов и поэм «Не левее сердца» (М.: Советская Россия, 1960) с автографом: «Областной научной библиотеке Кемерово от земляка. Вас. Фёдоров. 31. V. 66 г.».

В 1976 году он участвовал в Днях советской литературы в Кузбассе, выступал в областной научной библиотеке, книжном магазине г. Кемерово по пр. Советский, 43 (сохранилось фотография). Написал предисловие к первой антологии кузбасской поэзии «Дыхание земли родимой» (Кемерово, 1979). Общался и поддерживал кузбасских поэтов: Евгения Буравлёва, Виктора Баянова, Владимира Матвеева, Владимира Иванова, Николая Колмогорова. Дружил с Валентином Васильевичем Махаловым. Подругой Ларисы Фёдоровны Фёдоровой в 1970-1990-е годы была Тамара Ивановна Махалова (сохранилась их переписка, фотодокументы).

9 мая 1967 года В. д. Фёдоров побывал с творческим отчётом на Новосибирском авиазаводе им. В. П. Чкалова, на котором он работал с 1941 по 1947 год, подарил две свои книги с автографами. Сохранился текст выступления В. Д. Фёдорова: «Дорогие земляки-однозаводцы! Мне радостно, что вы признаёте меня старым чкаловцем. Перейдя из заводского цеха в цех поэзии, я никогда не забывал о тех годах, когда строил самолёты. Об этом времени вспоминаю с благодарностью. На заводе я научился работать, думать, писать. В наших делах много

общего. Поэзия тоже должна быть крылатой. В порядке творческого отчёта посылаю вам несколько своих книг. Как видите. баклуши не бью. Поэзия, скажу честно, работа тоже нелёгкая. Вот уже восьмой год работаю над большой поэмой «Седьмое небо», которую давно печатаю/главами/в журнале «Октябрь». В эту поэму войдут все мои впечатления тех очень суровых лет, когда от нашей работы зависела победа на фронтах Отечественной Войны. Когда поэма выйдет отдельной книгой, вероятно, в этом году, с удовольствием пришлю её вам. С радостью и гордостью, что принадлежу к вашим рядам. Вас. Фёдоров. 9 мая 1967 г.» (материалы из музея Новосибирского авиазавода предоставлены новосибирским краеведом, бывшим конструктором НАПО им. В. П. Чкалова Анатолием Степановичем Вагановым).

В 1972 году на Центральном телевидении главной редакцией литературно-драматических программ была снята и вышла в телеэфир передача «Поэзия. У нас в гостях поэт Василий Фёдоров». Запись этой передачи хранится в архиве ВГТРК Гостелерадиофонда: идентификационный номер: 43841; хронометраж: 00:16:57; аннотация: Поэт В. Фёдоров читает свои стихи: «Совесть», «Оставьте мне тайну», «Счастливым я не нужен никому», «Знакомо как старинный сказ», «Да Винчи говорил...», «Костёр», «Высокой дружбой похвалюсь», «О словах», «С тобой, Россия». Представлял в телепередаче поэт Юрий Львович Прокушев (16.05.1920-5.03.2004), литературовед, писатель, популяризатор наследия Сергея Есенина и Василия Фёдорова.

В 1973 году В. Д. Фёдоров был одним из самых читаемых современных русских поэтов. Из статьи Станислава Куняева «Разговор книгопродавца с поэтом»: «Товаровед «Дома книги», что на Новом Арбате Нелли Гурвич на вопрос, каких авторов чаще всего домогается читатель, без запинки, как таблицу умножения стала перечислять: Гамзатов, Асадов, Рождественский, Евтушенко, Василий Фёдоров» («Литературная газета». 1973. № 44. 31 октября. С. 4). Творчество В. Д. Фёдорова вошло в учебник «Русская советская литература» для 10 класса под редакцией профессора В. А. Ковалёва.

В 1960-1980-е годы В. Д. Фёдоров много занимался общественной деятельностью. Секретарь правления Союза писателей РСФСР, член редакционных советов издательств «Художественная литература», «Современник»,

«Советская Россия», член редколлегии журнала «Молодая гвардия». Но в Кемерово продолжал приезжать.

15 августа 1972 года в г. Кемерово В. Д. Фёдоров встретился с земляками-кемеровчанами. Кемеровский художник Михаил Паньков сделал его портретный набросок, в котором Василий Фёдоров признал себя, что подтвердил собственноручной подписью («Кузбасс». 1972. 18 августа. С. 4).

В 1970-е годы В. Д. Фёдоров несколько раз принимал участие в телепередачах «Кузбасс литературный» на Кемеровском телевидении, сценаристом и ведущей которых была Тамара Ивановна Махалова.

В 1974 году стихотворения Василия Фёдорова на русском и венгерском языках были опубликованы в двуязычной антологии «Встреча: стихи поэтов Кемеровской (СССР) и Ноградской (Венгрия) областей» (Будапешт, 1974. С. 26-44).

22 января 1980 года в Москве в Центральном Доме Советской Армии им. М. В. Фрунзе состоялся творческий вечер поэта Василия Фёдорова.

24 июля 1980 года в г. Кемерово в малом зале филармонии прошёл творческий вечер В. Д. Фёдорова, Лауреата Государственной премии СССР. На мероприятии присутствовали кемеровские художники Иван Филичев и Герман Захаров. Поэт Виктор Баянов прочитал на вечере стихотворение «Изба на горе», посвящённое В. Д. Фёдорову. На заднике сцены висел больших размеров графический портрет В. Д. Фёдорова работы Ивана Ивановича Филичева, члена Союза художников СССР с 1972 года.

Пётр Михайлович Дорофеев вручил поэту Почётную грамоту обкома КПСС и облизполкома за активную работу по пропаганде советской литературы и личный вклад в литературно-художественное воспитание трудящихся Кемеровской области. Из воспоминаний П. М. Дорофеева: «Грамота вручалась при переполненном зале областной филармонии, где проходил авторский вечер поэта. В течение двух часов Василий Дмитриевич проникновенно читал свои стихи, отрывки из поэм, блистательно отвечал на многочисленные вопросы. Встреча закончилась бурными аплодисментами любителей поэзии, пожеланиями здоровья, больших творческих успехов, новых поэм и стихов»

В 1980 году Кемеровской телестудией был

снят фильм с личным участием В.Д. Фёдорова «Здесь отчий дом. О поэте Василии Фёдорове» (автор и ведущая Тамара Махалова, режиссёр Николай Ставцев, оператор Сергей Мякишев, звукорежиссёр Валерий Смирнов). Местом съёмки стали Кемерово и Марьевка.

В июле — декабре 1982 года врачи г. Кемерово и прежде всего директор областной хирургической клиники профессор Теодор Израильевич Шраер спасли жизнь В.Д. Фёдорову (две полостных операции, инфаркт). Курс реабилитации поэт прошёл в санатории «Сосновый бор» под Кемерово. 2 декабря 1982 года В.Д. Фёдоров с супругой уехали домой в Москву.

Это счастливое время выздоровления поэта в Кемерово нашло отражение в стихотворении Ларисы Фёдоровны Фёдоровой, жены поэта.

*Наступит день,
Но если ты не рядом
И взгляд любви ответа не найдёт,
То я ни ночи и не дню не рада,
Мне всё равно, что в мире —
Дождь или снег идёт!*

*Нет, лучше снег...
Ведь он воспоминанье,
Он нависал над нами словно дым...
Под белыми деревьями свиданий
Мы никогда уже не повторим!*

*О, как они торжественно встречали
Нас вечерами, высветляя путь,
О, как они нас, венчаных, венчали
И всё пытались в молодость вернуть...*

*И что-то в нас таинственно
свершалось,
Снег оведал и молодил лицо,
Стихали в мире битвы, и кровавость
Не иступляла праведных бойцов.*

*И белым голубем казался город,
Бездымны были силуэты труб...
Запомнилась руки твоей опора,
Тепло груди, и плеч твоих, и губ...*

*Обнявшись, мы стояли у реки.
Над ней метель уже торжествовала.*

*Событий нет.
Снег — это пустяки.*

Но я счастливей в жизни не бывала!

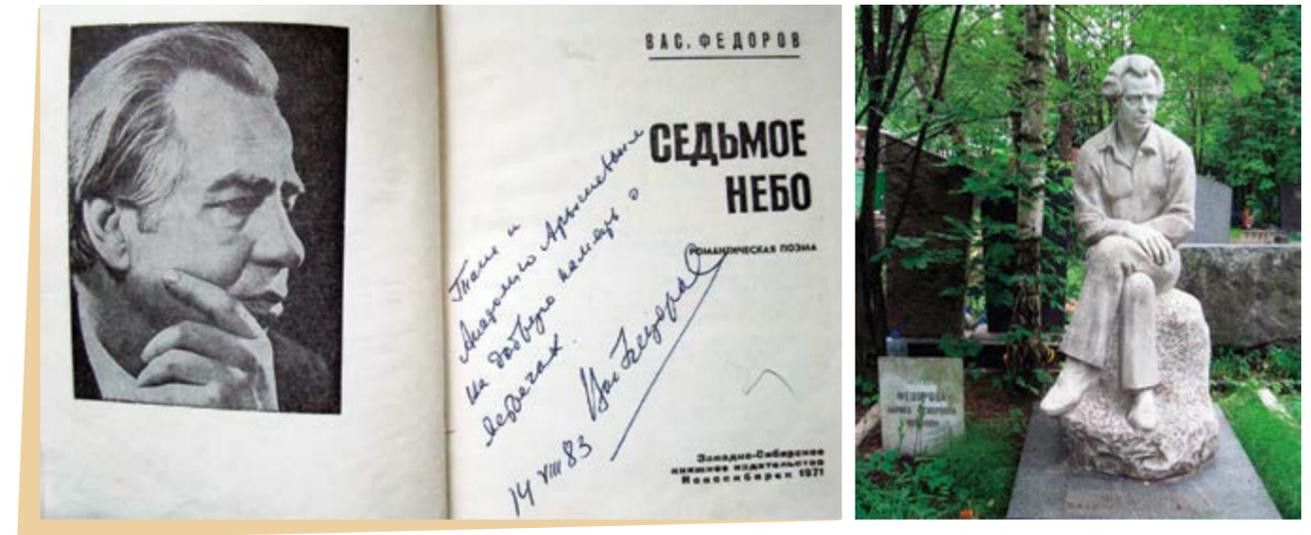
Профессору Т.И. Шраеру поэт посвятил

стихотворение «Я снова жив...», стихотворение опубликовано в журнале «Наш современник». 1983. № 6. С. 28-31. За подборку стихотворений «В земной колыбели» В.Д. Фёдоров стал лауреатом премии журнала «Наш современник» за 1983 год (см. «Наш современник». 1984. № 1).

В 1982 году кемеровский художник Герман Порфирьевич Захаров (1933—1992) успел создать два прижизненных портрета поэта: портрет «Поэт Василий Фёдоров у сломанного дерева» и живописный портрет «Поэт Василий Фёдоров и красный конь», который, по словам Т.И. Махаловой, особенно понравился В.Д. Фёдорову и был увезён поэтом в Москву. Этот портрет опубликован в книге: Кузбасс. Кемеровская область. Фотоальбом/Под общ. ред. П.М. Дорофеева. Текст П.С. Ворошилова. М.: Планета, 1986. — С. 231. Портрет «Поэт Василий Фёдоров у сломанного дерева» года находится в Марьевском литературно-мемориальном музее.

26 февраля 1983 года большая группа работников культуры Кемеровской области поехала в Москву, в Центральный дом работников искусств (ЦДРИ). Возглавил делегацию П.М. Дорофеев. Из воспоминаний участника кузбасской делегации поэта Виктора Баянова: «В одном из залов Центрального дома работников искусств была развернута небольшая выставка живописных и графических работ кузбасских художников. Выделялся яркостью исполнения портрет Василия Дмитриевича, написанный Германом Захаровым. Лицо поэта — одухотворённое, светлое. Взгляд острый и внимательный, устремлён в пространство, вроде всматривается в загаданную для себя трудную, но и отрадную дорогу, которую предстоит ещё одолеть. <...> Портрет Василию Дмитриевичу понравился. Обходя зал, он нет-нет да взглядывал на него с разных сторон. Успокоенно отошёл, когда о портрете одобрительно отозвался известный художник Яр-Кравченко».

На этой выставке были представлены 4 портрета Г.П. Захарова: «Достоевский и Исаева», «Владимир Высоцкий», «Лариса Фёдорова», «Василий Фёдоров у сломанного дерева». Из воспоминаний Германа Захарова: «Картина заключалась вот в чём: сломанное — бурей ли, временем ли — мощное дерево. И поэт, опустив голову и глядя куда-то в сторону, положил свою руку на место слома... <...> Символ

всего преходящего — мудрое, изборождённое морщинами дерево, рухнувшее, несмотря на свою мощь... И человек, державший свою руку на сломе рухнувшего дерева, осознаёт конечность всего, и поэтому, думая о своём будущем, он думает прежде всего о максимальной самоотдаче, которая единственно может оправдать целесообразность отпущенного тебе на земле срока...»

21 февраля 1984 года в станице Вешенской Ростовской области скончался великий русский писатель Михаил Александрович Шолохов. Василий Фёдоров откликнулся статьёй «Объединитель судеб людских (На смерть Шолохова)»: «Утрата эта невосполнима. Мне кажется, что она равнозначна утрате Толстого для России. <...> Он был поэт в своей прозе. Драматические ситуации, описанные им, полны поэзии <...> Он видел жизнь далеко вперёд... В молодости он взвалил на себя громаду, которую нёс всю жизнь, и выдержал» («Советская Россия». 1984. 24 февраля. № 47).

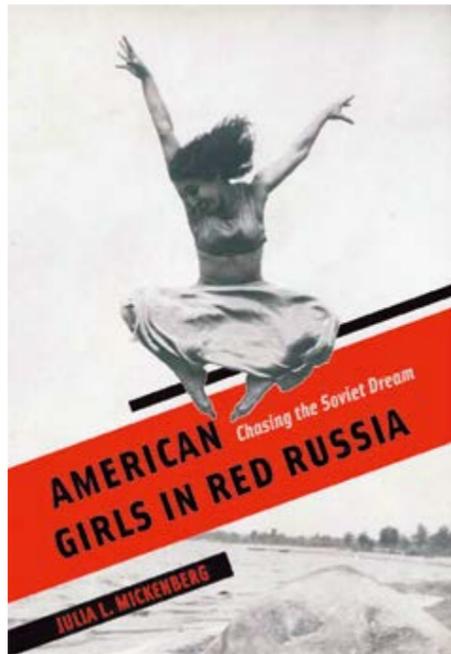
19 апреля 1984 года в г. Ессентуки перестало биться сердце поэта Василия Фёдорова. 24 апреля 1984 года Москва прощалась с Василием Фёдоровым... Некрологи 24 апреля 1984 года опубликовали газеты и журналы: «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Советская культура»; 25 февраля — «Литературная газета»; 27 апреля — «Литературная Россия», а 28 апреля — журнал «Огонёк» (1984. № 18. С. 28). Слово прощания с Василием Фёдоровым опубликовал третий номер журнала «Огни Кузбасса» за 1984 год (с. 84-85), в журнале опубликована фотография

поэта Виктора Грызыхина и его портрет работы Германа Захарова.

Из интервью жительницы д. Марьевка (записано оператором Кемеровской студии телевидения Юрием Яковлевичем Светлаковым 31 июля 1988 года во время Фёдоровских чтений в Марьевке): «И кто бы к нему за какой бы помощью ни обратился, он всегда окажет помощь. Такой шибко был положительный, хороший. И вот, может быть, это и не нужно говорить, когда, значит, он помер, тут это, была Пасха. Я стряпалась, конечно. Приходит ко мне сестра и говорит: «Василий Димитрич умер!». Ой! Я просто слезой умылась» (Светлаков Ю.Я. «Поэта надо издали любить...: Как мы снимали очерк «Я душу распахну — входи!» и о программе «Как слово наше отзовется...». Из цикла «Знай наших!». — Кемерово: ООО «ИНТ», 2017. — С. 14).

Произведения В.Д. Фёдорова переведены на 15 иностранных языков: албанский, английский, болгарский, венгерский, испанский, китайский, немецкий, польский, румынский, сербохорватский, словацкий, украинский, французский, чешский, шведский. Профессиональными композиторами и бардами созданы песни на его стихотворения. Профессиональными художниками и скульпторами созданы его живописные и графические портреты, бюсты и скульптуры.

Возможно, что в Кемерово появится со временем улица или площадь поэта Василия Фёдорова, писателя из разряда классиков, звёздного сына города Кемерово, чьё творческое наследие стало национальным достоянием России.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ РУТ КЕННЕЛЛ В КРАСНОЙ РОССИИ: МОНОГРАФИЯ «AMERICAN GIRLS IN RED RUSSIA: CHASING SOVIET DREAM» ДЖ. Л. МИКЕНБЕРГ

Джулия Л. Микенберг, профессор американистики в университете штата Техас, г. Остин. Интересно, что ее научный интерес к судьбам американок, попавших в Советский Союз, начался именно с истории Рут Кеннелл. С архивом Кеннелл она познакомилась во время работы над своим первым научным исследованием, темой которого была детская литература, созданная американскими писателями левого толка.

В 2017 году профессор американистики техасского университета Джулия Л. Микенберг опубликовала монографию «Американки в Красной России: преследуя советскую мечту». В ней исследуются причины, побуждавшие молодых американок бросать налаженный быт и приезжать в постреволюционную Россию. Одну из глав автор полностью посвятил удивительной истории Рут Эпперсон Кеннелл — драйзеровской «Эрните», писательнице, журналистке, феминистке, общественному деятелю и, среди всего прочего, кузбасской «колонистке». Тщательно изучив личный архив и публицистику Кеннелл, Дж. Микенберг восстанавливает ее сибирскую историю, в которой причудливым образом наслонились друг на друга роли жены,

возлюбленной, матери, репортера, борца с гендерным неравенством, активного члена общества и т.д.

Обобщив накопленный библиографический материал по нескольким «красным американкам», автор приходит к выводу, что основная причина, побуждавшая американок 1920-1930-х годов покидать родные берега, сводится к поиску гендерной справедливости. Америка хоть и называется страной свободы, но в те годы была страной прежде всего пуританской и патриархальной: обычной женщине, не обладающей выдающимися талантами, реализовать себя было довольно сложно. Удел ее емко передает старое доброе немецкое «Kinder, Küche, Kirche, Kleider» — «Дети, кухня, церковь, платье». А

в Советской России, как известно, и кухарка имела потенциальную возможность управлять государством.

Мотивацию «советских американок» можно объяснить при помощи элементарной социальной психологии. Чтобы быть счастливым, современному человеку необходимо реализовать себя как личности: самореализация — вершина в иерархии человеческих потребностей, если верить американскому же психологу А. Маслоу. Согласно его теории, структурно обобщенной им в виде пирамиды, самый базовый уровень человеческих потребностей сводится к удовлетворению физиологических нужд и потребности в безопасности. Но не хлебом единым жив человек: когда он сыт, одет и на него никто не охотится, возникает потребность в любви и принадлежности к группе. Сытый, одетый, не прячущийся по подвалам индивидум хочет найти свое место в социуме и создать семью. Но и добившемуся всего этого человеку не живется спокойно: теперь ему надо удовлетворять так называемые «престижные потребности» — в успехе, признании, карьерном росте. Но и все это не дает человеку счастья: теперь, наряду с потребностью в познании и эстетике, ему предстоит взобраться на самую вершину пирамиды Маслоу и удовлетворить потребности в самоактуализации, т. е. реализовать себя как личность.

А теперь представьте, что этот человек — женщина... Женщина, родившаяся в Америке в конце XIX века.

По мнению американской общественности, порядочной американской домохозяйке просто нечего больше в жизни хотеть — у нее все есть. Но ведь дом и семья, говорит нам Маслоу, это только самые нижние ступени пирамиды...

Микенберг полагает, что многих американок привлекала перспектива коммунального быта, которую предлагала молодая Страна Советов. Представьте себе, сколько времени поглощало у женщины домашнее хозяйство в дохолодильниковую, допосудомоечную, домикроволновочную и достиральномашинную эпоху. А коммунальный уклад предполагал общественные столовые и прачечные, ясли и детские сады. То есть возможность жить... как мужчине: честно отработав положенные восемь часов, придти домой «на все готовенькое». И да, еще героиням монографии Микенберг хотелось жить полноценной во всех смыслах жизнью, не вызывая осуждающих взглядов чопорных соседей.

Однако вряд ли стоит сводить всю мотива-

цию «советских американок» только к идее свободной любви. Хотя именно это делают Рут Барраклоу, Хизар Боуэн-Струйк и Паула Рабинович — авторы другого феминистского исследования под красноречивым названием «Красная любовь: через Тихий океан. Политические и сексуальные революции двадцатого века» (2015 г.) Вся «сибириада» Кеннелл укладывается у них в небольшой параграф (американка отправилась в Сибирь, познакомилась там с американским же инженером, изменила с ним мужу, познала истинную страсть) и приводится авторами в качестве доказательства того, что простое пребывание в Советской России позволяло заморским гостям не только посмотреть, но и поучаствовать в «новой морали», для чего не обязательно было затевать роман с местными, волне годились и соотечественники...

А между тем некоторых женщин привлекала возможность посмотреть мир и побывать там, где, по слухам, вершится история: «сидеть на самом краешке коммунизма и держаться за руки», по меткой формулировке Рут Кеннелл. Может быть, потому, что в турбулентные годы перемен особенно остро ощущается «живая жизнь».

Так удалось ли Рут Кеннелл реализовать себя как личность, не перестав быть женой и матерью? Вниманию читателей предлагается обработанный перевод главы «Американок в Красной России» под названием «От Кузбасса до Москвы».

ИЗ АМЕРИКИ – В КУЗБАСС

Весной 1922 года Рут Эпперсон Кеннелл и ее муж Фрэнк, откликнувшись на призыв Ленина, оставили свой дом в Сан-Франциско и приехали в Кемерово, чтобы присоединиться к Автономной Индустриальной Колонии «Кузбасс». Рут стала основным хроникером и публицистом Колонии: она оставила статьи, книгу для детей, мемуары, дневник, переписку, в которых рассказывала о своем сибирском опыте.

...После смерти отца юная Рут, ее старшие брат с сестрой и их мать Элла, феминистка и человек свободолобивый, в поисках лучшей жизни уехали из Оклахомы в Калифорнию. Несмотря на то, что бедность их была порой катастрофической, Рут всегда хотела стать писательницей, актрисой или «лидером своего многострадального пола». Но в Сан-Франциско ей пришлось обратить свои стрем-

ления в более практическое русло, и она стала работать в детской библиотеке.

Рут жаждала духовной жизни, в результате чего выскочила замуж за первого же интеллектуала, который обратил на нее внимание. Им оказался студент семинарии Фрэнк Кеннелл. Свою семейную жизнь Рут скорее терпела, чем любила: их браку угрожала не только сексуальная несовместимость, но и политические разногласия. Дело в том, что когда началась Первая мировая война, Фрэнк сперва, вопреки возражениям супруги, пытался записаться в армию, но его не взяли из-за плохого зрения. А потом он, опять же чтобы насолить жене, заделался пацифистом и социалистом, что помешало ему стать протестантским священником и получить приход — к радости атеистки Рут, которая себя в роли «пасторской жены» не представляла. Боль, которую она испытывала, наблюдая, как Фрэнк проповедует с кафедры, была, по ее словам, почти физической, таким слабым и неискренним он ей казался. В итоге Фрэнк устроился в издательство религиозной литературы в Сан-Франциско. Жизнь супругов Кеннелл более-менее вошла в колею.

Но вскоре просвещенные Рут и Фрэнк присоединились к Индустриальным Рабочим Мира, членов которой называли «убблы». Хотя Кеннеллы и их товарищи были в восторге от русской революции, они не присоединились к коммунистической партии США, когда та возникла в 1919 году. Впрочем, Рут сама позже признавала, что в то время имела весьма смутное представление о том, что такое революция, так как осилила только одну главу «Капитала» Маркса.

Первая беременность Рут, по всей вероятности, была искусственно прервана ею. Рут боялась, что материнство превратит ее в «тягловую лошадь домашнего быта» и закроет для нее мир, но Фрэнк очень хотел ребенка, и делать аборт во второй раз она не рискнула. К своему удивлению, когда родился маленький Джимми, названный так в честь сидящего в тюрьме убблы Джеймса Прайса, Рут сразу же полюбила его всем сердцем, и целиком посвятила себя материнству. Фрэнк же присоединился к Обществу Технической Поддержки Советской России и записал в него Рут: этот полный энтузиазма акт был его попыткой доказать жене, «что материнство не исключает человека из общественной жизни». Вот только сама Рут остро ощущала, как история проходит мимо, пока она занимается домом.

Несколько облегчал жизнь тот факт, что часть хозяйственной рутины им удавалось делить с другой супружеской парой, с которой они вместе снимали дом: уже тогда идея коммунального быта очень привлекала Рут. Именно соседи и принесли домой выпуск газеты «Либерейтор», в котором была опубликована хвалебная песня Кузбассу: «Требуются первопроходцы в Сибирь». Сперва Рут отнеслась к статье весьма скептически, однако что-то ее заинтриговало. Фрэнк же с присущим ему рвением был готов немедленно собирать чемоданы. Джимми, которому на тот момент было полтора года, было решено оставить на попечение матери Фрэнка — мать Рут в то время уже жила в коммуне, зарабатывавшей разведением птицы.

«СЧИТАЙТЕ, ЧТО ВАС ПОЗВАЛИ СТАТЬ ОСНОВАТЕЛЯМИ НОВОЙ АМЕРИКИ»

Так было написано в Проспекте Колонии. В другой агитационной статье на нескольких страницах описывался воображаемый ужин в «столовых Центрального кузбасского кооператива», где стены «покрыты белым кафелем», стоят «удобные кресла», царит «интеллектуальная и здоровая атмосфера» и подаются «изысканные блюда».

Надо сказать, что о женщинах-волонтерах члены нью-йоркского офиса АИК думали далеко не в первую очередь. Явный избыток «сибирских красавиц» и работа промышленного характера подразумевали, что нет смысла рекрутировать много «сильных, здоровых женщин, привычных к труду на открытом воздухе, женщин-пионеров»: достаточно будет небольшого количества дам, чье присутствие поможет поддержать «атмосферу домашнего очага». И все равно, Колония привлекала женщин, которые надеялись, что эгалитарная жизнь в коммуне освободит их от тягот быта.

Под маской нового революционного общества Колония предлагала женщинам приносящий удовлетворение и пользу труд, полноценный отдых, коммунальное ведение домашнего хозяйства при сохранении домашней атмосферы, которая охватывала бы всю коммуны в целом.

Хотя Ленин уже в 1919 году хвастался, что Советский Союз сделал для женщин больше,

*Прогрессивные колонистки
в брюках поражали
воображение местных*

чем какое-либо другое цивилизованное общество, он все же признавал, что, пока социализм не будет достигнут в полной мере, женщина «продолжает оставаться домашней рабыней, несмотря на все, — ибо ее душит, отупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительной, мелочной, изнervляющей, отупляющей, забивающей». Да, пусть в 1922 году борьба за социализм только начиналась, но в тепличных условиях АИК он может быть реализован немедленно и в полной мере, а, значит, сбудется и все то, что социализм обещает женщинам. Наряду с «мелким домашним хозяйством» Кузбасс освободил женщин и от буржуазной морали, а именно этого, сама того не понимая, и жаждала Рут Кеннелл.

Но чтобы реализовать себя в социуме, Рут уже в самом начале пути пришлось пожертвовать ролью матери. Еще до отъезда у Рут начались ночные кошмары, вызванные приближающимся расставанием с ребенком, которые продолжались и в России: «Мне приснилось, что я уронила Джимми, снимая его со ступенек на выходе из вагона, и он ударился головой», писала она своему брату. «Я подняла его, но он был без сознания, а я не знала, что сделать, чтобы привести его в чувства. Я испугалась, что он умер, и больше ничего не помню. Помню только, как вглядывалась в его бледное личико и думала, что если только он сейчас оживет, я никогда больше его не оставлю».

И все равно отъезд казался ей правильным поступком. Такими словами оправдывает свое решение Эрнита, под чьим именем Рут вошла в повесть Теодора Драйзера: «Может, это было не по-матерински с моей стороны, но в той критической ситуации мне казалось, что это моя единственная возможность — не только сбе-

жать от опостылевшей мне жизни домохозяйки, но и удовлетворить мою жажду служения, — доказать, что мать может работать на благо мира и оставаться матерью».

Итак, 22 июля 1922 года судно «Роттердам» вышло из порта. Все 135 членов Кузбасской группы стояли на верхней палубе, распевая интернационал и размахивая красным флагом, и когда портовые рабочие помахали им красным флагом в ответ, Рут с ее товарищами пришли в неистовое ликование, прежде чем успели понять, что это был всего-навсего сигнальный флаг.

На борту корабля Фрэнк и Рут быстро стали центром группы, организовывая вечерние развлечения — песни и танцы. Однажды они даже поставили пантомиму, которая рассказывала о разнообразных причинах, побудивших людей уехать в Сибирь. Один из колонистов, усевшись на чемодан и нахлобучив на голову здоровенную консервную банку, играл царя. Высокий финн, изображавший русского рабочего, наступал на него, распевая марсельезу, и сгонял его с «золотого трона». Тут на него набрасывались солдаты союзников и контрреволюционеры, и только-только рабочему удавалось их победить, как на импровизированную сцену, «одетая в черное и с изможденным лицом», выходила Рут, изображавшая Голод, и начинала под звуки траурного марша кружить вокруг рабочего и его ребенка. В конечном итоге, весь в белом, появлялся АИК «Кузбасс» и всех спасал. Он прогонял Рут и рука об руку с рабочим воодушевленно пел «Интернационал».

Дни шли быстро, а вечера Рут проводила на палубе, любуясь на звезды и размышляя о будущем. Пароход сделал остановку в Англии, а потом в Роттердаме колонисты пересели на судно поменьше. В какой-то момент коммунисты устроили на борту собрание только для комму-

нистов, и Рут ушла, исполненная презрения. Коммунисты, как быстро поняла Рут, находились на привилегированном положении — как в Кузбассе, так и повсюду в Советском Союзе.

WELCOME TO RUSSIA!

Несмотря на всевозможные идеологические и этнические различия, вся группа испытала душевный подъем, когда пароход миновал крепость Кронштадт, и по золотому шпилю впереди стало понятно, что они подплывают к Петрограду. Но в «землю обетованную» они прибыли на два дня раньше срока, и никто их не встретил. К всеобщему удивлению, к колонистам отнеслись не как к героям-спасителям, а как к обыкновенным иммигрантам. После того как багаж был досмотрен, а капитан прошел через все мыслимые и немыслимые бюрократические препоны, чтобы, наконец, сбить с рук своих пассажиров, колонистов предоставили самим себе. В ту ночь они спали прямо на полу старого особняка, в котором размещалось миграционное бюро.

Отведав испорченной колбасы, Рут мало что успела увидеть в Петрограде, но то, что ей все же удалось увидеть, она описывала как «увечный город, полный лишений, руин и хаоса, страданий и запустения». Когда специально выделенный для их группы поезд, наконец, тронулся, она рада была покинуть Петроград.

Путь их лежал сквозь самое средоточие голода, который Рут изображала в веселой пантомиме на борту «Роттердама». Запустение царило повсюду, и на его фоне резко выделялся тот относительный комфорт, с которым путешествовали колонисты: им требовалось немало усилий, чтобы сохранить свою бесценную провизию и здоровье. В поезде был кухонный вагон, а еду раздавали во время долгих остановок. Колонисты выстраивались в очередь, получали свою порцию и съедали ее, сидя прямо на рельсах, и все это время их окружали попрошайки и беспризорники. У Рут вызывали негодование некоторые «сентиментальные личности», которые делились с наиболее жалкими юными беспризорниками едой или одеждой: ведь накормить и одеть те голодные орды, которые сновали вокруг поезда, было никому не под силу. Рут не уставала напоминать своим попутчикам, что они приехали сюда не в составе гуманитарной миссии, а как технические работники. Сопротивляться жалобному плачу из-

можденных детей было нелегко, но Рут себя к «сентиментальным личностям» не причисляла.

В какой-то момент поезд на целую неделю застрял рядом с временным моргом для жертв холеры. Смрад стоял ужасающий. В поисках свежего воздуха Рут отправилась в ближайший городок. Обветшалый особняк, видимо, конфискованный у хозяев большевиками, окружал заросший сад, посреди которого возвышался какой-то революционный монумент из выкрашенного красной краской дерева. Повсюду царило запустение.

В дороге Рут наблюдала, как за окном один пейзаж сменяет другой. Березы и дикие цветы перемежались полями, урожай на которых собирали вручную. Ближе к Уралу бескрайние луга и золотые поля уступили место холмам, поросшим соснами и елями. Но по мере приближения к Сибири пейзаж становился монотонно плоским. Путешественников стали одолевать комары; часто шел дождь, а вокзалы на станциях становились все ужаснее и грязнее. С нелегким сердцем Рут представляла себе те два года, которые ей предстояло здесь провести.

В КУЗБАССЕ

Им понадобилось целых 24 часа, чтобы проехать последние 30 миль, и когда группа, наконец, прибыла на место жарким августовским днем, колонисты оказались приятно удивлены открывшимся видом: через город бежала река, по берегам которой рос прекрасный лес, где клены и березы только-только начинали пламенеть между высоких зеленых сосен.

Нехватка жилья вынудила первых колонистов обитать по 6-7 человек в комнате, или, того хуже, в товарных или пассажирских вагонах и старых палатках. Каждая новая волна приезжих боролась за место под солнцем с десятками тысячами местных жителей, которые — вот сюрприз! — обитали здесь задолго до того, как американцы добрались до этого промышленного фронта, представлявшего им эдаким пустынным и безлюдным диким западом. Местные были зачастую враждебно настроены как к большевикам, так и к иностранцам, в которых видели угрозу своим домам и рабочим местам.

Антисанитария стала еще большей проблемой, чем жилье. К вышеупомянутым комарам присоединились мухи и тараканы, которых было навалом на любой кухне. Произошла вспышка

дизентерии, от которой умерла четырехлетняя американская девочка.

И все равно Рут была в восторге. Им с Фрэнком три недели предстояло делить с новым главным инженером Альфредом Пирсоном и его женой не только комнату, но и кровать, так как постельные принадлежности Пирсонов застряли где-то в дороге. Директор АИК Себастьян Рутгерс шутил, что Кеннеллы и Пирсоны, наверное, из тех аморальных коммунистов, о которых судачит американская пресса.

Элита Колонии обитала в каменном доме на вершине холма, из-за чего его прозвали Паразит-Хилл. Рут пришлось временно отложить свои планы организовать в Колонии библиотеку. Она стала работать в бюро, где помогала Пирсону, а также стала учить детей в школе Колонии, в то время как Фрэнк совмещал работу директора школы и бухгалтера. Ожидавшая «полного социального равенства», Рут вскоре обнаружила, что остальные испытывали презрение к сотрудникам бюро, а особенно к обитателям Каменного Дома. Рабочие вскоре проголосовали за то, чтобы «белые воротнички» работали по девять часов в день, а не восемь, как все.

Но и в самом Паразит-Хилл конфликтов хватало, и вращались они, в основном, вокруг миссис Пирсон, по словам Рут, пытавшейся превратить сибирский шахтерский городок в Гофер-Прери из романа «Главная улица» (1920 г.) С. Льюиса, ставшего воплощением неустроенного периферийного городишки, жители которого лицемерно консервативны. Эти ссоры ярко высвечивали гендерные, классовые, этнические и идеологические конфликты в АИК. Рут раздражали постоянные перепалки между миссис Пирсон, белой англосаксонской протестанткой, и американской еврейкой миссис Хан, но еще больше бесил ее тот факт, что миссис Пирсон ожидала, что Рут с готовностью взвалит на себя традиционные женские обязанности. Одно дело, когда неработающие жены выполняют свою часть работ по ведению хозяйства, хотя этот момент также послужил в Колонии причиной многих споров. Но Рут ведь работала, а не была домохозяйкой! «Разве я покинула свой уютный дом и ребенка, чтобы оказаться в такой средневековой ситуации? Ну, уж нет! Я рассчитывала на то, что, кроме всего прочего, освобожусь от домашних дел и добьюсь полного равноправия с мужчинами». Хотя большинство женщин приехали в качестве

жен или иждивенцев, несколько, как и Кеннел, приехали работать: зубной врач и доктор Колонии были женщинами, как и школьные учителя и распределитель пайков. Были и другие женщины, которые полный рабочий день трудились в столовой, больнице, прачечной и бюро.

К концу лета строители закончили весьма скромный, но функциональный Дом Коммуны. Его «ряды комнат, грубо отесанные перегородки из сосновых досок, длинные безлюдные коридоры и большая пустая столовая, где столы и скамьи были покрыты промасленной тканью» слегка ослабили квартирный вопрос, но не решили его. Рут и Фрэнк питались в общей столовой, так как миссис Пирсон стала просто невыносима, даже после того, как они перестали делить с Пирсонами комнату и постель.

Там Рут испытала нечто близкое к настоящему коммунизму. Описывая жизнь в Колонии, она писала, что «хотя по беленым стенам столовой и бегали тараканы», которые «могли упасть в еду в любой момент», система коммунальной жизни в основном работала хорошо: «Еды много и она вкусно приготовлена, хотя в диете и слишком много крахмала. Постепенно вы даже полюбите черный хлеб, кислый, мокрый, быстро покрывающийся плесенью. Свежих овощей, мяса, яиц, молока и меда в избытке, но сахар, белая мука, фрукты и мыло есть только в тех запасах, которые импортирует Колония, за пределами Колонии ничего этого достать нельзя. Тем, кто предпочитает готовить самостоятельно, выдается паек на десять дней. Мыло и табак выдаются ежемесячно. Все члены колонии, кроме детей и матерей с младенцами, должны выполнять общественно полезную работу. Взамен они получают еду, кров и кое-что из зимней одежды — меховые шапки и рукавицы, а также валенки. Прачечная при Колонии принимает по десять предметов одежды от каждого колониста в неделю. Туфли можно починить в мастерской по ремонту обуви. Мы тут прекрасно обходимся без денег».

Рут старалась оживить досуг Колонии, энергично планируя вечеринки и представления. С помощью Фрэнка она поставила пьесу Сюзан Гласпел под названием «Подавляемые желания» — фрейдистскую бытовую комедию. По мнению Дж. Микенберг, Рут уже тогда едва сдерживала то желание, которое вскоре поглотит ее всю: утопическое, социальное желание стать частью нового общества нашло выход в виде глубоко интимного сексуального пробуждения.

СИБИРСКАЯ ЛЮБОВЬ

Когда Рут осознала, что вносит существенный вклад в жизнь Колонии, ею стали овладевать чувства, которых она не знала ранее. Еще в свой первый день в бюро она встретила Сэма Шипмана, инженера, который объяснил ей ее рабочие обязанности. «Он был высок и хорошо сложен, у него были темные глаза, которые задумчиво смотрели из-под очков в толстой роговой оправе, и чувственный рот, а в движениях была какая-то грация, даже учитывая, что одет он был в простую рубашу цвета хаки и грязные вельветовые брюки. В нем как бы объединялись очарование юности и мудрости».

Они быстро стали друзьями и подолгу гуляли в сосновом бору, чья красота позволяла Рут отдохнуть от мелочных конфликтов Колонии — конфликтов, которые только усугубили трения между Рут и Фрэнком. Рут и Сэм стали видеться еще чаще после того, как Сэм и Ирвин, его сосед по комнате, поселились на чердаке Паразит-Хилл. Они часто заходили к Кеннеллам в гости, и, пока Фрэнк дремал на кровати, читали друг другу вслух, играли в шарады, болтали и смеялись. Рут вспоминала: «Когда Сэм был рядом, жизнь не казалась уже серой и мрачной, она становилась разноцветной и приобретала романтический отсвет». Однажды, пока большой Фрэнк был прикован к постели, они с Сэмом рылись в снегу, чтобы найти учебник по русской грамматике, который Фрэнк обронил по дороге домой. Заметив учебник, Рут попыталась дотянуться до него и провалилась в сугроб. Сэм помог ей встать, и «так они и стояли, по пояс в снегу, сжимая друг друга в объятиях».

С Сэмом Рут могла забыть обо всем, и это было ей крайне необходимо, так как надвигающаяся зима принесла с собой холод и тьму. Обитатели Паразит-Хилл, и без того раздражительные, стали впадать в ярость по поводу и без. Единственным светлым пятном посреди темной зимы, полной ссор и конфликтов, оставалось решение Москвы передать американцам полное руководство Колонией уже с 1 февраля 1923 года. Однако Кузбассу пришлось перейти на систему разрядов, чтобы соответствовать политике НЭПа. Согласно этой системе, рабочие делились на 17 категорий, что должно было повысить производительность труда. Колонисты боялись, что такая система сотрет все различия между трудом «белых воротничков» и промышленных рабочих, вызовет

конкуренцию и сведет на нет все мечты о рабочем кооперативе.

Не удивительно, что уобблы были недовольны таким состоянием дел, и многие из них покинули Колонию. Чтобы ускорить свое увольнение, многие отказывались работать, но им предоставили письменное уведомление о том, что, если они не вернутся к работе, то перестанут получать паек. Было созвано собрание Колонии. Уобблы настаивали, что они уже отдали Колонии свою долю — трудом и деньгами, — не получив практически ничего взамен. Когда какой-то финский коммунист попытался перекричать выступающего уобблы, тот схватился за нож. Кто-то еще вынул пистолет. Несколько товарищей растащили ссорящихся и отобрали оружие. Уобблы согласились вернуться к работе после того, как за это проголосовало большинство коммунистов. Но они пришили себе на рабочую одежду буквы «Р» (prisonier — заключенный), чтобы всем было понятно, что они трудятся по принуждению.

Рут и Фрэнк с самого начала причисляли себя к группировке уобблы, и, хотя Фрэнк и не присоединился к забастовке, он поддерживал ее участников. Фрэнк постановил, что они с Рут уедут вместе с остальными недовольными. Рут отказалась, сказав, что она должна доработать свой двухгодичный контракт до конца. Но в глубине души у нее были совсем другие причины остаться: как она написала в своем дневнике, «я хочу остаться, чтобы быть свободной, свободной, свободной!»

Но даже Рут нервничала по поводу того, как новый порядок отразится на быте Колонии. По мере приближения перевода на заработную плату, она с ностальгией вспоминала: «Я думаю, самым прекрасным опытом в моей жизни навсегда останутся те несколько месяцев полной свободы от денежного проклятия и частной собственности, когда я честно трудилась рядом с мужчинами, ела в общественной столовой, сдавала грязную одежду в общественную прачечную, чинила туфли в общественной ремонтной мастерской... получала ежемесячно свой кусок мыла, и не потратила ни рубля на удовлетворение своих нужд».

Рут была согласна с тем, что сам факт разделения рабочих на классы был ошибкой. Когда колонисты встретились на собрании, чтобы обсудить разделение по разрядам, Фрэнк предложил создать видимость того, что система разрядов введена, а на деле колонисты распределяли

бы зарплату поровну. Рут поддержала своего мужа, сказав, что коммунальная жизнь представляется ей более эффективной, и что если русские не готовы к коммунизму, то американцы — вполне готовы.

Но их голоса оказались в меньшинстве: кто-то из колонистов даже выкрикнул, что, если система заработных плат годится для русских, то она годится и для них. Другая женщина, коммунистка, ухмылялась: «Она (Рут) собирается учить русских есть мороженое!» Рут ответила, что если американцам нечему учить русских, тогда они зря приехали. Последнее слово осталось за Гарри Сусманом, главным весельчаком Колонии: «Рабочие всего мира, объединяйтесь! И разделяйтесь на 17 разрядов!»

Рутгерс спросил у Кеннеллов, смогут ли они принять новую систему. Фрэнк было начал ворчать, но Рут ответила, что ее все устроит, если только быт Колонии будет организован по-старому, потому что такая организация «означает эмансипацию для меня как трудящейся женщины». Тридцать пять колонистов, среди которых были пять женщин и семеро детей, покинули Колонию. Некоторые колонисты излили свое недовольство американской прессе. Так, чета Дойлов подала на АИК в суд и давала американской прессе сенсационные интервью, описывая домогательства, которым регулярно подвергалась миссис Дойл в стране дикарей.

С точки зрения Рут, от Дойлов с самого начала было много проблем, и с остальными колонистами они не ладили. Миссис Дойл однажды напала на учительницу, которая отправила ее сыновей домой за то, что они срывали урок. Рут подозревала Томаса Дойла в краже продуктов со склада, которым он заведовал. Хотя обвинения Дойлов и были ложными, они выставили Колонию в невыгодном свете, поставив под угрозу ее будущее.

Жалобы Дойлов относительно «свободной любви», пусть и преувеличенные, говорили о растущем расколе в американском обществе, который вынуждал большие массы людей искать убежища за границей. Можно представить, в каких красках недоброжелатели могли живописать местный обычай купаться голышом, с иронией описанный в зарисовке Тома Бейкера для журнала «Нью Массес» под названием «Ад в Сибири»: «По воскресеньям тут как на пляже Рокавей в Калифорнии. Все плещутся в водичке, мамы, папы ребяташки,

шахтеры и «белые воротнички», и, можете мне не верить, но купальных костюмов почти не видно. ...А сколько людей купаются голышом! Вот было бы раздолье для американского Общества по наблюдению за нравственностью граждан. Шанс всей жизни для Американского Пуританина, а кругом — как назло ни одного пуританина не сыскать!»

Рут удалось уговорить Рутгерса предоставить место под библиотеку на верхнем этаже здания бюро, где она могла бы одновременно заниматься своими секретарскими обязанностями и хранить папки и записи дел Колонии. Там же она собирала почту. Описывая новое помещение как «центр культурной жизни Колонии», Рут полагала, что библиотека произвела «весьма положительный эффект на политико-моральный дух Колонии».

ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

К весне Рут чувствовала себя счастливее, чем когда-либо раньше. Работа ей нравилась, и она знала, что ее труд ценят. Приятное разнообразие вносил и расцветший буйным цветом роман с Сэмом. Снег, наконец, растаял, появилась первая зелень, на Томи начался ледоход, и мимо пронеслись огромные льдины. Как-то раз в начале мая Рут и Сэм гуляли в лесу за Каменным Домом: «Все было как в сцене из какой-нибудь русской пьесы. Пели птицы, пели русские девушки, отдыхающие в тени деревьев. Под ногами простирался настоящий ковер из фиалок, и каждый день появлялись все новые и новые цветы».

И чем счастливее делалась Рут, тем больше они с Фрэнком отдалялись друг от друга. К середине мая Фрэнк решил вернуться в США, но не исключал, что вернется, и, вероятно, вместе со своей матерью и маленьким Джими. Решение Фрэнка об отъезде изменило все. Время, которое Рут проводила с Сэмом, теперь наполнилось опьяняющими предчувствиями. Она стала видеть в рутине дополнительный смысл. Во время их лесных прогулок она обнаруживала все новые и новые цветы, которых никогда не видела раньше, а местные, которые «толпами потянулись в лес», казалось, «были одеты в соответствии со своей ролью на этой лесной сцене — первобытные люди, живущие простой, природной жизнью», — писала она в своем дневнике.

Два месяца ожидания отъезда Фрэнка стали для нее мучением. Рут писала матери: «Я думаю, нам надо отдохнуть друг от друга». Она полагала, что ограниченное пространство, в котором протекала их жизнь — они работали в одном и том же здании и жили в одной и той же комнате, — только усугубляло их проблемы. И все же она пришла к следующему выводу: «Думаю, именно мне наша совместная жизнь больше в тягость. Фрэнк же из тех верных, моногамных мужей, которые рады видеть свою жену 365 дней в году по 24 часа в день на протяжении 50 лет».

Отъезд Фрэнка, отложенный на 12 часов из-за задержки поезда, стал для Рут невероятным облегчением. После целого дня, проведенного вместе с Фрэнком на вокзале, она вернулась в тишину их комнаты. Глядя из окна на реку, протекающую внизу, она услышала, как вошел Сэм: «Я повернулась и без всякого стыда бросилась к нему в объятия. И тогда из соседней комнаты вдруг совершенно четко донесся визгливый голос миссис (Пирсон): «Пусть она убирается и не возвращается никогда!» Мы тут же разомкнули объятия, испытав сильное чувство вины».

Но миссис Пирсон было не под силу их различить. В жизни Рут началась новая глава: «Мне казалось, что я двигаюсь, как во сне, исполненном таких желаний, которые, как мне ранее казалось, мне не суждено будет воплотить в жизнь. Одна за другой с меня спадали все те цепи, которыми сковало меня традиционно общество — дом, семья, домашнее хозяйство, приниженное положение женщин в обществе; я была свободна, одна в Новом Мире, экономически независимый и полезный член общества, чьи цели я полностью разделяла».

КОММУНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

По правде говоря, Рут не чувствовала себя до конца свободной. Она остро ощущала осуждение, исходящее от миссис Пирсон, и чувствовала, что обязана держать их с Сэмом отношения в секрете от других колонистов, которые знали ее как жену Фрэнка. Более того, ее собственное чувство морального долга не позволяло ей полностью отдаться новому чувству. Все усложнялось еще и тем, что через несколько недель после отъезда Фрэнка Рут сказали, что как одинокой женщине ей теперь придется переехать из Паразит-Хилл в Дом Коммуны.

Сэм и его друг Ирвин помогли Рут перенести вещи в удобную комнату, в которой зимой жила Кева «Китти» Ортт. Китти, домохозяйка из Топеки, которая бросила мужа, чтобы приехать в Кузбасс, отвечала в Колонии за пищевой паек, за что ее прозвали Королевой Пайка. Рут и ее сожитель построили летний домик в лесу, и Китти согласилась пустить Рут к себе в комнату, пока не станет слишком холодно. Рут попыталась воспользоваться ситуацией с выгодой для себя, избавившись от обнаруженных ею клопов при помощи керосина и обставив комнатушку на свой вкус.

Долгие летние дни она проводила с Сэмом, и, в конечном итоге, поддавшись соблазну, которому она так долго сопротивлялась, она написала в своем дневнике: «Есть вещи слишком личные и драгоценные, чтобы о них писать». Фрэнк, не зная, чем занимается его жена, немедленно по приезде в Сан-Франциско набросал статейку для «Кузбасского вестника», в которой не было ни единого намека на разочарование, кроме того, что пилигримы «должны четко осознавать то, как организовано предприятие, и свое место в нем, так как непонимание таких вещей уже приводило к горькому разочарованию и обиде». Трагедия Фрэнка становится понятной из опубликованной в том же выпуске на целый разворот фотографии улыбающейся Рут. Она стоит на лесной прогалине, а подпись гласит: «Несмотря на все печали, в Кемерове все еще есть место улыбке». Рут все это время слала Фрэнку и родственникам радостные письма, полные сплетен, одно из них было подписано «Твоя свободная и Независимая Девочка».

Идиллия Рут как свободной одинокой женщины, ведущей самостоятельную жизнь, была прервана приездом новой группы колонистов, в составе которых было трио, позже известное как «леди из Беркли»: доктор Элси Рид Митчелл, Хелен Калиста Уилсон и Эльза Мелман. «Я думаю, их прибытие вызвало большее оживление, чем приезд всех остальных групп вместе взятых», писала Рут Фрэнку. «Видишь ли, мужчины тут скучают по американским девушкам, и вот они узнали, что должны приехать три незамужние женщины, и, несмотря на все мои аккуратные намеки, у них все равно теплились надежды! Поэтому было много разочарований, когда появились три уставшие с дороги, коротко стриженные женщины средних лет в брюках и сапогах».

Мелман должна была взять на себя руководство школой. «Она носила коричневые вельветовые бриджи и широкую однобортную куртку с поясом, а ее чувство собственного достоинства просто поразило меня», — писала Рут. У Эльзы были прямые темные, с заметной проседью волосы, карие глаза и от нее исходила какая-то веселая душевность. И все же Рут сразу же невзлюбила ее: «Эта гордая дева напоминала мне о том тепличном традиционном быте, который я так старалась забыть».

Часть этой неприязни можно объяснить тем фактом, что одинокую Эльзу подсадили в комнату к Рут. Рут пыталась возражать, ведь Фрэнк мог вскоре вернуться, но все было бесполезно. Эльза перенесла в комнату свои вещи и с облегчением растянулась на кровати, признавшись Рут, что приехала в Сибирь не из-за любви к России, а в поисках приключений. Это убедило Рут, что ее соседка вовсе не типичная старая дева — любительница читать мораль. Они быстро подружились, обеим импонировало чувство юмора и интеллект друг друга, и стали развлекаться, притворяясь супружеской парой: Эльза изображала «деспотичного любящего супруга, а (Рут) — его верную маленькую женушку. Иногда это было так весело, что мы жалели, что нас никто не видит».

Через несколько недель из летнего домика вернулась Китти, и Рут с Эльзой пришлось переехать в комнатку наверху, где звук каждого шага по лестнице, совершаемый одним из двухсот обитателей дома, многократно усиливался. Комнатка была крохотной, но они смогли устроиться удобно при помощи Уолтера Поппа, несколько эксцентричного выдающегося инженера, который немедленно проявил к Эльзе интерес.

Их верхними соседями оказались шахтеры, которые поднимали немало шума, когда просыпались на службу в четыре часа утра. Как-то раз поздно вечером эти шахтеры затеяли с превеликим грохотом мыть полы у себя в комнате и затопили Рут и Эльзу. Тогда Рут взобралась на кровать и стала стучать в потолок ручкой метлы. Шахтеры сперва притихли, а потом постучали ей в ответ и возобновили свою шумную деятельность.

Как и другие американки, которые приезжали в Советский Союз в последующие годы, Рут обнаружила, что страдания делали ее жизнью настоящей. Она писала матери, что «этот пролетарский отель» «не место для таких интелли-

генток, как Эльза и я», но при этом с гордостью поясняла: «С тех пор как я переехала в Дом Коммуны, мне удалось, наконец, попробовать настоящей жизни первопроходцев — разжигание огня, потрескивание дров или угля, постоянное мытье грязных полов; на мою личную жизнь уходит гораздо больше времени теперь, когда я покинула Паразит-Хилл».

Рут была в курсе того, что между Эльзой и Поппом разгорелся роман, но ее несказанно удивило и даже обидело, когда Попп однажды ввалился к ней в библиотеку и изложил коварный план по тайному обмену соседями. Тоби, его сосед по комнате, имел на Рут определенные виды, а он, Попп, был бы не прочь проводить больше времени с Эльзой. Его предложение не привело Рут в восторг, но она была рада, что Попп и не подозревает о ее романе с Сэмом. Она написала матери, что «кому, как не мне, сочувствовать любовникам». Она согласилась сделать все, что в ее силах, и, когда Попп пришел к ним на следующий вечер, Рут послушно отправилась в его комнату, где Тоби, решивший было, что ее приход означает ее согласие с планом Поппа, признался ей в своих чувствах. Несмотря на всю неловкость ситуации, Рут понравилось быть предметом обожания, и она провела не один вечер, сидя на кровати Поппа и читая или сочиняя письма, пока Тоби с тоской смотрел на нее из другого угла комнаты. Но когда Эльза прознала о связи Рут и Сэма, то они с Поппом стали приглашать на свои частые долгие прогулки Ирвина, ничего не подозревавшего соседа Сэма, благодаря чему влюбленные получили шанс встречаться чаще.

По мере того, как она стала проводить больше времени с Сэмом, постепенно сбрасывая с себя все зажимы, ей начал открываться новый мир: «Как жаль, что я была абсолютно невежественна в вопросах секса, когда выходила замуж!», — писала она своему брату. «Ты же знаешь, какой холодной и закомплексованной я всегда была. Я думала, что все, что пишут о так называемой «великой страсти», чушь несусветная. Но все оказалось правдой!» Рут и Сэм подолгу гуляли вместе, читали друг другу вслух книги, обсуждали политику и занимались любовью.

К октябрю Рут начала намекать Фрэнку, что тому не следует приезжать: «Я наконец удовлетворила свое желание быть личностью, и это мне очень нравится», — писала она ему. Она заметила ему, что это ведь он привез ее в Кузбасс,

и шутила, что она «как тот голем, которого равин вылепил из глины и который поднял руку на своего создателя и отправился своей дорогой по стезе разрушения. С тобой я превратилась в самостоятельную, полезную и рациональную личность, а дальше я хочу развиваться самостоятельно».

Относительно его намерения привезти Джимми в Россию, она писала: «Как глупо везти ребенка из родного дома в цивилизованном государстве в далекую отсталую страну ради его образования, в то время, когда эта самая страна всеми силами пытается построить ту промышленную систему, от которой мы старались убежать!» В действительности Рут в эти дни почти не вспоминала о сыне. «Я счастлива без него, - писала она матери, - и не могу без отвращения думать о том, что мне придется возвращаться к семейной жизни здесь, в Кемерово, где секретом моего счастья стала свобода от домашних обязанностей и шанс стать экономически независимой, как любой мужчина».

Но стоило ей попытаться обрезать все связи с прошлым, как она встретила сопротивление. Во-первых, она получила от матери письмо, в котором та просила Рут не бросать сына, вернуться домой и пожертвовать карьерой ради семьи. Фрэнк и свекровь также слали ей письма, в которых описывали многочисленные проблемы Джимми — болезни, разбитые коленки, склонность к резким вспышкам ярости. После этих писем Рут овладевали вина и печаль. Однажды, прочитав такое письмо, она спряталась за библиотечные стеллажи и горько разрыдалась.

Она стала себя плохо чувствовать, легко впадала в раздражение и потеряла способность наслаждаться своей новой свободой. Более того, к середине декабря она поняла, что беременна. Она немедленно отправилась в больницу для соответствующего «лечения», но и месяц спустя продолжала страдать от болей. Когда Рут пожаловалась доктору Никитиной, которая «не испытывала никаких симпатий к женщинам с их болячками», та сказала Рут, что ей следовало прийти на повторный осмотр раньше и что теперь ее придется положить в больницу. Рут еле добралась до дому, и на следующий день ее госпитализировали на целую неделю. Поправляясь и читая «Драму любви и смерти» Эдварда Карпентера, Рут думала о Ленине, который только что умер. Она еще была прикована к постели, когда по всему Советско-

му Союзу прокатился залп из всех орудий в его память, но заставила себя встать — вместе с тысячами других.

ЖИЗНЬ ЛИЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ

Едва вернувшись из больницы, Рут испытала желание «совершить что-нибудь достойное». Однако она обнаружила, что ее взгляды существенно расходятся с взглядами других женщин. Однажды на «женском собрании», которые Рут посещала без особого желания, она выступила с единственной, по ее словам, «логичной и конструктивной речью» в защиту новой политики Колонии, согласно которой все женщины (включая и матерей совсем маленьких детей) должны были трудиться, чтобы получать паек. Рут утверждала, что старая система делала из жен-иждивенок привилегированный класс, что только способствовало их деградации. Ее речь встретили прохладно.

Неудивительно, что отчет комиссии по женскому труду, выпущенный несколькими днями позже, вызвал у нее «отвращение». Жены-иждивенки отказывались работать на кухне «бесплатно», а некоторые жены предлагали не платить и офисным работникам тоже, на что Рут жаловалась в своем дневнике: «Зачем практиковать коммунизм в стаде скота?» Митчелл и Уилсон, которые и сами работали (врачом и секретарем), нормально относились к позиции неработающих жен, высмеивая Рут следующим образом: «Зачем платить женщинам за домашнюю работу? Разве не этим они занимались на протяжении сотен поколений совершенно безвозмездно? И разве каждый мужчина, чья жена трудится бесчисленные часы кухаркой, швеей, уборщицей и нянькой в собственной семье, «объявляет всему миру», что он, по его мнению, может ее содержать?»

Сама Рут в частной переписке жаловалась, что рабочие с более высоким разрядом не обязаны содержать жен рабочих низкого разряда и прочих их иждивенцев. Она также настаивала на том, что многие женщины будут работать, только если их к этому принудят: «Придется принять во внимание, что некоторые женщины, включая русских жен, слишком благородны, чтобы немного поработать на кухне, они рады были бы сидеть дома и получать паек... Единственный способ заставить их работать — вве-

сти строгий закон: кто не работает, тот не ест».

У Рут были сложные отношения с феминизмом: ее раздражало, что женщина должна требовать к себе какого-то особого внимания. Ее выводили из себя преграды на пути к своим собственным амбициям, и она ненавидела то, как традиционно предъявляемые к женщинам требования ограничивали ее свободу и возможности. И ее презрение к сибирским женщинам было еще сильнее, чем к тем колоницам, которые сделали для себя другой выбор в жизни. Она высмеивала колонистов, которые брали в жены русских женщин, считая, что последние преследуют только экономическую выгоду. Местных жителей она описывала то как «простой, примитивный народ», то как некомпетентных ленивых бюрократов, то как карикатурных персонажей. Она жаловалась, что в бане непременно встретишь «уродливых самок с увядшими грудями, этими отвисшими, бесформенными грудями, морщинистыми жирными животами и узловатыми ногами»...

Вся источаемая Рут критика неизменно была связана с тем двойственным отношением, которое у нее вызывали роли матери, жены и домохозяйки — роли, в которых она видела угрозу своим профессиональным стремлениям и своей свободе. Письма Фрэнка были для нее постоянным напоминанием об этих ролях, от которых она была не в силах полностью избавиться, особенно после того, как Фрэнк понял, что она пытается снять с себя семейные обязанности.

В январе 1924 года Фрэнк объявил, что ставит на «Кузбассе» крест и что Рут должна возвращаться домой. Они не могут больше пользоваться добротой его матери и лишать Джимми настоящей семьи. Рут же настаивала, что она вовсе не пытается избежать ответственности за Джимми, но и бросать все и ехать домой не хочет: «Наши с тобой семейные отношения никогда не были настолько идеальны, чтобы ты мог самодовольно ожидать, что я, как любая обычная домохозяйка, с радостью уцеплюсь за возможность к ним вернуться».

Фрэнк начал сердиться не на шутку: «Я убежден, что однажды и очень скоро, когда блеск твоей сегодняшней безответственной жизни немного поугаснет, ты осознаешь, что сделала ужасную ошибку, но будет уже слишком поздно», - писал он ей в мае. «Тебя ждет мрачное одинокое будущее, исполненное чувства невосполнимой потери, и тогда ты поймешь, каково это — жить с разбитым сердцем».

Через две недели Фрэнк написал Рут, что просит развода. Он разочаровался и в ней, и в тех политических взглядах, которые они некогда разделяли: «Я полностью брошу все то, ради чего мы так долго страдали. И найду себе новые интересы. И если мне предстоит когда-либо жениться снова, то только на женщине, которая думает, что «классовая борьба» — это какие-нибудь ежегодные состязания между разными классами в школе. Думаю, что вполне смогу найти себе полезное применение в других сферах».

Через несколько дней он, правда, написал, что поторопился и готов возобновить их отношения ради Джимми. Такая переписка продолжалась еще несколько месяцев, Фрэнк писал, что вернется в Россию, если Рут даст их браку второй шанс, а Рут — что Фрэнк должен строить свои планы независимо от нее.

Хотя чувства Рут относительно их с Фрэнком половой жизни были неизменны, она колебалась в том, что касалось сына, и порой ей казалось, что она хочет быть вместе с ними обоими. У нее также были фантазии о семейной жизни, в которых она просто заменяла Фрэнка на Сэма. Она признавалась матери, что, хотя в ее планах было поработать немного в Москве после окончания двухгодичного контракта, ее настоящим желанием было забрать Джимми из Сан-Франциско и жить с ним и Сэмом в Кемерово: «Это жизнь, полная свободы и пользы, природной красоты и высоких целей».

В МОСКВУ, В МОСКВУ!

Однако такие фантазии были мимолетны. В конце августа Рут стала готовиться к отъезду в Москву, где ей удалось найти место машинистки при Коминтерне. Рут и Сэм проведут вместе месяц в Москве, прежде чем Сэм вернется в США. Она все еще не рассказала Фрэнку о Сэме и так и не определилась, стоит ли Фрэнку возвращаться в Россию. Даже исключая вопрос ее собственных чувств к нему, оставалась проблема с работой. Однако буквально накануне ее отъезда из Кемерово Рутгерс сказал ей, что для Фрэнка найдется работа, если она хочет, чтобы тот приехал.

В нетипичном для себя приступе решительности Рут написала Фрэнку, что он должен вернуться, но не в качестве ее мужа, а просто чтобы у Джимми были оба родителя и чтобы они могли продолжать трудиться на благо

того, во что верили. Рутгерс с присущей ему проницательностью понял из ее намеков, что их отношения с Фрэнком запутались, и посоветовал ей, что «новая мораль» России делает эту страну оптимальным местом для решения таких вот сложных проблем, потому что Россия — свободная страна, где люди обрели такую «свободу от условностей, которую мир доселе не знал». В том, что касается Джимми, если раньше Рут боялась, что он слишком слаб физически, чтобы жить в России, или что детство, проведенное здесь, лишит его определенных преимуществ, то теперь она писала: «А когда ему настанет пора идти в школу, мы с тобой знаем, что все, что здесь смогут предложить, будет лучше той лучше оснащенной, но духовно мертвой американской системы образования».

Фрэнк же в ответ настаивал, что приедет, только если она даст их браку второй шанс. Он признавал, что у них проблемы в сексуальной жизни, но настаивал, что начал читать Хэвлоса Эллиса, ведущего сексолога того времени, автора семитомной энциклопедии «Исследования по психологии пола», и другую полезную литературу. Но Рут оставалась холодна к его мольбам, и то, что в своих письмах он постоянно возвращался к теме секса, ее раздражало. «Я хотела, чтобы ты приехал в Россию как личность, верящая в то, что Советская Россия — лучшее место для работы, как для тебя самого, так и для твоей семьи, а не как муж, ищущий примирения с женой», — писала она. «А оказывается, что твоя половая жизнь для тебя важнее всего и затмевает все прочие интересы и обязанности», — жаловалась она, добавляя, что Фрэнк, судя по всему, полагает, что сексуальные потребности мужчины более безотлагательны, чем потребности женщины.

В конце августа несколько колонистов устроили на Томи пикник с пирогами, вином и чаем в честь отъезда Рут и Сэма, через несколько дней после которого они уехали в Москву. Те недели, что она провела с Сэмом в Москве, были пропитаны сладкой горечью. Будущее их было туманно, и они с нетерпением ждали письма Фрэнка о его дальнейших планах. Но его письма только больше запутывали Рут. Сэм уехал в конце октября. Через два месяца Фрэнк, наконец, отправил ей телеграмму, в которой говорилось, что он готов приехать на любых ее условиях.

Рут, которая после отъезда Сэма чувствовала себя опустошенной и с волнением ждала

приезда Фрэнка, с головой бросилась в московскую жизнь, после двух лет в Сибири показавшуюся ей наполненной всевозможными культурными событиями. Она писала Сэму долгие сердечные письма, но уверяла его при этом, что он ничего ей не должен и что она хочет его любви, только если он сам ее ей предложит.

Когда Фрэнк, наконец, приехал в Москву, вряд ли это можно было назвать счастливым воссоединением. Рут рассказала ему о Сэме, и тот упрекал ее, но не в том, что она полюбила другого, а в том, что заставила его проделать весь этот долгий путь в надежде, что их отношения можно спасти. Он был просто убит горем, но добр и все понимал. В духе «Что делать?» Чернышевского он предложил Рут, чтобы они жили все вместе «коммуной, в гармонии с новым духом». Рут назвала эту идею абсурдной и сказала ему, что «никогда-никогда-никогда я не захочу и не смогу жить с тобой» — слова, о которых она впоследствии пожалеет. Наедине с собой она, правда, думала, что может, быть, такой вариант и мог бы сработать. Фрэнк уехал в Кузбасс, оставив ее в сомнениях: а права ли она была, прогнав его?

КОНЕЦ ЛЮБВИ, КОНЕЦ АИК

Сэм же писал все реже и реже, но те его письма, что приходили, были полны такой нежности, что Рут жаждала еще и еще. Сэм обещал, что воссоединится с ней в России, «как только позволят обстоятельства». Свекровь привезла Джимми в Москву через несколько месяцев после отъезда Фрэнка в Кузбасс. Рут едва узнала сына: когда она уехала, он был еще совсем малышом и только-только научился ходить, а теперь это был нескладный ребенок четырех лет с тонкими светлыми волосенками. Но он сразу признал ее, назвал мамой и выразил готовность слушаться. Рут обнаружила, что в очередях и трамваях ее, как мать с маленьким ребенком, пропускают вперед и уступают места. После долгого дня, проведенного за осмотром московских достопримечательностей, Джимми заснул у нее на руках. «Я посмотрела в его раскрасневшееся личико в обрамлении легкого пушка волос, и что-то давно забытое шевельнулось в моей душе», — писала она.

Вернувшись в Кемерово вместе с сыном и свекровью, она обнаружила, что Фрэнк выглядит гораздо лучше, а домик, где он жил, был уютно обставлен их старыми вещами. Фрэнк

был дружелюбен и добр, но что-то в нем изменилось. А через несколько дней из командировки вернулась Хелен Линдли — еще одна американская колонистка, чей брак распался в Сибири. Вернулась она в дом, который теперь делила с Фрэнком...

Когда Рут спросила его напрямик, Фрэнк сказал, что вступил в эти отношения исключительно из-за того, что ему, как здоровому молодому мужчине, нужна женщина. В смятении Рут обратилась за советом к Эльзе, которая успела счастливо выйти замуж за Поппа и жила с ним в хижине в лесу. Когда Рут пересказала Эльзе слова Фрэнка, та заявила, что в таком случае Хелен имеет право знать, что Фрэнк ее использует, и все ей рассказала. Хелен рыдала в три ручья, а Фрэнк пришел в бешенство.

Мать Фрэнка также во всем обвиняла Рут: та разрушила жизнь ее сына, а теперь еще и пыталась лишить его права быть счастливым. В присутствии Джимми она сказала Рут, что та эгоистичная и плохая мать и что ей стоит уехать как можно скорее. Тогда Джимми подошел к Рут и ударил ее по лицу, крикнув «Плохая девочка, уходи!»

Рут была в полном смятении. Она даже присоединилась к Фрэнку в его попытках убедить Хелен, что тот действительно ее любит. Чтобы доказать Хелен, что она не пытается вернуть супруга, Рут согласилась на развод. Следующим же утром Рут и Фрэнк отправились на телеге в соседнюю деревню за двадцать миль: каждый заплатил половину из восьмирублевого сбора, и их брак был немедленно расторгнут в присутствии толпы, с интересом наблюдавшей за американским разводом.

Рут собралась было вернуться в Москву, но один вернувшийся из США колонист рассказал ей, что видел Сэма и тот планирует «присоединиться к Колонии в самом ближайшем будущем». Рут не получала от Сэма весточек несколько месяцев и почти уже разуверилась в нем. «Но теперь сразу вдруг все сложилось само собой — Сэм приезжает, я свободна и могу рассчитывать на хорошую должность в Кемерове! Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой». Если Хелен останется с Фрэнком, они, может, и будут жить счастливо. Она попросила время на раздумья насчет работы, сказав, что ей необходимо вернуться на месяц в Москву.

Но будущее АИК выглядело все более и более неопределенным. Умерла Бронка, верная

ассистентка директора Рутгерса. Без нее он чувствовал себя потерянным, впал в депрессию и вскоре сильно заболел. Новый начальник бюро, коммунист по фамилии Коробкин, собирался привезти с собой сорок своих людей, а когда Рутгерс на время уехал в санаторий в Голландию, полностью поменял всю систему управления. Вернувшись в Кемерово, Рутгерс обнаружил, что многие колонисты уехали, а он сам остался без работы. «Новая Пенсильвания» превратилась в нечто совершенно другое.

Но и сама Рут изменилась. После космополитичной Москвы перспектива возвращения в Кузбасс ее не радовала. «Когда-то это было местом прекрасных воспоминаний, местом, куда я жаждала вернуться вместе с Сэмом, без необходимости скрывать наши отношения, а теперь это просто заброшенная деревенька в степи, населенная ненормальными, которые знают все мои самые тайные секреты», — жаловалась она матери в мае 1926 года. Она уже не была уверена, хочет ли дальше быть с Сэмом.

Поздней осенью 1926 года она получила от Сэма письмо, в котором он сообщил ей, что полюбил другую. Рут милостиво освободила его от всех обязательств, как и обещала. В письме к нему, которое она написала накануне Нового года, она заметила, что заканчивается не только этот год: наступает конец американской Колонии (с 1 января она переходила в руки русских) и их с Сэмом любви.

Оставив Фрэнка в Сибири, Рут провела в Москве еще два года: большую часть этого времени она проработала англоязычным библиотекарем при Коминтерне. У нее еще было несколько романов, как с американцами, так и с русскими, среди которых был видный советский критик, вероятно, Осип Брик. Она поддерживала контакт с Фрэнком, ведь у них была совместная опека над Джимми. Рут вернулась в США в 1928 году после того, как поработала личным секретарем Теодора Драйзера во время его тура по России. Микенберг полагает, есть основания утверждать, что с Драйзером у нее также был роман.

Созданный Драйзером образ Рут превратит ее в икону феминизма в России, один журналист даже напишет о ней книгу в 1970-х. Рут льстило, что такой «великий человек», как Драйзер, посчитал, что ее историю стоит поведать миру и что, следовательно, ее «история может иметь значение для кого-то за пределами ее собственной жизни».

Рут Кеннел в вышитой русской рубахе.

Рут, как и других американок, весьма привлекал утопизм советского эксперимента, который обещал пересмотреть традиционный уклад семейной жизни, карьеры, материнства и интимных отношений. Сбежав из США, американские женщины искали в России новый дом, который освободил бы их от материализма, индивидуализма, закостенелых гендерных ролей и буржуазной морали. На какой-то момент Рут подумала, что нашла в Сибири то, что искала.

P.S.

Судя по некрологу Фрэнка Кеннелла, скончавшегося в возрасте 78 лет в Калифорнии, они с Рут так окончательно и не расстались. Фрэнк все-таки стал пастором, продолжил свое образование и преподавал в элитной школе для мальчиков, остался верен пацифизму и был активным членом Международной Лиги «Женщины за Мир и Свободу». Развод по-сибирски, видимо, не сработал: «Выйдя на пенсию, Кеннелл помогал своей жене Рут в написании книги «Теодор Драйзер и Советский Союз», которая была опубликована в 1969 году»...

Литература:

Mickemberg J. L. American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream. Chicago : The University of Chicago Press, 2017. 432 p.
 Barraclough R., Bowen-Struyk H., Rabinovitz P. Red Love Across the Pacific. Political and Sexual Revolutions in the Twentieth Century. US: Palgrave Macmillan, 2015. – 394 p.
<https://www.scribd.com/document/336678740/R-Barraclough-etc-ed-Red-Love-Across-the-Pacific-Political-and-Sexual-Revolutions-of-the-Twentieth-Century#>

Писатель Теодор Драйзер (в центре) во время своего турне по Советской России (Рут Кеннел - справа).
 Фотография с сайта:
<http://www.istmira.ru/knigraslichnyetemy/11/11/page/16/Drayzer.html>

МАШИНЫ БЫВАЮТ РАЗНЫМИ

Isaac Merritt Singer 26/27th October 1811 - Died July 1875

Одним из самых распространенных бытовых предметов являются швейные машинки. Сейчас они уже не имеют того значения, которое имели во времена отсутствия массового производства одежды, когда машинки были главным средством индивидуального пошива, но и сейчас в домах кемеровчан в качестве семейных раритетов, хранятся швейные машинки прошлых времен. Из переданных в музей машинок различных марок сформировалась небольшая коллекция, в том числе фирмы «Зингер». Об этой части музейной коллекции мы и расскажем.

«Зингер» владела большим количеством заводов и фабрик за пределами США – в Британской империи, странах Европы, в Российской империи и других странах. Кроме того, компания обладала обширной дилерской сетью по всему миру. Завод «Мануфактурной компании Зингер», а затем акционерного общества «Зингер и Ко» в Российской империи располагался в Подольске (1900–1918), после национализации – завод «Госивеймашина».

ШВЕЙНАЯ МАШИНА SINGER

Попытки механизировать работу портных предпринимали давно и в разных странах. Но более других в изготовлении машин во второй половине 19 века преуспела Германия, прежде всего, благодаря компании швейных машин «ЗИНГЕР». История этого изобретения начинается с того, что эмигрант из Германии, обосновавшийся в Нью-Йорке, гениальный предприниматель и инженер-самоучка Исаак Меррит Зингер сумел соединить и усовершенствовать несколько уже созданных ранее конструкций и предложил миру одну — идеальную.

В 1851 году Зингер создал одну из первых бытовых швейных машин, у которой игла закреплялась в вертикальном положении. Теперь ткань, прижимаемая лапкой, располагалась на горизонтальной плоскости и продвигалась благодаря зубчатому колесу. Значительно возросла и скорость работы.

Через три года было учреждено товарищество «Singer Company». А ещё через год изобретение получило первый приз на Всемирной ярмарке в Париже. Успешным продажам машин этой компании способствовало новшество в продажах: уникальное для того времени решение — продажа машин в рассрочку.

Через 10 лет «Singer Company» продавала 20 тысяч швейных машин в год, имела несколько фабрик в Америке, открыла фабрику в Шотландии, а вскоре фабрики империи «Singer» появились во многих странах мира, в том числе и в России.

Не прекращалась работа и по усовершенствованию конструкции. Уже в 1870 году появились машины с электроприводом. В создании одной из таких моделей принял участие русский учёный-электротехник В. Н. Чиколев. В России машина была представлена на Всероссийской политехнической выставке в Москве в 1872 году.

Внимание покупателей привлекало не только качество, но и внешний вид. Машины отличались тем, что их корпуса и футляры расписывали вручную, использовалось художественное фигурное литье, инкрустация перламутром, многокрасочные изображения именитых особ на корпусах изделий и на футлярах к ним, резьба по дереву и прочие изыски. Начиная со второй половины XX века, к сожалению, эти «излишества» ушли в прошлое. Производство, поставленное на поток, унифицировало внешний вид

машин. Об успехе Зингера-предпринимателя можно судить, зная, какое состояние оставил он своим дочерям — 14 миллионов долларов, несколько вилл и особняков в Англии.

«SINGER» В РОССИИ

На российский рынок компания «Singer» вышла ещё в 1860-е годы. В Россию машины привозили из Германии, но ввоз готовых машин из-за рубежа требовал немалых затрат. Это приводило к удорожанию продукции, а, стало быть, затрудняло ее сбыт.

В 1870 году в России открылся Торговый дом Поповых, который занял главенствующие позиции на рынке швейных машин и стал тогда самым известным в России их продавцом. Он занимался закупками швейных машин в Германии и реализацией их на территории России. Позднее машины изготавливались в мастерских купца Попова под маркой «Singer», «Супруги Поповы», «Singer и Попов». В связи с 25-летием работы Торгового дома Попова по специальному заказу была изготовлена швейная машина челночного стежка фирмы «Науманн» (Германия, 1894-1896). Машины Торгового дома в народе называли «поповка» и «белоручка» из-за белой керамической ручки ручного привода.

В 1902 году компания «Зингер» построила в России собственный механический завод в подмосковном городке Подольск. С этого времени фирменные магазины компании стали открываться по всей России.

Подольский завод выпускал машины с русифицированным логотипом «Зингеръ» (к которому скоро прибавился тогдашний «знак качества» — надпись «Поставщик Двора Его Императорского Величества»).

В 1918 году подольская фабрика была национализирована советской властью и до 1923 года практически бездействовала. Когда выпуск машин «Зингер» возобновили, то первые образцы продавали под маркой «Госшвей-машина».

ШВЕЙНЫЕ МАШИНЫ В МУЗЕЕ

Коллекция швейных машинок «Зингер» пока невелика, но она иллюстрирует некоторые страницы истории этой компании.

Одной из первых, появившихся в будущем собрании швейных машин музея, была ручная машина «Singer», изготовленная на Подольском заводе в начале XX века. Машинка много поработала на своём веку, но сохранился знак торговой марки — желтый металлический овал с изображением челнока, двух скрещенных игл и катушки ниток (1338).

Ещё одна машина с ручным приводом, с качающимся челноком, шпулькой в виде пули и устройством для намотки ниток, которое находится под маховым колесом. Производство Германии, 1904-1905 годы. «The Singermanfg. Co Trade Mark». Регистрационный номер машины «J 1169 544» говорит о том, что она была изготовлена в 1904-1905 годах (до 1900 г. были только цифровые обозначения, без буквенных приставок) (6281).

Среди машинок музея есть несколько, подписанных «Госшвеймашина СССР». Такие изделия выпускались уже Подольским заводом на базе «Зингер» с 1923 до 1931 года. Одна из машин украшена изображением крылатого

сфинкса, а на основании корпуса машины изображен герб Российской Федерации (6226).

Интересна так называемая «поповка» из серии юбилейных машинок с белой фарфоровой ручкой привода. На платформе сохранилось изображение супружеской четы Поповых. На деревянный корпус машины нанесена разметка в 40 сантиметров — линейка — совсем не лишнее подспорье для портнихи во время сшивания коротких швов. На вертикальной части рукава машины имеются две металлические пластины: на одной изображен фирменный вензель и рельефная надпись «NAH-MASCHINEN» (Швейная машина), на второй приведена таблица применения игл в соответствии с нитками (3398).

Еще одна «поповка», дожившая до наших дней, — «Юбилейная». На рукаве укреплен металлическая пластина с изображением четы Поповых, и надпись «XXV Юбилей».

Все 100-летние машины фирмы «Зингер» остаются действующими и по некоторым параметрам даже превосходят современные.

Мечтой многих портних в 1960-1970 годы была подольская «Чайка 3» с электроприводом. В нашей коллекции машина 1978 года в металлическом корпусе светло-серого цвета, в чемодане-футляре (2957).

Детская «Ладушка» — миниатюрная машина для детей 6-12 лет, — была предназначена для привития детям навыков шитья. Изготавливались такие машинки на заводе «Автоприбор». Корпус машины окрашен в нежно-зелёный цвет. Слева от лапки машины есть откидная полка для удобства юной портнихи — можно хорошо распределить ткань при работе.

Знаменита в свое время была китайская машина с ножным приводом «Butterfly». Подобно «Зингеру» она шила всё: кожу, мех, шифон, сукно, важно было просто подобрать иголку. Её чёрный, лакированный корпус с золотисто-жёлтыми узорами, иероглифами, изображением бабочки (оправдывающего название машины) укладывается в деревянную тумбу с узкими ящичками для мелких швейных принадлежностей: катушек ниток, иглолок, кнопок и крючков — всему есть место. Эта машина — напоминание о 1950-х годах, временах «большой дружбы и взаимопомощи» СССР и КНР (3989).

Пройдёт немного времени и новое поколение швейных машин — многочисленное и разнообразное — начнёт появляться в коллекции и на выставках нашего музея.

Regina Veronica Maria «Renée» Jones-Bos

Дмитрий СЕРГЕЕВ(фото)

Посол Нидерландов Рене Джонс – Бос на Красной Горке

В музее побывала делегация во главе с чрезвычайным и полномочным послом Королевства Нидерландов в РФ Рене Джонс – Бос. В ходе встречи обсуждались пути сохранения голландского архитектурного наследия в Кемерове и вопросы культурного взаимодействия.

В составе делегации в третий раз посетила Кемерово директор амстердамского музея «Het Ship» Элис Ругхолт. С ней «Красную Горку» связывают давняя дружба и сотрудничество. Не впервые в музее довелось побывать и г-же Иде де Кат-ван Мёрс, советнику по культуре Посольства Королевства Нидерландов в РФ. Это не первый визит представителей по культуре посольства Королевства Нидерландов на «Красную Горку».

Кемерово и Голландию объединяют удивительные исторические события. В 20-е годы прошлого века в Автономной индустриальной

колонии «Кузбасс» в Сибири трудились 25 голландцев.

Самые выдающиеся из них – директор колонии Себастьян Рутгерс и архитектор Йоханнес ван Лохем. Последний на основе голландского опыта строительства дешевого жилья для рабочих спроектировал первые в Кузбассе «таунхаусы». Они представляют собой построенные из кирпича и сблокированные по европейскому типу дома большой протяженности (на 20-24 квартиры). Местные жители называли эти строения «колбасами».

По проекту Ван Лохема было возведено здание школы Кемеровского рудника. Его необычность заключается в наличии водонапорной башни и в сочетании двух материалов стен – кирпича и дерева.

Сегодня здания «домов-колбас» и школы являются объектами культурного наследия регионального значения.

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «КРАСНАЯ ГОРКА» ПОСЕТИЛИ ПОТОМКИ КОЛОНИСТОВ ИЗ ГОЛЛАНДИИ

Карел и Рита Пюткаммер в музей-заповеднике «Красная Горка»

Музей-заповедник «Красная Горка» посетила семейная пара Карела и Риты Пюткаммер из города Гааги (Королевство Нидерланды). Их визит в Кемерово неслучаен.

В начале прошлого века бабушка Карела Кристина (Тини) Схоорл Страуб вместе с мужем Альбертом Диккером приехали в Кемерово, чтобы работать в Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». Колонистам предстояло наладить добычу угля на Кемеровском руднике, достроить и запустить коксохимзавод, дать старт для дальнейшего развития тяжелой и угольной промышленности Кузнецкого бассейна. Это была помощь иностранных рабочих и специалистов «левых» взглядов молодому советскому государству.

В АИК «Кузбасс» Тини Схоорл Страуб в разное время работала секретарем, библиотекарем, учительницей. В больнице Кемеровского рудника появились на свет ее дети — Анне и Том. Сын получил имя по названию реки Томь. Тини прожила в нашем городе семь лет и написала книгу о своей жизни в Сибири под названием «Глоток свободы», которая была издана в Нидерландах. Два года назад книга была переведена на русский язык научным сотрудником музея Надеждой Рабкиной. Частично она опубликована в шестнадцатом выпуске альманаха «Красная Горка».

В настоящее время летописцем истории семьи является племянница Карела Пюткаммер — Мэрайя Схоорл. Ее рассказ о книге бабушки и о Кемеровском руднике можно посмотреть в Интернете по ссылке: <https://yandex.ru/video/search?filmId=13799865297514306638&text=%20Marije%20Schoorl>.

— Я удивлен, что история моей семьи известна в России! — восхищенно отметил Карел Пюткаммер. — Мы прошли в зал, чтобы посмотреть экспозицию, как вдруг передо мной фотография бабушки Тини в полный рост! Я восхищен тем, что экскурсоводы музея-заповедника «Красная Горка» так много знают о голландском наследии и популяризируют его. Мы готовились расспросить научных сотрудников о Кристине Схоорл, а они нам сами все рассказали об АИК «Кузбасс», об индустриальной истории Кемерово. Большое спасибо!

Гости просмотрели фотоматериалы из фондов музея, побывали на обзорной экскурсии по городу и оставили благодарность в «Книге отзывов».

Напомним, что музей-заповедник «Красная Горка» ведет постоянную научно-исследовательскую работу по истории «АИК «Кузбасс». Сотрудники музея переписываются и встречаются с потомками колонистов и очень рады новым знакомствам с родственниками айковцев.

КРАСНАЯ
ГОРКА

100-летие города Кемерово

Накануне государственного праздника – Дня России, а также 100-летнего юбилея со дня образования областного центра глава региона Сергей Цивилев встретился с почетными гражданами города Кемерово в музее-заповеднике «Красная Горка».

Почетные граждане города Кемерово всегда желанные гости в музее-заповеднике «Красная Горка»

Сергей Цивилев поговорил с заслуженными кемеровчанами о текущей социально-экономической ситуации развития Кузбасса, города Кемерово и о планах на будущее. В разговоре участвовали Анатолий Иванович Булгаков – заслуженный шахтер РСФСР, почетный гражданин Кемеровской области, Галина Игнатьевна Завадская – заслуженный врач РСФСР, Дмитрий Михайлович Плотников – Герой Социалистического Труда, почетный строитель Кузбасса, Виталий Александрович Раздаев – мастер спорта СССР по футболу, Надежда Федоровна Корякова – заслуженный учитель школы РСФСР, отличник народного просвещения.

«Все вы – большие труженики, люди с огромным жизненным опытом, знаниями и высочайшим авторитетом. Все, что сегодня есть у нас в Кузбассе, достигнуто вашим трудом, кровью и потом. Ваше мнение и знания очень важны для региона», – подчеркнул Цивилев.

Почетные граждане вышли с инициативой к главе Кузбасса – возродить лучшие традиции в организации производства, которые были на промышленных предприятиях до 90-х годов прошлого века.

САМЫЙ ВАЖНЫЙ ДОКУМЕНТ

Поздравляя молодых граждан Российской Федерации, глава Кузбасса отметил, что паспорт – это их первый, самый важный документ.

«Символично, что вы получаете его сегодня, в преддверии Дня России. 12 июня 1990 года была принята «Декларация о государственном суверенитете РСФСР». Этот день, по сути, ознаменован появлением нового государства – Российской Федерации», – сказал Сергей Цивилев.

Глава региона произнес слова благодарности в адрес родителей ребят, их бабушек и дедушек.

В Кемерове состоялось праздничное межнациональное массовое мероприятие, посвящённое Дню России и Дню города. Праздник начался шествием, где под своими флагами в красочных национальных костюмах по центральной аллее парка Победы прошли представители народов со всех уголков Кузбасса.

День России!

В Кемеровской области в дружбе и согласии проживают представители разных национальностей: русские, армяне, немцы, белорусы, таджики, узбеки, украинцы, чуваша, мордва, азербайджанцы, татары, коренные малочисленные народы Кузбасса – телеуты и шорцы.

Кемерово НА ЭКРАНЕ

В 2018 году, в честь 100-летия города Кемерово, музей провел фестиваль «Кемерово на экране». Посетители увидели новинки документального кино, посвященные истории города, встретились с авторами фильмов. В рамках фестиваля состоялось несколько премьерных показов.

Так, на зрительский суд был вынесен новый зрелищный фильм «Кемерово», снятый «Продакшн группой «Провидение». Это не первый фильм о городе, созданный этим творческим коллективом. Но если предыдущие работы посвящены истории столицы Кузбасса, то новая лента рассказывает о Кемерово как о городе-мечте. Со времен первых переселенцев до наших дней прошло не так много времени, однако Кемерово превратился в современный город с развитой инфраструктурой. Фильм отличают красивые кадры, профессиональная компьютерная графика, завораживающий дикторский голос Всеволода Кузнецова. Инициатор и продюсер — Эдуард Романов, руководитель «Продакшн группа «Провидение». Главным спонсором фильма стала Сибирская Генерирующая Компания.

Одним из главных событий фестивальных дней стала демонстрация фильма «Строители будущего» о работе в Кемерово в 1920-е

годы голландского архитектора Й.Б. Ван Лохема. Фильм создан в 2017 году в Голландии в рамках мероприятий, посвященных столетию русской революции и столетнему юбилею города Кемерово. Он стал результатом сотрудничества Амстердамского Международного института социальной истории с известным голландским режиссером Пимом Звиром. Участие в создании фильма принимал и музей «Красная Горка», предоставивший авторам материалы из своих фондов.

В основу фильма «Строители будущего» положена переписка Ван Лохема с женой в период его работы в Сибири. Сочетание озвученных артистами отрывков из писем с фотографиями и кинохроникой 1920-х годов погружает зрителей в историю голландской семьи, в судьбу которой вошло строительство далекого сибирского городка. Благодаря этому приему авторам фильма удалось придать особую личностную атмосферу происходившим в то время историческим событиям.

Премьера фильма на голландском языке прошла в Амстердаме в 2017 году, фильм был представлен на кинофестиваль в Голландии. Специально для показа в Кемерове и для представления фильма на российские кинофестивали авторами была создана русскоязычная версия. Фильм демонстрировался не только в музее «Красная Горка», но и в Кемеровском областном колледже культуры и искусств.

В презентации фильма в Кемерове участвовал Хайс Кесслер, один из его продюсеров, старший научный сотрудник Международного института. Он рассказал о разработке концепции, поиске документальной хроники в международных архивах: «На лекции по русской тематике я познакомился с замечательным режиссером-документалистом Пимом Звиром, который интересовался Россией. Столетие революции стало поводом для привлечения широкой аудитории к этой теме. Мы создали проект между наукой и документальным киноискусством». После демонстрации фильма Хайс Кесслер ответил на вопросы кемеровских зрителей.

Еще одна премьера, рассказывающая о малоизвестных страницах истории Кемерова — фильм сотрудника музея, журналиста и краеведа Владимира Сухацкого «Германский след в истории Кемерова». Зрителям, попавшим на первый показ фильма, автор рассказал о сюжетах, легших в основу фильма.

На фестивале работала площадка «За кадром». На ней посетители музея встретились с известным кузбасским режиссером-документалистом Юрием Светлаковым. Широко известны его телевизионные проекты: «Кинолетопись Кузбасса», «Рассказы о Кузбассе», «Люди земли Кузнецкой», «Шаг за горизонт». Юрий Яковлевич рассказал о своей работе и о судьбе кинохроники по г. Кемерово и Кузбассу.

Настоящим подарком для зрителей стал показ кемеровской хроники 1950-80-х годов из киножурнала «Сибирь на экране». Это стало возможным благодаря новосибирскому Музею документального кино, который любезно предоставил «Красной Горке» материалы из своего фонда.

Кроме показа новых документальных фильмов для посетителей музея была организована выставка «Вспоминая старое кино». На ней были представлены кинотехника XX века, афиши кинотеатров, средства просмотра фильмов и диафильмов.

По традиции на «Красную Горку» горожане приезжают семьями, поэтому разнообразная программа была подготовлена и для детей. В мансарде музея ребята смотрели старые диафильмы с русскими народными сказками. На площадке «Фотография на память» ребята рассказывали об истории фотодела, демонстрировали оборудование домашних и профессиональных фотолабораторий прошлого века. Дети побывали на показе советского фильма «Тайны золотой горы» — о том, как Михайло Волков 300 лет назад открыл уголь на Красной горке.

Кинофестиваль «Кемерово на экране» стал настоящим событием в культурной жизни Кемерова. Зрители получили возможность увидеть свой город с различных ракурсов истории. После каждой демонстрации у них была возможность задать вопросы создателям фильма. Многие горожане и гости города и не подозревали, насколько насыщено событиями прошлое Кемерова.

ОБЪЕДИНЕННЫ ЕДИНОЙ ЦЕЛЬЮ

Ежегодно в июле в музее-заповеднике «Красная Горка» проводятся мероприятия, посвященные Дню памяти православных Петра и Февронии, День семьи, любви и верности, чествование семей, отмечающих юбилей брака. На празднике вручаются медали «За любовь и верность» супружеским парам, прожившим в браке 25 и более лет, получившим известность

среди земляков крепостью семейных устоев, основанных на взаимной любви и верности, воспитавшим детей достойными членами общества.

В 2018 году в церемонии награждения юбиляров приняли участие губернатор Кемеровской области Сергей Цивилев и глава города Кемерово Илья Середюк.

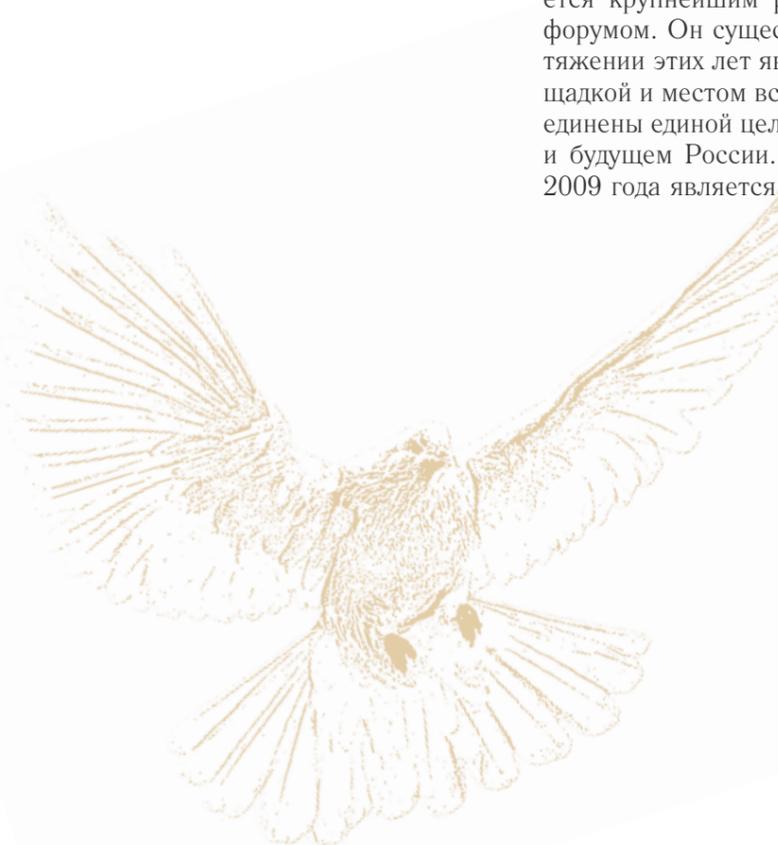
Директор «Красной Горки» Наталья Шелепова приняла участие в XXII Всемирном Русском Народном Собрании, который проходил 1 и 2 ноября в Москве. На пленарном заседании Собора выступил президент РФ Владимир Путин.

Всемирный Русский Народный Собор является крупнейшим российским общественным форумом. Он существует с 1993 года, на протяжении этих лет является общественной площадкой и местом встречи людей, которые объединены единой целью — заботой о настоящем и будущем России. Главой Собора с февраля 2009 года является Святейший Патриарх Мо-

сковский и всея Руси Кирилл.

XXII Всемирный Русский Народный Собор рассмотрел тему «25 лет по пути общественного диалога и цивилизационного развития России», осмыслил четвертьвековой период своей деятельности.

Директор музея Наталья Шелепова — член Общественного совета Кемеровского регионального отделения Всемирного Русского Народного Собора, созданного в 2014 году. В числе главных задач совета — работа по укреплению традиционных ценностей русского народа.

НОВОМУ ВРЕМЕНИ - НОВЫЕ ФОРМАТЫ

К 100-летию юбилея Кемерово музей предложил горожанам новый экскурсионный маршрут «В гору!» и интересный формат - «Экскурсия за гонорар»

«В гору!»

Этот маршрут разработан специально для активных горожан и гостей города, которые не боятся неблагоустроенных спусков и подъемов и готовы к встрече с историей Кемерово возле ее истоков.

Первый поход к объектам культурного наследия на правом берегу р.Томь — Горелой горе и паровой пристани состоялся в начале сентября 2017 года. В сопровождении экскурсовода группа двинулась от музея «Красная Горка» по одноименной улице, где наряду с современной застройкой сохранились дома, построенные в 1920-е годы для специалистов АИК «Кузбасс». Некоторые из них, выполненные по проектам голландского архитектора Ван Лохема, являются объектами культурного наследия регионального значения. Далее экскурсантам предстоял нелегкий крутой спуск на береговую линию. Шаг за шагом они продвигались к историческому месту, где в 1721 году рудознатец Михайло Волков обнаружил Кузнецкий каменный уголь. Участники экскурсии увидели великолепные пейзажи и левобережную панораму города, добрались до каменной пристани, построенной в 1915-1917 гг. акционерным обществом «Копикуз». Обратный путь группы лежал мимо речного вокзала по тропе, круто поднимающейся в гору к монументу Эрнста Неизвестного «Память шахтерам Кузбасса».

В музее немного уставших и любознательных участников ожидал великолепный пирог, и

чаепитие сопровождалось обменом впечатлений, полученных в ходе экскурсии.

- Меня переполняют эмоции, - поделилась своим мнением кемеровчанка Валентина Тихомирова. — Я узнала много нового для себя. Эти места — кладезь информации, они хранят следы человеческой культуры прошлого века! А какие красивейшие виды дарит нам природа! Спасибо огромное организаторам!

Объективная оценка

Формат экскурсий «Free walking tour» завоевал популярность во всём мире и «Красная Горка» решила на эксперимент. «Экскурсия за гонорар» не предполагает фиксированной цены за экскурсионный билет. Посетителю предоставляется право самостоятельно оценить работу экскурсовода и оставить соответствующее денежное вознаграждение.

Впервые с таким предложением музей обратился к горожанам в свой день рождения — 19 сентября. В этот день гости музея познакомились с экспозицией «Как Россия прирастала Кузбассом» и оценили работу сопровождавшего их экскурсовода в денежном эквиваленте.

Для горожан свободная цена стала бонусом в приобретении специальной культурной программы, для музея — обратной связью с посетителями.

«Экскурсия за гонорар» проводится в последнюю субботу каждого месяца. Кстати, «оценка» посетителей практически совпала с ценой на билет.

Новая выставка «НЕРЕАЛ изованные проекты архитекторов»

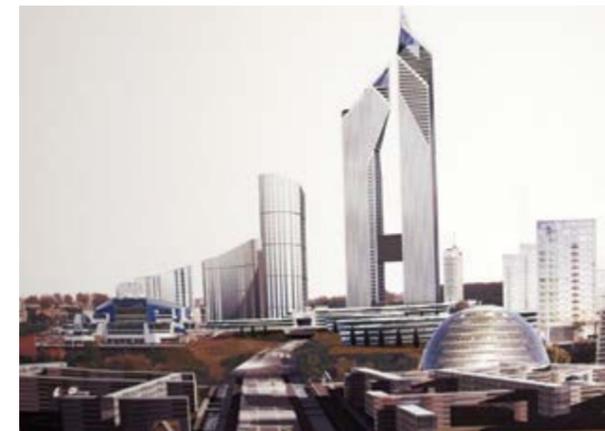
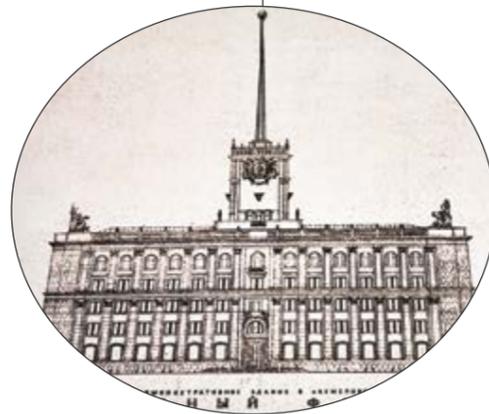
Накануне Международного дня музеев на «Красной Горке» открылась выставка «НЕРЕАЛ изованные проекты архитекторов», посвящённая 100-летию Кемерово.

Каким мог стать Кемерово, но так и не стал? Как отразились на облике города разные архитектурные концепции? Кто из профессионалов получил наибольшее признание? На эти и другие вопросы даёт ответы вышеназванная выставка, в создании которой музею помогли Кемеровское отделение Союза архитекторов России и сотрудники Государственного архива Кемеровской области. Финансовую поддержку для воплощения столь интересной идеи оказало Акционерное общество «Холдинговая Компания «Сибирский цемент».

Первую экскурсию для гостей провела Зинора Волкова, заместитель директора по науке. Некоторые из гостей – архитекторы Сергей Зыков, Олег Ражев, Юрий Зюсков, Борис Лерман, дополнили рассказ экскурсовода, уточняли, почему та или иная идея не получила воплощения. Архитектор работает один, но материализация его замыслов зависит от сотен людей и множества различных обстоятельств. Поэтому иногда задуманное не воплощается в жизнь.

С каждым днем выставка набирает обороты. Все больше кемеровчан интересуются историей городской застройки. Посетители узнают, где планировалось возведение небоскрёба, и почему не воплотилась в жизнь идея «города-сада». Неожиданным открытием для экскурсантов становится тот факт, что здание, в котором сегодня находится городская администрация, проектировалось известным архитектором Леонидом Моисеенко для управления НКВД.

В музее представлены самые интересные из неосуществлённых проектов. Они показывают, каким мог бы стать областной центр, и каков творческий потенциал кемеровских градостроителей.

КЕМЕРОВО ДЕРЖИТ МАРКУ

Юбилейный подарок от Почты России

1 июня 2018 года музей-заповедник «Красная Горка» принял в дар от Почты России конверт первого дня с маркой, посвященной 100-летию города Кемерово. Это событие стало знаковым, поскольку произошло накануне юбилея. Символично и то, что вручение подарка состоялось именно там, где когда-то начиналось открытие Кузбасса.

На почтовой марке изображен монумент «Память шахтерам Кузбасса» знаменитого скульптора Эрнста Неизвестного на фоне города Кемерово. К ее выпуску изготовлен и специальный штемпель гашения. Отметим, что почтовые знаки, погашенные в день их выпуска, приобретают дополнительную филателистическую ценность.

Торжественная церемония первого дня состоялась в месте, связанном с маркой, не случайно. Это дополнительный способ привлечь внимание общественности к достопримечательностям Кемерово, его истории и дальнейшему развитию. Это попытка донести до сознания каждого горожанина причастность ко всем событиям, происходящим в областном центре. Изображенный на марке монумент давно стал настоящим символом Кузбасса, знаменем шахтерской славы. Теперь его известность вышла далеко за пределы Сибирского федерального округа.

Совсем недавно музей получил в подарок от государственного издательского торгового центра «Марка» еще один почтовый конверт с изображением монумента.

Однако это далеко не все филателистические ценности, которыми сегодня располагают музейные фонды.

Напомним, что в 2013 году в честь десятилетия монумента «Память шахтерам Кузбасса» состоялась аналогичная церемония спецгашения почтовых конвертов с изображением памятника. Один из них теперь представлен на выставке «МОНУМЕНТальная память», посвященной истории создания монумента и его автору.

Седьмое чудо Кузбасса

Монумент «Память шахтерам Кузбасса» установлен на территории достопримечательного места Красная Горка в городе Кемерово. Шахтер держит в руках пылающий уголёк-сердце, у основания памятника размещены «куски угля», воплощенные в стилизованные человеческие лица. Автор композиции — скульптор Эрнст Неизвестный.

Памятник выполнен в неповторимом стиле художника, сочетающем черты символизма и кубизма с бурной экспрессией. Героический образ шахтера, созданный Э. Неизвестным, перекликается с образом титана Прометея. Скульптор стремился подчеркнуть важность шахтерского дела и опасность этой непростой работы. Памятник установлен на трёхметровом постаменте, общая высота композиции составляет 12 метров.

В настоящее время арт-объект включён в список памятников монументального искусства регионального значения.

Известный Неизвестный

В 2013 году, спустя 10 лет после открытия памятника, его автор прислал кемеровчанам обращение: «Дорогие мои! Страшно думать, что прошло уже 10 лет, как мы открыли все вместе монумент «Память шахтерам Кузбасса». Я сделал тогда именно то, что хотел. Говорят, что люди ходят на «Красную Горку». Говорят, что мой Шахтер стал любимым. Слава Богу, я с Вами! Дай Бог продолжения жизни и здоровья тем мудрым людям, что стояли у истоков моего Шахтерского Ангела!

Ваш Эрнст Неизвестный. Нью-Йорк, август 2013».

«Марочный» Кемерово

6 июля 2018 года в почтовое обращение вышла марка, посвященная 100-летию города Кемерово.

Почтовая марка размером 42 30 мм, номиналом 27 рублей, изданная тиражом 270 тыс. экземпляров, поступила в продажу в отделения Почты России. На почтовой марке изображен монумент «Память шахтерам Кузбасса» знаменитого скульптора Эрнста Неизвестного на фоне города Кемерово.

К выпуску почтовой марки изготовлены конверты первого дня и специальный штемпель гашения первого дня для г. Кемерово.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ САЛОН У КАМИНА

Во время акции «Ночь искусств-2017 на Красной Горке» стартовал проект «Музыкальный салон у камина». Посетители собрались, чтобы услышать оригинальные нюансы звучания старинного пианино Franz Handro. Музыкальный инструмент немецкого производства начала прошлого века передала музею кемеровчанка Людмила Андриянова. Каминный зал обустроили как уютный клуб любителей музыки. Гостей вечера впечатлил новый формат, тёплая атмосфера и живое звучание, поэтому камерные концерты стали проводиться постоянно.

Программа и репертуар выступлений определялись ближайшей праздничной датой. Музыцировать на импровизированной сцене приглашали как виртуозов (кемеровских пианистов Владимира Чижика и Ивана Пестова, скрипача Дмитрия Маренина), так и начинающих исполнителей — воспитанников кемеровских детских школ искусств. Каждый субботний вечер солировали новые инструменты — лирическая скрипка, бархатный саксофон, глубокий контрабас.

Неизменной оставалась концепция — «Прозвучит музыка». В историческом центре города посетитель должен привычно побывать на экскурсиях, а далее зарядиться положительны-

ми эмоциями, наслаждаясь звуками пианино и треском поленьев в разожженном камине.

Салон «Новогоднее настроение» гости запомнили душевной игрой музыкальных тем из любимых советских кинолент и мультфильмов. Владимир Чижик талантливо импровизировал на предлагавшиеся залом сюжеты. 6 января состоялась «Рождественская встреча у камелька» с загадыванием желаний у очага и обменом подарками. Следом под звуки старинного пианино проводили «Старый Новый год». 27 января представили программу «Татьянин вальс». Слушательниц с именем Татьяна порадовали вокальные и музыкальные сюрпризы от юных артистов. Ежегодный День Святого Трифона отпраздновали салоном «Влюблённые сердца». Романтические мелодии настраивали пары на нежный лад. Беспреданно звучали любовные признания и приглашения потанцевать...

Серию концертов-комплиментов «Весеннее настроение» провели в честь Международного женского дня. Ветеранов Великой Отечественной войны встречали торжественным репертуаром на программе «Мелодии Победы». В День защиты детей «концертный» зал «Красной Горки» оживили поэтические номера чтецов Детской школы искусств № 19. Праздничный салон в День семьи, любви и верности перенесли на площадку под открытым небом — музейную веранду...

Музыкальные вечера сразу же стали популярными у кемеровчан и гостей города. За столиками музейного зала свои профессиональные праздники отмечали коллективы городского архива и спортивного комплекса «Олимп».

Ярким аккордом в жизни «Красной Горки» прозвучал проект «Музыкальный салон у камина». Необычная форма музейной просветительской работы привлекла сотни посетителей и получила десятки положительных откликов пользователей социальных сетей. Дальнейшие концерты в каминном зале сохраняют полюбившуюся многим домашнюю атмосферу и порадуют слушателей музыкальными новинками.

Музыцировать на импровизированной сцене приглашали как виртуозов (кемеровских пианистов Владимира Чижика и Ивана Пестова, скрипача Дмитрия Маренина), так и начинающих исполнителей — воспитанников кемеровских детских школ искусств.

МУЗЕЙ +

В преддверии столетнего юбилея Кемерова на «Красной Горке» стартовал большой проект под общим названием «Музей+». Проект предполагает просветительскую деятельность сразу в нескольких направлениях: «Музей + школа», «Музей + семья» и в перспективе «Музей + ВУЗ»

Программу для детей дошкольного и младшего школьного возраста составили из занятий «Кухонные старости», «Школьная старина», «В гостях у Михайлы Волкова», «Музейный детектив», «Музей в чемодане», «Маленькая великая страна». Уроки в стенах музея, знакомство с миром музейных экспонатов в сопровождении гнома Гамазюли, домовенка Томаса, детектива Шелли Холмс и других персонажей, квесты на территории «Красной горки» — всё это стало залогом успеха проекта.

— Знания через игру — один из самых эффективных форматов коммуникации, а занятия в музее придают урокам дополнительную загадочность, — комментирует экскурсовод Ирина Титова. — Ребята учатся писать гусиным пером, проверяют свои топографические возможности и навыки ориентирования на местности. Мы надеемся, что музей станет надежным помощником родителям и педагогам в воспитании юных кемеровчан, знающих и любящих свой город.

По итогам проекта ребята получили ведомость по образцу прошлого века с оценками «отлично», а самым активным, побывавшим на всех программах, было присвоено звание и вручен значок «100% кемеровчанин».

В летнее время началась реализация направления «Музей + семья». В выходные дни «Красная Горка» становилась местом для семейного отдыха. Сотрудники музея разработали варианты семейных программ с учетом различных погодных условий. Пока дети приобщались к истории на интерактивных уроках, родители знакомились с музеем на экскурсиях. Причем, зачастую взрослые оставались на уроках вместе с детьми и с удовольствием помогали им в освоении «гаджетов» прошлого века.

Проект «Музей+» — это не попытка «Красной Горки» заменить классическое школьное образование, а поиск индивидуального подхода к каждому гостю музея.

Выставка «Авторская кукла»

В октябре в музее открылась выставка «Авторская кукла». Посетители погрузились в сказочный мир произведений Народного мастера России, члена Союза дизайнеров России Надежды Алехиной и ее учеников.

Надежда Алехина — художник декоративно-прикладного искусства.

Ее куклам присущи скрупулезно подобранные ракурсы, мельчайшие детали костюмов и аксессуаров, поразительная живость лиц. Мастер тщательно выбирает материал и позы своих персонажей. Особый разворот головы, положение рук передают характерные черты образов.

Приёмами оживления художественных материалов Надежда Алехина делится с учениками студии «Кукольная коллекция», которой она руководит.

«Красную Горку» и Надежду Алехину связывает давнее сотрудничество. В главной экспозиции музея «Как Россия прирастала Кузбассом» выставлены куклы в мундирах горных инженеров разных эпох. Эта витрина всегда пользуется большим интересом посетителей.

Выставка «Авторская кукла» организована в рамках проекта «Домашний музей». Благодаря ему посетители знакомятся с собраниями кемеровских коллекционеров или с работами земляков — мастеров декоративно-прикладного искусства.

КРАСНАЯ
ГОРКА

НАШИ АВТОРЫ

АДАМЕНКО Алексей Михайлович
старший научный сотрудник отдела информации
Государственного архива Кемеровской области

ВОЛКОВА Зинора Фатиковна
заместитель директора музея-заповедника
«Красная Горка» по науке

ВОЛКОВА Анна Сергеевна
главный архивист Государственного архива
Кемеровской области

ГАЛКИН Николай Владиславович
старший научный сотрудник Государственного
архива Кемеровской области

ГРИНЕВА Ольга Николаевна
главный архивист Государственного архива
Кемеровской области

ЕРМОЛИНА Алеся Михайловна
аспирант Томского государственного архитектурно-
строительного университета

КАРПОВА Галина Ивановна
кандидат филологических наук

КИКИОЙ Татьяна Владимировна
научный сотрудник музея-заповедника
«Красная Горка»

КУЗНЕЦОВА Любовь Федоровна
старший научный сотрудник Кемеровского
областного краеведческого музея

ЛЕВИНА Ирина Валентиновна
заместитель директора музея-заповедника
«Красная Горка» по развитию

ОЛЬХОВСКАЯ Людмила Анатольевна
журналист

ОРЛОВ Михаил Александрович
старший научный сотрудник Государственного
архива Кемеровской области

ПРЕДЕИНА Ольга Николаевна
заведующая отделом хранения фондов музея-
заповедника «Красная Горка»

РАБКИНА Надежда Владимировна
кандидат филологических наук, доцент кафедры
переводоведения и лингвистики КемГУ

СУХАЦКИЙ Владимир Александрович
научный сотрудник музея-заповедника «Красная
Горка»

УСКОВ Игорь Юрьевич
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник Федерального
исследовательского центра угля и углекислоты СО РАН

ЧЕЛОМБИТКО Мария Александровна
научный сотрудник, Государственное автономное
учреждение Кемеровской области «Центр
подготовки спортивных сборных команд» Музей
физической культуры и спорта Кузбасса